

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2021

№ 19

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Редакционная коллегия журнала
«Вопросы лексикографии»

Editorial Board of the
Russian Journal of Lexicography

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) – председатель

Tatiana A. Demeshkina (Tomsk, Russia) – Chairperson

Е.В. Иванцова (Томск, Россия) – зам. председателя

Yekaterina V. Ivantsova (Tomsk, Russia) – Deputy Chairperson

Д.А. Катунин (Томск, Россия) – отв. секретарь

Dmitry A. Katunin (Tomsk, Russia) – Executive Editor

В.Ю. Апресян (Москва, Россия)

Valentina Yu. Apresyan (Moscow, Russia)

Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)

Nikolai D. Golev (Kemerovo, Russia)

А.Д. Жакупова
(Кокчетав, Казахстан)

Aygul D. Zhakupova
(Kokshetau, Kazakhstan)

В.М. Мокиенко
(Санкт-Петербург, Россия)

Valery M. Mokienko
(Saint Petersburg, Russia)

А.Н. Соболев
(Санкт-Петербург, Россия)

Andrey N. Sobolev
(Saint Petersburg, Russia)

О.В. Фельде (Красноярск, Россия)

Olga V. Felde (Krasnoyarsk, Russia)

Р. Ханзен-Кокоруш (Грац, Австрия)

Renate Hansen-Kokoruš (Graz, Austria)

Л.И. Шелепова (Барнаул, Россия)

Lyudmila I. Shelepova (Barnaul, Russia)

Е.А. Юрина (Томск, Россия)

Yelena A. Yurina (Tomsk, Russia)

И. Янышкова (Брно, Чехия)

Ilena Janyšková (Brno, Czech Republic)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/lex/>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Аксарина Н.А., Басова Л.В. К вопросу о лексикографическом описании предлога <i>путём</i> в современных дискурсах	5
Генералова Е.В. <i>По барабану</i> : лексико-грамматический статус и лексикографическое представление устойчивых двухкомпонентных предложно-падежных сочетаний	32
Жуйкова М.В., Йодловская А.И. К проблеме построения словарных толкований конкретной именной лексики (флора и фауна)	52

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Лигус Е.В. Проект контрастивного словаря народных песен казаков Кубани	75
Монастырёв В.Д., Васильева Н.Н., Аммосова И.В. «Большой толковый словарь якутского языка»: новое достижение якутской лексикографии	92

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Никитина Т.Г. Детский мир от первого лица. Рецензия на книгу: Словарь детства: говоры Среднего Приобья (с лингвокультурологическим комментарием) / Н.А. Агапова, С.В. Волошина, Т.А. Демешкина, С.С. Земичева, М.А. Толстова, И.В. Тубалова, М.М. Угрюмова, под ред. М.М. Угрюмовой.	109
Сведения об авторах	120

CONTENTS

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Aksarina N.A., Basova L.V. On the Lexicographic Description of the Preposition <i>Putyom</i> in Modern Discourse	5
Generalova E.V. Lexical-Grammatical Status and Lexicographic Presentation of Two-Component Stable Prepositional Combinations	32
Zhuikova M.V., Yodlovska A.I. On the Problem of Constructing Definitions of Specific Nominal Lexis (Flora and Fauna)	52

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Litus E.V. The Project of a Contrastive Dictionary of the Kuban Cossacks' Folk Songs	75
Monastyrev V.D., Vasilieva N. N., Ammosova I.V. <i>The Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language: A New Achievement</i> of Yakut Lexicography	92

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Nikitina T.G. Children's World in the First Person. Book Review: Agapova, N.A. et al. (2018) <i>Slovar' Detstva: Govory Srednego Priob'ya</i> (<i>S Lingvokul'turologicheskim Kommentariem</i>) [Dictionary of Childhood: Dialects of the Middle Ob Region (With a Linguoculturological Commentary)]	109
Information About the Authors in Russian	120

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

УДК 811.161.1.'374.3

DOI: 10.17223/22274200/19/1

Н.А. Аксарина, Л.В. Басова

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ ПРЕДЛОГА *ПУТЁМ* В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУРСАХ

*Предложен семасиологический подход к лексикографическому описанию производного предлога. Рассмотрены принципы представления предлога **путём** в современных словарях, на основе анализа материалов НКРЯ выявлена и описана система значений этого предлога, определены их дифференциальные признаки, особенности валентности, семантические функции, установлено мотивирующее значение производящего имени, определен круг наследуемых сем, выявлены частичные синонимы, составлена словарная статья.*

Ключевые слова: отыменный предлог, синонимическая дефиниция, описательно-синонимическая дефиниция, семантический потенциал, мотивирующее значение, семная рекуррентия, грамматикализация.

К постановке проблемы

В.В. Виноградов в «Грамматическом учении о слове» (1947), описывая производные отыменные предлоги, упоминает о восходящих к форме творительного падежа существительного предлогах *путём, посредством*. Ученый отмечает, что это единичные образования, в отличие от предлогов, произошедших из форм косвенных падежей существительного с первообразными предлогами, большинство из которых перешли в предлоги «через посредство наречий, или минувя наречия» [1. С. 681]. На сегодняшний день системные описания единиц подобного рода не завершены.

Таким образом, предметом анализа в данной статье является словоформа *путём*. Рассмотрим, в качестве какой грамматической единицы она представлена в современных словарях и в какие синонимические ряды включена; выявим, в каких дискурсах активно функционирует предлог *путём*, и определим спектр его значений.

Описание значения предлога *путём* и его синонимов в словарях

В академических толковых словарях словоформа *путём* в большинстве случаев фиксируется как наречие и предлог. Так, в «Словаре современного русского литературного языка» в 17 т. представлены две словарные статьи с этим словом:

«1. Путём, нареч. Разг. Надлежащим образом, так, как должно, как следует. *Слушай: обо всем об этом Пораздумай ты путём. Не раскаяться б потом.* Пушк. Ск. о царе Салтане... – *Куда иду, и сам еще путём не знаю,* Загоск. Юр. Милославский, I, 1. «*Продам здесь и землю и двор; там я на эти деньги выстрою и заведение все заведу. Только самому все путём вызнать надо.*» Л. Толст. Много ли человеку... 3. – Слов. Акад. 1793: путем.

2. Путём, предлог с род. пад. С помощью, посредством чего-либо. *Лясс продолжал опыты над различными сортами для яровизации. Путём скрещивания он создал новый сорт.* Эренб. *Не переводя дыхания,* 4. *На земной поверхности так или иначе все соединения углерода путём химических изменений приходят к трем типам.* Вернад. Опыт описат. минералогии. – Ушак. Толк. слов. 1939: путём» [2. С. 1747].

Отметим, что наречие *путём* зафиксировано в Словаре Академии Российской в 1793 г. Предлог *путём* описан в «Словаре современного русского литературного языка» Академии наук СССР примерно через полтора века.

В «Словаре русского языка» (МАС) под редакцией А.П. Евгеньевой даны две словарные статьи:

«ПУТЁМ, нареч. Разг. Надлежащим образом, как следует. *Возле меня уселся какой-то закутанный господин; дело было вечером, я не мог его путём разглядеть.* Герцен, Былое и думы. – *И слова-то путём не умеет молвить, а еще петербургский!* И. Гончаров, Обыкновенная история. – *Жилкин был слабосильный и неловкий: ни дров путём наколоть не умел, ни костер сложить!* С. Антонов, На военных дорогах.

ПУТЁМ, предлог с род. п. Посредством, с помощью. *Создать новый сорт пшеницы путём скрещивания.* □ *У него уже выработались, путём подражания взрослым, приемы заправского акробата.* Куприн, Белый пудель. *Дерево ежегодно утолщается путём нарастания новых слоев древесины.* А.В. Кожевников, По тундрам, лесам, степям и пустыням» [3. С. 564].

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова словоформа *путём* также представлена как наречие и предлог:

«1. ПУТЁМ, нареч. Разг. Надлежащим образом, как следует. Ничего п. сделать не может. В темноте и разглядеть-то его п. не смог. Как экзамены? – Всё п. (всё в порядке, хорошо).

2. ПУТЁМ, предлог, чего. С помощью, посредством чего-л. Добиться решения путём референдума» [4. С. 634].

Таким образом, в большинстве толковых словарей словоформа *путём* зафиксирована в двух статьях в качестве наречия и предлога. Наречие *путём* во всех словарях дано с пометой «разговорное» или «просторечное», и примеры, приведенные в статьях, подтверждают его стилевую принадлежность. Значение предлога *путём* раскрывается через синонимы *посредством, с помощью / при помощи*. Предлог *путём* представлен без помет. Отметим, что контексты с данным предлогом весьма разнообразны. Приведены предложения из текстов научно-популярного стиля; из художественных произведений, содержание которых так или иначе относится к научной сфере; встречаются контексты, принадлежащие к официально-деловому и к литературно-разговорному стилям.

В «Объяснительном словаре русского языка», созданном коллективом авторов Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина и изданном в 2003 г., предлог *путём* имеет описательно-синонимическую дефиницию: «ПУТЁМ, *предл. с род., книжн.* Употр. При указании на способ осуществления действия. □ Син. посредством *употр.* реже, с помощью, при помощи. Добиваться чего-л. ...путём улучшения чего-л. *См. тжж.* С помощью 1.1. Он пришел к этой мысли путем долгих размышлений» [5. С. 289]. Обращает на себя внимание помета *книжн.* В то же время материалы Национального корпуса русского языка (НКРЯ) доказывают, что в текстах обиходно-бытового стиля предлог *путём* встречается также достаточно часто.

Подчеркнем, что предлог *путём* представлен в современных специализированных словарях служебных слов. Не описана словоформа *путём* лишь в «Словаре служебных слов русского языка», созданном коллективом авторов Дальневосточного государственного университета [6].

Примечательно, что и в толковых словарях, и в словарях служебных единиц словоформа *путём* в предложном употреблении чаще

всего представляется как однозначная и описывается в словарной статье существительного *путь* (как его отдельное значение) – напр.: «8. путём, *предлог с род. п.* Посредством, при помощи чего-н. *Решить задачу путём сложных вычислений. Добиться своего путём обмана*» [7. С. 632]. Такое же значение (см. выше) представлено и в «Словаре современного русского литературного языка» в 17 т.

В «Словаре наречий и служебных слов русского языка» В.В. Бурцевой словоформа *путём* имеет одно наречное (1) и одно предложное (2) значение (представлены в одной словарной статье): «ПУТЁМ 1. *нареч.; разг.* Надлежащим образом, как следует, толково. *Ничего путём сделать не может. Объясни ты ему путём.* 2. *чего, предлог с род. п.* С помощью, посредством чего-н. *Ввести вакцину путём инъекции. Решили проблему путём голосования*» [8. С. 537].

В «Толковом словаре служебных частей речи русского языка» Т.Ф. Ефремовой предлог *путём* представлен в словарной статье в единственном значении: «путём² *предлог с род. пад.* 1. Соответствует по значению сл.: с помощью чего-л., посредством чего-л.» [9. С. 580].

Однако наблюдение за употреблением словоформы *путём* в предложной функции в современных дискурсах в контекстах, зафиксированных в НКРЯ, позволяет усмотреть у нее более разветвленную систему значений. Любопытно, что одни из этих значений соответствуют действующей литературной норме, а другие находятся на грани литературного употребления – но все они в разной степени мотивированы семантикой производящего имени.

Утверждать отыменное, а не наречное происхождение предлога *путём* (хотя специфика его описания в словарях служебных слов как будто устанавливает его более тесную связь с наречием *путём*, чем с существительным *путь*) позволяют разговорная специфика наречия и отсутствие общих сем в зафиксированных в словарях значениях предлога и наречия – ср.: «путём¹ *нареч. качеств.-обстоят.* Разг. 1. Так, как должно, как следует, надлежащим образом» [9. С. 580], «Путём. 1. *нареч.; разг.* Надлежащим образом, как следует, толково. *Ничего путём сделать не может. Объясни ты ему путём*» [8. С. 537] и др.

Отраженное в словарях значение предлога *путём* напрямую мотивируется одним из значений существительного *путь* и наследует существенную часть его семантического потенциала.

Так, в «Словаре современного русского литературного языка» описано восемь значений существительного *путь*, одно из которых

определяет семантический диапазон производного предлога. Это значение 6: «*Перен. Средство, способ достижения чего-л; образ действия. [Дух:] Но к цели можно бы прийти. Мы в честь войдем, богатства скопим; На то есть равные пути.* Майк. Дух века. [Судебный следователь:] Вы избрали этот более простой путь [многого самоубийства], не подумав, что это приведет вас к тому, что считается преступлением двоебрачия. Л. Толст. Жив. труп, VI, I. Каким-либо путем, какими-либо путями, путём чего. Каким-либо способом. [Бекрель] читал в Парижской академии наук записку о своих опытах извлечения драгоценных металлов не промыванием или ртутным процессом, а электрохимическим путем. Черныш. Из «Отеч. записок», А* 8, 1854» [2. 1759]. В указанном выше словарном значении предлога *путём* сохраняются в экспликации те же дифференциальные семы – «средство достижения», «способ достижения», «образ действия».

Однако в современных дискурсах, как следует из анализа материалов НКРЯ, при семантизации этого предлога актуализируются разные компоненты и семантические варианты мотивирующего значения существительного *путь*. Это позволяет говорить о появлении у предлога *путём* разных значений при одной и той же мотивирующей базе. Такая многозначность обуславливается исходным семантическим потенциалом мотивирующего значения и наглядно выявляется как из наблюдений за семной рекурренцией в контекстных связях предлога, так и в отношениях синонимии: предлоги-синонимы в этом случае выступают дополнительными семантическими идентификаторами.

Как показывают словарные дефиниции предлога *путём*, он близко синонимичен отыменным предлогам *посредством* и *при помощи* (с помощью). Хотя в толковых словарях предлог *путём* имеет исключительно синонимические дефиниции, ни один из современных словарей синонимов, кроме «Словаря русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова, вообще не описывает синонимию этого предлога. В этом словаре предлог *путём* включен в синонимический ряд с предлогом-доминантой *через*: «через, чрез, сквозь; посредством, путём, с помощью, при помощи; вследствие» [10. С. 421].

В «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой данный предлог не представлен ни в одной словарной статье [11], не включен он и в «Словарь синонимов русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой [12].

В «Большом русском словаре-справочнике синонимов (близких по смыслу слов)» В.Н. Тришина предлагается статья, в которой для более полного описания семантики предложно-падежной формы *путём переговоров* подобраны близкие по значению слова и сочетания слов: «по взаимному соглашению, по согласию, мирно, подобию, похорошему, мирным путем, по-доброму, бесконфликтно, полюбовно» [13]. В отдельной статье предлог *путём* не рассматривается.

Таким образом, в синонимических словарях предлог *путём* практически не представлен – в отличие от толковых словарей и специализированных словарей служебных слов, где он объясняется предлогами *посредством* и *при помощи (с помощью)*. В то же время все эти словари отражают и вариативность семантики предлогов *посредством* и *при помощи (с помощью)*. Осмыслим эту вариативность для каждого из предлогов.

В словаре В.В. Бурцевой находим следующее толкование предлога *посредством*: «Посредством чего, предлог с род. п. При помощи чего-н., путем чего-н. *Связь будем осуществлять посредством пейджера*» [8. С. 497]. Однако очевидно, что в приведенном примере предлог *посредством* выступает в инструментальном значении: *посредством чего* соотносимо с *используя что* – в сочетании с конкретным существительным с предметно-вещной семантикой. Поэтому в данном контексте он реализует действительно синонимические связи, позволяющие адекватную контекстную замену, лишь с предлогом *при помощи* (ср.: *Связь будем держать при помощи пейджера*). В отличие от предлога *при помощи*, предлог *путём* в данном случае не вступает в рекуррентные отношения с контекстом, так как не имеет инструментальной семантики и потому не может в этих контекстных условиях замещать предлог *посредством* (ср. – невозможно: *Связь будем держать путём пейджера*).

Все указанное свидетельствует о наличии у предлога *посредством* по крайней мере двух не дифференцированных словарем значений, в одном из которых он не синонимичен предлогу *путём*.

В словаре Т.Ф. Ефремовой представлено более широкое толкование значения предлога *посредством*: «посредством предлог с род. пад. 1. Употр. при указании на что-л., пользуясь чем производится какое-л. действие, и соответствует по значению сл.: при помощи чего-л., с помощью чего-л., используя что-л.» [9. С. 531]. Отсутствие в словаре примера употребления предлога *посредством* в названном зна-

чении не позволяет судить о том, ограничен ли «правый» компонент только предметно-вещным инструментальным значением. Однако схожее толкование содержит и «Словарь русского языка» С.И. Ожегова: «*чего, предлог с род. п.* При помощи чего-н., каким-н. способом, используя что-н. *Действовать посредством переговоров*» [7. С. 567]. Здесь пример явно указывает на то, что в сочетании с «правым» компонентом – отглагольным существительным актуализируется сема «способ (осуществления действия)» и никак не проявляет себя сема «инструмент». Кроме того, в значении предлога *посредством*, представленном в данном словарном примере, обнаруживаются семы «взаимодействие», «связь», «установление связи», общие для существительных *посредство* и *путь* (в значении 6 по БАС – см. выше), производящих для предлогов *посредством* и *путём*. Это позволяет утверждать, что именно в таком значении предлог *посредством* синонимичен предлогу *путём* – хотя в данном случае словарная статья предлога *посредством* этой синонимии не отражает.

Исходя из сказанного, один из опорных тезисов при дальнейшем исследовании семантики предлога *путём* может быть следующим: предлог *посредством* синонимичен предлогу *путём* при указании на способ осуществления действия и не синонимичен при указании на инструмент действия. Следовательно, при лексикографическом описании предлога *путём* с использованием описательно-синонимической либо синонимической дефиниции следует учитывать неоднозначность предлога *посредством* (указывать, в каком именно значении предлог *посредством* синонимичен предлогу *путём*).

В значении предлога *при помощи*, который, согласно словарям, тоже синонимичен предлогу *путём*, также явно определяются варианты. Так, в словаре В.В. Бурцевой этот предлог толкуется следующим образом: «*При помощи кого-чего, предлог с род. п.* Посредством чего-н., прибегнув к кому-н. *При помощи топора не нужно дверь вскрывать. При помощи друзей удалось всё сделать быстро*» [8. С. 521]. Как видим, предлог *путём* в данной дефиниции как синоним к *при помощи* не приводится.

Важно, что и словарная дефиниция, и сопровождающий ее пример указывают на необходимость разграничивать варианты значения «посредством чего-н.» и «прибегнув к кому-н.». Если в первом случае в сочетании с существительным с предметно-вещной семантикой снова обнаруживается инструментальный компонент (*при помощи топора* =

топором – как инструментом), то во втором наряду с семой «использование» актуализируется сема «совместное участие». Собственно, именно актуализация семантики указания на соучастника действия ограничивает «правую» валентность этого варианта значения предлога *при помощи* одушевленными существительными. Важно также, что ни один из этих вариантов (если исходить из семной рекуррентии предлога *при помощи* с приведенными в словаре контекстами) не может быть синонимичен предлогу *путём*. Однако в дефиниции предлога *путём*, как мы помним, предлог *при помощи* как синоним присутствует. Это позволяет предположить наличие у предлога *при помощи* по крайней мере еще одного значения, в котором он вступает в синонимические отношения с предлогом *путём*.

Искомое значение условно (поскольку источник не содержит примеров употребления) находим в словаре Т.Ф. Ефремовой – и оно полностью идентично представленному в том же словаре значению предлога *посредством* (см. выше): «при помощи *предлог с род. пад.* 1. Употр. при указании на что-л., пользуясь чем производится какое-л. действие, и соответствует по значению сл.: с помощью чего-л., посредством чего-л., используя что-л.» [9. С. 565]. Близкую формулировку – но уже с примером употребления – имеет в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова значение предлога *с помощью* (через него в этом словаре идентифицируется предлог *при помощи*): «С помощью *кого-чего, предлог с род. п.* – посредством кого-чего-н. *Добиться чего-н. с помощью обмана*» [7. С. 558].

Приведенный в словаре пример употребления предлога *с помощью / при помощи* свидетельствует об актуализации в этом его значении сем «средство» и «(нечто) дающее возможность» (ср. – *с помощью обмана / используя нечто как средство обмана, для обмана*). Следовательно, подобное значение должно быть и у предлога *посредством*, который в приведенной дефиниции синонимичен *с помощью / при помощи*. Кроме того, в семантическом потенциале предлога *при помощи / с помощью* обнаруживаются компоненты «направленность (на достижение чего-л.)» и «включенность (в какую-л. деятельность)», унаследованные от производящего существительного *помощь*. Такие же компоненты имеет существительное *путь* (в значении 6 по БАС – см. выше). Поэтому допустимо предположить, что эти компоненты наследуются предлогом *путём* и что этот предлог также способен указывать на средство осуществления действия и, таким образом, быть в этом значении синонимичным предлогу *с помощью / при помощи*.

На основании сказанного выдвинем второй опорный тезис, предваряющий основное исследование: предлог *при помощи* / *с помощью* синонимичен предлогу *путём* в значении указания на средство осуществления действия и не синонимичен в значении указания на соучастника действия и инструмент действия.

Из сформулированных тезисов следует, что предлоги *посредством* и *при помощи* синонимичны друг другу только в инструментальном значении. Но именно в этом значении ни один из них не имеет достаточно общих сем с предлогом *путём*. Следовательно, предлог *путём* синонимичен *посредством* и *при помощи* в разных своих значениях, а не в одном, как представлено в словарных дефинициях этого предлога.

В лексикографической традиции производные (в том числе отменные) предлоги вообще чаще имеют не собственно синонимическую, а описательную либо описательно-синонимическую дефиницию, демонстрирующую ближайшие связи предлога в лексико-семантической парадигме. При этом наблюдается зависимость между степенью грамматикализации предлога и долей синонимической составляющей в его словарном определении: предлоги, более полно наследующие семантический потенциал производящей знаменательной единицы, объясняются посредством синонимов, например отменные предлоги *в отношении*, *в сфере*, *по случаю* и др.

Соглашаясь с тем, что синонимы предлога могут быть использованы для идентификации отдельных компонентов в его семантике, мы всё же убеждены, что синонимическая дефиниция для производного предлога не может быть лексикографически достаточной – необходим описательный компонент, прежде всего потому, что производные предлоги наследуют часть семантического потенциала мотивирующих значений производящего слова. Следовательно, они способны преимущественно к частичной синонимии. Кроме того, описательный компонент в дефиниции нужен для указания на семантическую функцию предлога. Однако из современных словарей описательный компонент дефиниции предлога *путём* содержит только «Объяснительный словарь русского языка» под редакцией В.В. Морковкина: «При указании на способ осуществления действия» [5. 289].

Таким образом, при выявлении и описании значений предлога *путём*, реализуемых в современных дискурсах – научно-популярном, научно-разговорном, газетно-публицистическом, административно- и разговорно-деловом, художественном, – считаем нужным в равной

мере учитывать 1) рекуррентные связи с контекстом, обуславливающие лексико-семантическую валентность этого предлога; 2) грамматическую валентность, реализованную в конкретных синтаксических связях (в «левом» и «правом» компонентах); 3) возможность лексико-грамматической замены конструкции с предлогом *путём* формой деепричастия и творительного падежа существительного; 4) возможные отношения синонимии либо частичной лексико-грамматической эквивалентности (иначе говоря, возможности замены с учетом сохранения семантики контекста); 5) данные лексикографических источников.

Анализ реализации системы значений предлога *путём* в современных дискурсах (на материале основного корпуса НКРЯ)

В основном корпусе НКРЯ за последние 10 лет зарегистрировано 609 документов (997 вхождений), содержащих употребления словоформы *путём*, представленной в активных дискурсах. Поиск производился по пользовательскому подкорпусу объемом 6 555 документов, 13 596 479 слов.

В ходе исследования проанализировано 330 употреблений *путём*, 167 из которых являются субстантивными, 13 наречными и 150 предложными.

Из наблюдений за условиями реализации предлога *путём* следует, что «левый» и «правый» компоненты для этого предлога неизменны: «левый» всегда глагольная форма либо отглагольное существительное с процессуальной либо результативной семантикой, а правый – существительное с процессуальной либо результативной семантикой. Однако при этом значения словоформы *путём* в предложном употреблении в контексте все равно довольно разнообразны. И это может быть объяснимо только рекуррентными отношениями, возникающими между единицей и контекстом. В силу этих отношений семантика контекста эксплицирует одни и деактуализирует другие семы, унаследованные предлогом от мотивирующих значений производящего имени. Собственно, смена семной иерархии в конкретных контекстных условиях определяет полисемию отыменного предлога в современных дискурсах.

Как сказано ранее, производящим по отношению к предлогу *путём* является значение 6-й лексемы *путь*: «*Перен.* Средство, способ

достижения чего-л; образ действия» [2. 1759] с соответствующими компонентами в экспликации – «средство (достижения)», «(нечто) опосредующее (что-л.)», «способ (достижения / действия)», «образ действия», по-разному актуализирующимися в вариантах этого значения. Поскольку данное значение – переносное, в импликации оно наследует ряд сем производящего значения 3: «Линия движения в какую-либо сторону, к какому-либо месту (обычно заранее определенному, намеченному); направление. <...> 1) *Перен.* Направление деятельности, развития кого-, чего-либо» [2. 1756–1757]. Это семы «направление (движения / деятельности)», «определенное», «намеченное» (в импликации сема «цель»), «развитие» (в импликации сема «результат»).

Кроме того, значение 3, будучи мотивированным значением 2 («Место, по которому можно или нужно пройти, проехать. <...> 1) *Перен.* О доступе куда, к кому-либо» [2. 1756]), наследует его семы «возможность», «доступ», а также семы «связь», «установление связи», «взаимодействие», «сообщение», «(нечто) служащее (для)», «ограниченное / в пределах» прямого первичного значения «Полоса земли, служащая для передвижения (езды, ходьбы); дорога. <...> || Вообще место, линия в пространстве, по которым или в пределах которых производится движение, сообщение» [2. 1755].

Все перечисленные компоненты так или иначе представлены в семантическом потенциале производного предлога *путём*, актуализируются в конкретных условиях под влиянием семантики контекста и определяют состав значений исследуемого предлога в активных дискурсах. Опишем эти значения с опорой на установленное ранее.

1. В исследованных фрагментах текстов наиболее часто обнаруживается употребление предлога *путём* для указания на способ осуществления действия, например:

Откуда же взялись эти странные «котлы», залегающие в мерзлоте? Путём опроса бывалых охотников исследователи аномального по крупницам собрали все возможные сведения, касающиеся этих объектов... (Сергей Пахомов. Загадка якутских «котлов» // Зеркало мира., 2012);

С начала 1980-х гг. советские, кубинские и вьетнамские учёные и военные проводили различные исследования, главной задачей которых была попытка выяснить, возможно ли путём искусственного воздействия на ураганы или тайфуны менять траекторию их движения,

направляя в нужное место, увеличивать его разрушительную силу и даже «выключать» его в нужное время? (Владимир Щербаков. Ураганы военного назначения // Зеркало мира. 2012);

В первые годы независимости Ли Куан Ю считал главной задачей обеспечить жизнеспособность города-государства, уменьшить его уязвимость от внешних факторов путем создания импортозамещающих отраслей. На втором этапе приоритетом стало развитие производств, ориентированных на экспорт... (В.В. Овчинников. Размышления странника (2012)) [14] и др.

Во всех подобных случаях предлог *путём* имеет в «правом» компоненте отглагольное существительное в форме род. п., при этом существительное с предлогом указывает на добавочный, опосредующий характер действия, совершаемого для реализации основного (названного глаголом-сказуемым, инфинитивом в функции дополнения, отглагольным существительным в функции подлежащего или дополнения) и семантически адекватно замещается формой деепричастия – ср.: *путём опроса* = *опрашивая / опросив*; *путём воздействия* = *воздействуя*; *путём создания* = *создавая / создав*. При этом процесс реализации основного действия представляется как стадийный: опосредующее действие (напр., *опросить охотников*) → основное действие (*собрать сведения об объектах*) → результат. Именно эта стадийность создает условия для актуализации в контексте семы «(нечто) опосредующее (что-л.)», унаследованной от производящего значения существительного *путь*.

Важно, что из всего семантического потенциала, унаследованного предлогом *путём* от производящей единицы, в контекстах подобного типа наряду с семой «(нечто) опосредующее (что-л.)» реализуются только семы «способ (действия)», «цель» и «(нечто) служащее (для)» (две последние – в импликации); для реализации прочих компонентов в контекстах нет рекуррентных условий. Фактически при таком употреблении предлог *путём* предстает наиболее грамматикализированным, лексическая часть его значения мала. Это само по себе уже свидетельствует о недостаточности любой синонимической дефиниции для описания предлога *путём* в контекстах подобного типа и о необходимости включения в дефиницию описательной составляющей. Так, наиболее близким предлогу *путём* в этом случае оказывается рассмотренный выше предлог род. п. *посредством* в значении указания на способ осуществления действия – ср.: *собрали путём / посредством*

ством опроса; уменьшить уязвимость путём / посредством создания; возможно ли путём / посредством воздействия. Важно, что в описываемом значении предлога *путём* не реализуется компонент «средство (действия)», поэтому в данном значении *путём* не может быть синонимом к *при помощи* и, следовательно, не может им объясняться.

Другим синонимичным – но лишь отчасти – предлогом к *путём* в этом значении представляется многозначный предлог *через*, одно из значений которого содержит сему «способ (действия)». В словаре Т.Ф. Ефремовой это значение 11: «*перен., разг.* Соответствует по значению сл.: при помощи кого-л., или чего-л., каким-л. способом, используя что-л.» [9. С. 742]. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова схожую формулировку имеет значение 4 – без помет *переносное* и *разговорное*: «При помощи кого-чего-н., каким-н. способом, используя что-н. *Оповестить ч. газету. Сообщить ч. друзей. Писать слово ч. черточку*» [7. С. 878]. Это соотносимо со значением 4 в словаре В.В. Бурцевой: «Указывает на лицо, средство, при посредстве которых совершается что-н. *Объявить через газету. Передать через соседа. Узнать через справочное бюро*» [8. С. 719]. Как и в случае с предлогами *посредством* и *при помощи*, словарные толкования не разграничивают семантику указания на способ осуществления действия, на средство осуществления действия, на посредника в осуществлении действия или его соучастника и на инструмент. Если два первых компонента равно свойственны предлогам *путём* и *через*, то два последних предлогу *путём* изначально не присущи (не унаследованы из семантического потенциала производящего имени). Следовательно, использовать предлог *через*, равно как и предлог *при помощи*, для толкования предлога *путём* в этом значении представляется нецелесообразным.

Таким образом, приходим к выводу о том, что предлог *путём* в данном значении должен иметь не синонимическую, а описательно-синонимическую дефиницию, отражающую наличие компонентов «способ (действия)», «(нечто) опосредующее (что-л.)» и «добавочное действие». Принципиально важным считаем также указание на ограниченную лексико-грамматическую валентность – связь с отглагольным существительным.

Построим толкование: ПУТЁМ чего, предлог с род. п. 1. с отглагол. существительным. Посредством чего-н.; для указания на способ

осуществления действия, на добавочное действие, опосредующее основное.

Всего в изученных фрагментах текстов выявлено 59 примеров употребления предлога *путём* в этом значении.

2. В исследуемом материале обнаруживаем примеры реализации еще одного значения этого предлога:

Как показало исследование, бусы и другие подобные изделия получены из метеоритов путем чеканки... (Новости науки // Знание-сила. 2013);

Это отдаленно напоминает гипотезу «пунктирной эволюции» Элдриджа-Гудда, согласно которой развитие видов происходит путем отдельных крупных скачков, разделенных большими периодами «эволюционного затишья»... (Антон Арутюнов. Птеродактиль промежуточный // Знание-сила. 2012);

По мнению же некоторых исследователей, мёд как напиток появился задолго до своего «конкурента» и даже является его прародителем. Технология его изготовления путём брожения впоследствии была применена в виноделии... (Александр Кириченко. И я там был, мёд-пиво пил // Зеркало мира. 2012) [14] и др.

В приведенных примерах «правый» компонент предлога *путём* также представлен отглагольным существительным в род. п. Однако это существительное с предлогом *путём* не может быть в контексте заменено формой деепричастия, но адекватно заменяется формой существительного в творительном падеже без предлога – ср.: *получены путём чеканки* = *получены чеканкой*; *происходит путём скачков* = *происходит скачками*; *изготовлена путём брожения* = *брожением*. Такая замена оказывается возможной в силу актуализации в контекстах подобного типа сем «образ действия» и «характер протекания действия» (это соответствует одному из грамматических значений творительного падежа – ср.: *идти быстрым шагом*). При этом в значении предлога *путём* также особо актуализируется сема «способ (действия)», однако условий для реализации сем «добавочное действие» и «(нечто) опосредующее (что-л.)» в контекстах нет. Невыраженность этих компонентов делает, как нам представляется, невозможной синонимию предлога *путём* в этом значении с предлогом *посредством*. Так, замена типа *развитие происходит посредством скачков* искажает семантику конструкции: *скачки* не могут мыслиться как опосредующий элемент в осуществлении действия *развитие*, но

зато могут указывать на характер протекания этого (основного) действия.

Представляется, что в этом значении предлог *путём* в наибольшей степени грамматикализован – существительное с предлогом свободно замещается тем же существительным без предлога (только в форме творит. п.), лексическая часть значения представлена лишь двумя актуализированными компонентами. Следовательно, в описываемом значении предлог *путём* не может иметь синонимов.

Построим толкование: ПУТЁМ чего, предлог с род. п. 2. с отглагол. существительным. Для указания на способ осуществления действия; на характер протекания действия.

Всего в изученных фрагментах текстов обнаружено 26 примеров употребления предлога *путём* в этом значении.

3. Нередко употребление предлога *путём* в современных дискурсах связано с указанием на средство осуществления действия:

Авторы методики – К.Д. Морган и Г.А. Муррей – путем игры полутеней, размытости картинок позволяют пациенту воспринимать и домысливать изображения «в меру своей испорченности», раскрывая качественное своеобразие и даже, не побоюсь этих слов, неповторимость собственного жизненного пути... (Софья Тарасова. Синдром усталости души? // Знание-сила. 2013).

В российском политэкономическом сообществе еще теплится иллюзия, будто возобновление роста экономики может случиться само по себе, из-за «оживления конъюнктуры», или оно достижимо путем операций с учетной ставкой и налоговым законодательством... (Сергей Чернышев. Не пропустить волну // Эксперт. 2014).

Спецслужбы США арестовали тридцатилетнего Романа Селезнева на Мальдивах по подозрению в банковском мошенничестве и хищениях с кредитных карт путем компьютерного взлома (Павел Быков. Будни международного бандитизма // Эксперт. 2014) [14].

В этих и подобных примерах принципиально невозможна адекватная замена конструкции с предлогом формой деепричастия или существительного в творит. п. Так, *путём компьютерного взлома* здесь не замещается формами *взломав* или *взломом*, *путём игры полутеней* и *путём операций* также нельзя заменить формами *игрой полутеней* / *играя полутенями* и *операциями* (в принципе, этого достаточно, чтобы утверждать, что описываемое значение отлично от выделенных выше значений 1 и 2). Даже в тех случаях, где такая замена представ-

ляется возможной грамматически, она оказывается невозможной в силу специфики рекуррентных отношений конструкции с предлогом *путём* с контекстом, не позволяющих актуализировать сему «(нечто) опосредующее (что-л.)». Именно это оказывается фактором, препятствующим развитию у предлога *путём* в этом значении синонимии с предлогом *посредством*, напр. *посредством игры полутеней... позволяют* (нет семантической валентности предлога с контекстом).

При этом контекст провоцирует актуализацию в семантике предлога *путём* семы «средство (осуществления действия)» – ср.: *путём игры полутеней / операций / компьютерного взлома = используя игру полутеней / операции / компьютерный взлом как средство осуществления действия*. Собственно, это близко установленной семантике предлога *при помощи* (см. выше), который в контекстах подобного рода оказывается отчасти синонимичен предлогу *путём* – ср.: *(добиваться чего-н.) путём игры полутеней / операций / компьютерного взлома* и *при помощи игры полутеней / операций / компьютерного взлома*. В то же время частичная синонимия здесь не позволяет отказаться от описательной составляющей дефиниции.

Исходя из сказанного, можно сформулировать следующее значение предлога *путём*: ПУТЁМ чего, предлог с род. п. 3. с отглагол. существительным. При помощи чего-н.; для указания на средство осуществления действия, на использование чего-н. как средство осуществления действия.

Всего в изученном материале обнаружено 21 употребление предлога *путём* в этом значении.

4. От значения указания на средство осуществления действия следует отличать значение указания на ресурс, за счет которого осуществляется действие, например:

Фонд «Энергия без границ» создан в 2011 году в целях развития научной и инновационной деятельности Группы «Интер РАО ЕЭС» путем финансирования перспективных поисковых и прикладных исследований, научно-исследовательских, опытно-конструкторских и опытно-технологических работ (НИОКТР) (Объявлены лауреаты премии в области инноваций «Время инноваций – 2012» // Эксперт. 2013);

Идея же строительства автобанов путем общественных работ – она вообще из 1920-х годов, из Веймарской республики... (Дмитрий Губин, Олег Будницкий. Катастрофически просто // Огонек. 2013);

Вопрос об отмене монополии «Газпрома» на экспорт природного газа путем создания консорциума по «Силе Сибири» подняли вскоре после подписания контракта с Китаем... (Александр Лабыкин. Зачем нам нужна «Сила Сибири» // Эксперт. 2014) [14].

В этом значении, как и в значении 3, невозможна замена конструкции с предлогом *путём* формами деепричастия и существительного в творит. п. (*развитие <...> финансированием, строительство <...> работами, отмена монополии <...> созданием* и проч. некорректно). Однако, в отличие от значения 3, в этом значении для предлога *путём* не характерна и синонимия с предлогом *при помощи / с помощью*: конструкции *развитие деятельности при помощи финансирования, строительство при помощи общественных работ, экспорт газа при помощи создания консорциума* и т.п. грамматически и семантически невозможны.

Кроме того, в этом значении тоже не выражена сема «(нечто) опосредующее (что-л.)», поскольку нет условий для ее контекстной актуализации и, следовательно, нет и синонимии с предлогом *посредством*. Так, *финансирование исследований, общественные работы, создание консорциума* в приведенных примерах не столько способ осуществления действия, сколько ресурс, обеспечивающий саму возможность осуществления действия, хотя семантика способа действия в этом значении реализована в импликации.

Во всех представленных примерах контекстные условия позволяют актуализировать сему «(нечто дающее, обеспечивающее) возможность». Эта сема эксплицирует ресурсную семантику и всей конструкции с предлогом *путём*, и самого предлога. В таком ресурсном значении предлог *путём* отчасти синонимичен предлогу *за счёт* – ср.: *развитие научной деятельности <...> путём финансирования и за счёт финансирования; строительство автобанов путём общественных работ и за счёт общественных работ; отмена монополии путём создания консорциума и за счёт создания консорциума*. В то же время подобная замена позволяет заметить, что предлог *за счёт* в этом случае выступает как семантически недостаточный, лишь отчасти компенсирующий семантику предлога *путём*, поскольку *путём* указывает и на ресурс, и на способ использования этого ресурса, а *за счёт* – только на ресурс.

На основании сказанного сформулируем еще одно значение предлога *путём*: ПУТЁМ чего, предлог с род. п. 4. За счёт чего-н.; для ука-

зания на ресурс для осуществления действия и способ его использования; на то, что обеспечивает возможность осуществления действия.

Всего выявлено 19 примеров употребления предлога *путём* в этом значении.

5. В ходе исследования выявлены примеры, где предлог *путём* указывает на причину, определившую возможность осуществления действия. Несмотря на некоторую близость значениям 3 и 4, это значение все же отличается заметной самостоятельностью, например:

И действительно, путем колоссальной инвестиционной накачки за счет роста внешнего долга темп роста СССР на два года опередил и США, и Великобританию... (Александр Ивантер, Владимир Мау. Качественный рост с опорой на институты // Эксперт. 2014);

В рамках второго акцент делается на разработку способа, в котором частичная или полная невидимость обеспечивалась бы путём огибания объекта световыми волнами (Михаил Тепляев. С глаз долой! // Зеркало мира. 2012);

Также именно этой компанией в 1968 г., путём размещения на болидах наклеек фирмы Imperial Tobacco, было введено ещё одно фундаментальное новшество – спонсорство отдельных «конюшен» со стороны коммерческих предприятий (Кирилл Васильев. Королевские гонки // Зеркало мира. 2012) [14].

В этих и других подобных контекстных связях конструкция с предлогом *путём* (как и в значениях 3 и 4) не может быть заменена формой деепричастия или существительного в творит. п. – семантически и грамматически невозможны конструкции *было введено размещением* или *размещая / разместив, обеспечивалась огибанием* или *огибая, опередил накачкой* или *накачивая / накачав*. При этом контекст не позволяет актуализацию в этом значении предлога *путём* рассмотренных ранее сем «средство (осуществления действия)», «(нечто) опосредующее». Как и в значении 4, здесь эксплицитна сема «(нечто дающее, обеспечивающее) возможность». Однако если в значении 4 этому компоненту сопутствует семантика указания только на способ осуществления действия, то в данном значении, как показывают контексты, актуализируются еще и компоненты, унаследованные предлогом из семантического потенциала существительного *путь*, – «установление связи» и «взаимодействие». В рекуррентных отношениях с контекстом все они вместе провоцируют актуализацию у конструкций с предлогом *путём* причинной семантики. Так, приве-

денные примеры предполагают семантическое тождество следующих вариантов: *опередил путём колоссальной инвестиционной накачки* = *опередил, потому что / поскольку была колоссальная инвестиционная накачка*; *обеспечивалась бы путём огибания объекта световыми волнами* = *обеспечивалась бы, потому что / поскольку световые волны огибали бы объект*; *введено новшество путём размещения на болидах наклеек фирмы* = *введено новшество, потому что / поскольку на болидах были размещены наклейки фирмы*.

Таким образом, в этом значении предлог *путём* отчасти синонимичен предлогу *благодаря* – ср.: *опередил путём колоссальной инвестиционной накачки* и *опередил благодаря колоссальной инвестиционной накачке*; *обеспечивалась бы путём огибания объекта световыми волнами* и *обеспечивалась бы благодаря огибанию объекта световыми волнами*; *введено новшество путём размещения на болидах наклеек фирмы* и *введено новшество благодаря размещению на болидах наклеек фирмы*. Частичность такой синонимии обусловлена, во-первых, грамматической связью предлога *благодаря* с дательным, а не родительным падежом, во-вторых, отсутствием в его семантике компонента «способ (осуществления действия)». При этом, например, предлоги *по причине* или *в силу*, также имеющие причинное значение, не способны вступать с предлогом *путём* даже в отношения частичной синонимии, поскольку они не содержат компонента «(нечто обеспечивающее) возможность», тогда как предлог *благодаря*, равно как и предлог *путём*, такой компонент имеет.

На основании сказанного предложим формулировку данного значения предлога *путём*: ПУТЁМ чего, предлог с род. п. 5. Благодаря чему-н.; для указания на причину, определяющую возможность осуществления действия.

Всего в исследованных фрагментах текстов выявлено 16 примеров использования предлога *путём* в этом значении.

6. Встречаются отдельные примеры употребления предлога *путём* при указании на условие осуществления действия:

Аукцион можно организовать либо путем максимизации целевого показателя, отражающего публичный интерес, либо путем минимизации публичного участия или максимизации цены за право заключить такой договор при фиксации целевого показателя, отражающего публичный интерес... (коллективный. Как очеловечить «квадраты» // Эксперт. 2015).

При этом требуется также проводить тщательный и всенаправленный мониторинг научно-технических направлений, чтобы не упустить ничего значимого и ценного. Решение этих задач возможно путем правильного и оптимального взаимодействия научно-технического совета нашего центра с ведущими предприятиями отрасли (Алексей Хазбиев, Владимир Никитин. Сделаем сами // Эксперт. 2015) [14].

Здесь, как и в большинстве значений, выделенных ранее, конструкция с предлогом *путём* не замещается формой творительного падежа существительного; однако замена деепричастием отчасти возможна, если в «левом» компоненте глагольная форма, а не отглагольное существительное: *Аукцион можно организовать, максимизировав / минимизировав <...>; решить задачи возможно, правильно и оптимально взаимодействуя <...>.*

В семантике предлога, с учетом рекуррентных отношений с контекстом, определяется в импликации компонент «способ (осуществления действия)». Кроме того, из значения производящего существительного *путь* предлог *путём* в данном случае наследует компоненты «возможность», «доступ», «связь», «(нечто) ограниченное / в пределах». Взаимодействием этих компонентов определяется актуализация у предлога *путём* в контекстах подобного рода семы «условие (осуществления действия)». Конструкция с предлогом *путём* при этом называет условие, позволяющее осуществить основное действие – ср.: *Аукцион можно организовать либо путем максимизации целевого показателя, <...> либо путем минимизации публичного участия = Аукцион можно организовать, если либо максимизировать целевой показатель, <...> либо минимизировать публичное участие; Решение этих задач возможно путем правильного и оптимального взаимодействия с <...> = Решение этих задач возможно, если правильно и оптимально взаимодействовать с <...>.*

Таким образом, предлог *путём* оказывается отчасти синонимичен предлогу *при условии* – ср.: *Аукцион можно организовать либо путем максимизации целевого показателя, <...> либо путем минимизации публичного участия и Аукцион можно организовать либо при условии максимизации целевого показателя, <...> либо при условии минимизации публичного участия; Решение этих задач возможно путем правильного и оптимального взаимодействия с <...> и Решение этих задач возможно при условии правильного и оптимального взаимодействия с <...>.*

Построим толкование для этого значения предлога *путём*: ПУТЁМ чего, предлог с род. п. б. с отглагол. сущ. При условии чего-н.; для указания на добавочное действие как условие осуществления основного действия.

Всего выявлено девять примеров употребления предлога *путём* в этом значении.

7. Относительно регулярны примеры использования предлога *путём* для указания на результат либо следствие действия, например:

Теософия стоит на позициях идеализма и утверждает, что жизнь на Земле возникла путем уплотнения материи несколько миллионов лет назад, а человек, животные и растения возникали одновременно... [Михаил Любимов. Не Атлантидой единой // Зеркало мира. 2012];

Затем почти на самом кончике тогдашней Y-хромосомы образовался «мужской ключевой участок» SRY, спустя еще какое-то время к нему присоединились (путем случайных генетических процессов) другие «мужские» гены, и так это «мужание» Y-хромосомы стало постепенно продвигаться к другому ее концу, хотя еще и сегодня не достигло его окончательно... (Леонид Крайнов. Будущее мужской хромосомы // Знание-сила. 2013);

Первое: нацисты пришли к власти путем демократических выборов, а это значит, что демократия далеко не всегда хороша... (Вадим Эрлихман. Утро Апокалипсиса // Огонек. 2013) [14].

Из приведенных примеров видно, что конструкция с предлогом *путём* в этом значении, как и в значениях 3–5, адекватно не замещается ни деепричастием, ни существительным в творительном падеже.

Во всех примерах предлог *путём* содержит семы «результат / следствие (действия)», «определенное», «намеченное», унаследованные из семантического потенциала производящего имени. Эти семы актуализируются в контекстах, где также значимо результативное значение, – ср.: *жизнь возникла в результате / вследствие уплотнения материи; другие гены присоединились в результате / вследствие случайных генетических процессов; нацисты пришли к власти в результате / вследствие демократических выборов*. При этом, однако, в данном значении предлога *путём* по-прежнему в импликации сохраняется сема «способ (осуществления действия)». Таким образом, предлоги *в результате* и *вследствие* могут быть лишь частичными синонимами для предлога *путём*.

Заметим, что предлоги *в результате* и *вследствие* однозначны; поэтому описательный элемент в дефиниции предлога *путём* нужен для установления связи между результатом действия и способом его осуществления.

Предложим толкование для этого значения предлога *путём*: ПУТЁМ *чего, предлог с род. п. 7*. В результате, вследствие чего-н.; для указания на то, что следует из осуществления действия каким-л. способом.

Всего в исследуемых фрагментах текстов обнаружено 11 примеров употребления предлога *путём* в данном значении.

Наблюдения и выводы

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что предлог *путём* в современных дискурсах реализуется как многозначный – имеет не менее семи самостоятельных значений с дифференцируемыми семантическими признаками и особенностями сочетаемости. Это дает основания предложить для предлога *путём* следующую словарную статью:

ПУТЁМ *чего, предлог с род. п. 1. с отглагол. существительным*. Посредством чего-н.; для указания на способ осуществления действия, на добавочное действие, опосредующее основное. *Путём опроса бывалых охотников исследователи аномального по крупнякам собрали все возможные сведения, касающиеся этих объектов.* 2. *с отглагол. существительным*. Для указания на способ осуществления действия; на характер протекания действия. *Это отдаленно напоминает гипотезу «пунктирной эволюции» Элдриджа-Гудда, согласно которой развитие видов происходит путем отдельных крупных скачков.* 3. *с отглагол. существительным*. При помощи чего-н.; для указания на средство осуществления действия, на использование чего-н. как средство осуществления действия. *Авторы методики – К.Д. Морган и Г.А. Муррей – путем игры полуценей, размытости картинок позволяют пациенту воспринимать и домысливать изображения.* 4. *За счёт чего-н.; для указания на ресурс для осуществления действия и способ его использования; на то, что обеспечивает возможность осуществления действия.* *Фонд «Энергия без границ» создан в 2011 году в целях развития научной и инновационной деятельности Группы «Интер РАО ЕЭС» путем финансирования перспективных поисковых и прикладных исследований, научно-исследовательских, опытно-*

конструкторских и опытно-технологических работ (НИОКТР). 5. Благодаря чему-н.; для указания на причину, определяющую возможность осуществления действия. *И действительно, путем колоссальной инвестиционной накачки за счет роста внешнего долга темп роста СССР на два года опередил и США, и Великобританию.* 6. с отглагол. суф. При условии чего-н.; для указания на добавочное действие как условие осуществления основного действия. *Решение этих задач возможно путем правильного и оптимального взаимодействия научно-технического совета нашего центра с ведущими предприятиями отрасли.* 7. В результате, вследствие чего-н.; для указания на то, что следует из осуществления действия каким-л. способом. *Теософия стоит на позициях идеализма и утверждает, что жизнь на Земле возникла путем уплотнения материи несколько миллионов лет назад, а человек, животные и растения возникали одновременно.*

Все выделенные значения предлога *путём* в разной степени наследуют часть семантического потенциала мотивирующего значения производящего существительного. При этом, с одной стороны, очевидна различная степень грамматикализации предлога *путём* в разных значениях: есть более или менее грамматикализованные значения. С другой стороны, предлог *путём* сохраняет тесную семантическую связь с производящим именем, состав компонентов его значений достаточно свободно устанавливается из потенциала существительного *путь* и проверяется рекуррентными отношениями в контексте. Эти особенности в целом обуславливают способность предлога *путём* вступать в отношения частичной синонимии с обширным рядом других производных предлогов.

Заметим, что все вторичные значения, кроме значения 2, сохраняют в импликации сему «способ (осуществления действия)», эксплицитную в первичном значении. Эта сема более всего прочего определяет неполноту синонимии предлога *путём* с другими предлогами в этих значениях.

Исходя из сказанного, частичная синонимия предлога *путём* может быть представлена следующим образом:

«ПУТЁМ. 1. Посредством (чего-н.). 3. При помощи (чего-н.). 4. За счёт (чего-н.). 5. Благодаря (чему-н.). 6. При условии (чего-н.). 7. В результате, вследствие (чего-н.)».

В то же время изучение семантики предлога *путём* в конкретных контекстных условиях убеждает в лексикографической недостаточно-

сти любой сугубо синонимической дефиниции его значений и требует включения в толкование описательной составляющей.

Можно предположить, что степень грамматикализации того или иного отыменного предлога во многом обусловлена изначальным различием в семантическом потенциале мотивирующих значений производящего имени. Так, в наивысшей степени грамматикализированными (и, соответственно, наименее обусловленными семантическим потенциалом производящей единицы) представляются предлоги *ввиду*, *в силу*, *в меру*, *по мере*, *в течение*, *в целях*, *в пользу* и им подобные.

В противоположность им предлоги, мотивированные семантически богатыми значениями производящего имени, сохраняют большую лексическую часть значения и в современных дискурсах сравнительно легко развивают лексико-семантические варианты. К таким предлогам можно отнести *в части*, *путем*, *в отношении*, *по случаю* и др.

Можно предположить также, что сама по себе длительность предложного «бытия» единицы в языке не оказывает существенного влияния на степень её грамматикализации. То есть считать, что чем «старше» предлог, тем сильнее он грамматикализован, как нам представляется, оснований нет, поскольку и единицы, закрепившиеся в предложном употреблении сравнительно недавно, могут иметь минимальную лексическую часть значения. Так, предлог *по линии*, охарактеризованный В.В. Виноградовым как новообразование, имеет весьма ограниченный семантический потенциал и развил в языке только одно значение. Подобным образом, как нам представляется, проявляют себя и сравнительно новые предлоги *в области*, *в сфере*, *со стороны* и некоторые другие.

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М. : Учпедгиз, 1947. 784 с.
2. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. : Изд-во АН СССР, 1950. Т. 11. 1842 стб.
3. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1985–1988. Т. 3: П–Р. 1987. 752 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.
5. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: ок. 12 000 единиц / под ред. В.В. Морковкина. 2-е изд., испр. М. : Астрель : АСТ, 2003. 421 с.

6. *Словарь служебных слов русского языка* / отв. ред. Е.А. Стародумова. Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2001. 363 с.
7. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М. : Рус. яз., 1991. 917 с.
8. Словарь наречий и служебных слов русского языка / сост. В.В. Бурцева. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2010. 750 с.
9. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М. : Рус. яз., 2001. 863 с.
10. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: Около 5 000 синонимических рядов. Более 20 000 синонимов. 7-е изд., стереотип. М. : Русские словари, 1999. 431 с.
11. *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка. М. : Сов. энциклопедия, 1968. 600 с.
12. *Словарь синонимов русского языка* : в 2 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. Л. : Наука, 1970. Т. 2. 856 с.
13. *Большой русский словарь-справочник синонимов (близких по смыслу слов) системы ASIS* / В.Н. Тришин. 2013. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_syno-nims/13830/v (дата обращения: 28.11.2017).
14. *Национальный корпус русского языка*. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

On the Lexicographic Description of the Preposition *putyom* in Modern Discourse
Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 19, pp. 5–31. DOI: 10.17223/22274200/19/1

Natalja A. Aksarina, Larisa V. Basova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: n.a.aksarina@utmn.ru / l.v.basova@utmn.ru

Keywords: denominal preposition, synonymous definition, descriptive-synonymous definition, semantic potential, motivating meaning, seme recurrence, grammaticalization.

This article analyzes the system of meanings of the preposition *putyom* in modern discourse, describes the features of the semantic composition in each meaning, traces semantic links of the selected meanings with the productive name and provides their lexicographic description. The analyzed material included 609 documents of the main corpus of the Russian National Corpus for 2009–2019. The search was performed on a user subcorpus of 6,555 documents which amounted to 13,596,479 words. The complex study of 330 usage samples of the preposition *putyom* by means of contextual and component analyses has revealed that 167 of them were substantive, 13 adverbial and 150 prepositional ones. The lexicographic identifiers used were as follows: 1) recurrent links with the context, determining the lexico-semantic valence of the preposition *putyom*; 2) grammatical valence, implemented in specific syntactic links; 3) the possibility of lexical and grammatical replacement of constructions with the preposition *putyom* by an adverbial participle and a noun in the instrumental case; 4) possible partial synonymy relations; 5) data from lexicographic sources. The range of partial synonyms was established in accordance with the definitions in explanatory dictionaries. The analysis has shown seven meanings of the preposition *putyom*,

grammaticalized in varying degrees, with differentiable semantic and compatibility features. Characteristic valences as well as semantic functions have been determined for each meaning and a dictionary entry proposed. It has been established that the “left” component of the preposition *putyom* in any implementation is a verb form or a verbal noun with procedural or productive semantics, while the “right” one is a verbal noun with procedural or effective semantics. The polysemy of the preposition *putyom* is predetermined by a change in hierarchy when contextual conditions change. All the meanings of the preposition *putyom* have a common motivating base, i.e. the 6th meaning of the noun *put'* (way). The polysemy of the preposition *putyom* is caused by the initial semantic potential of the motivating meaning. The preposition *putyom* is motivated by both explicit and implicit semes of the meaning-generating noun *put'* and in implication inherits the semes of its primary meaning. In all the meanings it retains this “mode of action” inherited from the motivating meaning of the noun *put'*. In six of seven meanings, it enters into a partial synonymy only with derivative prepositions of the genitive and dative cases and is semantically identified in these relations. The partial nature of synonymy indicates the insufficiency of a synonymous definition and requires a descriptive component inclusion.

References

1. Vinogradov, V.V. (1947) *Russkiy yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian Language: Grammatical Studies on the Word]. Moscow: Uchpedgiz.
2. Chernyshev, V.I. (ed.) (1950) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the Modern Russian Standard Language: In 17 Volumes]. Vol. 11. Moscow: USSR AS.
3. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1987) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: In 4 Volumes]. 3rd ed. Vol. 3. Moscow: Rus. yaz.
4. Kuznetsov, S.A. (ed.) (1998) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Norint.
5. Morkovkin, V.V. (ed.) (2003) *Ob'yasnitel'nyy slovar' russkogo yazyka: Strukturnye slova: predlogi, soyuzy, chastitsy, mezhdometiya, vvodnye slova, mestoimeniya, chislitel'nye, svyazochnye glagoly: ok. 12 000 edinits* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: Structural Words: Prepositions, Conjunctions, Particles, Interjections, Introductory Words, Pronouns, Numerals, Connective Verbs: Approx. 12,000 Units]. 2nd ed. Moscow: Astrel': AST.
6. Starodumov, E.A. (ed.) (2001) *Slovar' sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of Official Words of the Russian Language]. Vladivostok: Far Eastern State University.
7. Ozhegov, S.I. (1991) *Slovar' russkogo yazyka: 70 000 slov* [Dictionary of the Russian Language: 70,000 Words]. 23rd ed. Moscow: Rus. yaz.
8. Burtseva, V.V. (2010) *Slovar' narechiy i sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of Adverbs and Functional words of the Russian Language]. 3rd ed. Moscow: Rus. yaz. – Media; Drofa.
9. Efremova, T.F. (2001) *Tolkovyy slovar' sluzhebnykh chastey rechi russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Functional Parts of Speech of the Russian Language]. Moscow: Rus. yaz.

10. Abramov, N. (1999) *Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazheniy: Okolo 5 000 sinonimicheskikh ryadov. Bolee 20 000 sinonimov* [Dictionary of Russian Synonyms and Expressions Similar in Meaning: About 5,000 Synonymous Groups. More Than 20,000 Synonyms]. 7th ed. Moscow: Russkie slovari.
11. Aleksandrova, Z.E. (1968) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Synonyms]. Moscow: Sov. entsiklopediya.
12. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1970) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: v 2 t.* [Dictionary of Russian Synonyms: In 2 Volumes]. Vol. 2. Leningrad: Nauka.
13. Trishin, V.N. (2013) *Bol'shoy russkiy slovar'-spravochnik sinonimov (blizkikh po smyslu slov) sistemy ASIS* [Big Russian Reference Dictionary of Synonyms (Words Close in Meaning) of the ASIS System]. [Online] Available from: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/13830/v (Accessed: 28.11.2017).
14. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru>. (In Russian).

УДК 811.161.1

DOI: 10.17223/22274200/19/2

Е.В. Генералова

**ПО БАРАБАНУ: ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ
СТАТУС И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫХ
ДВУХКОМПОНЕНТНЫХ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ
СОЧЕТАНИЙ¹**

Рассматривается неоднозначность лексико-грамматического статуса и сложность лексикографического описания раздельнооформленных семантически единых лексических единиц, являющихся двухкомпонентными устойчивыми предложно-падежными сочетаниями. Обсуждается практика современных толковых, фразеологических, специальных словарей; анализируются факторы, существенные для выбора типа словарного представления таких единиц, достоинства и недостатки разных способов лексикографической интерпретации.

Ключевые слова: толковая лексикография, фразеография, фразеология, предложно-падежные сочетания, эквиваленты слова.

Дискуссионность лексико-грамматического статуса устойчивых предложно-падежных сочетаний. В современном русском языке существует достаточно обширный по количеству класс лексических единиц, определение лексико-грамматического статуса которых затруднительно. В данном случае речь идет о группе предложно-падежных сочетаний, застывших в определенной лексико-грамматической форме и имеющих единую семантику (например, *по барабану, без дураков, в силу* и т.д.). Материалом настоящей статьи послужили такие двухкомпонентные сочетания, структура которых описывается по формуле «предлог + существительное в соответствующей падежной форме», а семантика характеризуется определенной устойчивостью.

С одной стороны, эти единицы функционируют как единое семантическое и фонетическое целое, т.е. обнаруживают признаки слова. Наличие пробела (неразрывность как графический признак слова), как

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-012-00214 А «Человек и общество в зеркале новой русской фразеологии».

известно, в определенной степени условно, и если в современном русском языке существует значительное количество раздельноформленных наречий (*на цыпочках, в головах, до отвала*), то в статусе слова (такого же наречия) не может быть отказано и сочетаниям *по глупости, в лом, от фонаря* и т.д. С другой стороны, эти единицы могут быть интерпретированы и как сочетания слов, но они обнаруживают в своем составе только одно полнозначное слово, т.е. не являются словосочетаниями в классическом смысле. Нельзя не отметить омонимичность таких образований со свободными сочетаниями предлога и существительного: ср. *громко стучать по барабану* и *ему по барабану ваши замечания*. Воспроизводимость таких сочетаний и в ряде случаев образность, наличие переносного значения роднит такие единицы с фразеологизмами, хотя не все исследователи готовы считать фразеологическими единицами предложно-падежные формы, настаивая на том, что фразеологизм – это воспроизводимый в речи оборот, построенный по образцу сочинительных и подчинительных словосочетаний, т.е. состоящий минимум из двух полнозначных слов.

Прямым следствием неопределенности лексико-грамматического статуса таких единиц является непоследовательность их лексикографической интерпретации. При этом лексикографическая кодификация – очень важный показатель завершения процесса фразеологизации таких сочетаний [1. С. 85].

В «Толковом словаре сочетаний, эквивалентных слову» Р.П. Рогожниковой [2] собрано 1 500 таких единиц; еще больше цифры, приводимые А.А. Пасечник в ее диссертации, посвященной, по определению автора, лексикализированным предложно-падежным сочетаниям: по подсчетам А.А. Пасечник, в современном русском языке насчитывается около 2 000 подобных сочетаний [3]. Таким образом, это актуальная проблема, касающаяся достаточно обширной группы языковых единиц, большинство из которых обладает высокой частотностью и широкой распространенностью.

Цель настоящего исследования – обзор разнообразных способов словарного представления устойчивых предложно-падежных сочетаний и выделение факторов, которые являются существенными для определения лексико-грамматического статуса подобных языковых единиц и выбора типа их оптимального лексикографического описания.

Образование устойчивых предложно-падежных сочетаний не только фиксируется как активный процесс современного русского

языка, но уходит корнями в глубь истории языка. Судя по данным исторических словарей, подобные языковые единицы обстоятельственной и служебной семантики активно образовывались из предположно-падежных форм уже в старорусском языке. В частности, такие сочетания приводятся как фразеологические и подробно описываются в «Словаре русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» [4] (согласно положенным в основу Словаря принципам Б.А. Ларина, считающего предположно-падежные сочетания принадлежащими фразеологическому фонду языка); см. также работы Е.И. Зиновьевой об устойчивых сочетаниях *за грехи, грех ради, по грехом* и аналогичном *по делом* [5], О.В. Васильевой о формировании класса наречий, в том числе из предположно-падежных сочетаний (*вброд, вконец, вслух, вскорости, вдали* и т.п.) [6. С. 84].

М.В. Раевская прослеживает омонимию свободных предположно-падежных сочетаний слов и фразеологических предлогов *в силу (чего), по силе (чего), в разсуждении (чего), по причине (чего), в сходственность (чего), со стороны (чего)* и др. в текстах деловых документов первой половины XVIII в. и делает вывод о начальной стадии формирования лексической группы фразеологических предлогов в это время [7. С. 31]. История и сложное (с наличием или отсутствием пробела), по традиционному принципу правописание русских наречий также является наглядным подтверждением длительного формирования группы предположно-падежных сочетаний с устойчивым значением.

При этом пополнение фонда таких лексических единиц – это и актуальная тенденция современного языка. Предположно-падежные сочетания обстоятельственного характера представляют собой многочисленный и активно пополняющийся класс, при этом многие из таких сочетаний обладают яркой экспрессией и составляют принадлежность развивающегося молодежного жаргона (см. *по барабану, в лом, в напряг, от балды, до фига* и др.). Производные предлоги и союзы тоже активно образуются в современном русском языке, хотя и без яркой стилистической окраски. Развивается и группа вводных слов, представляющих собой предположно-падежные сочетания.

Лингвисты давно обратили внимание на эти дискуссионные единицы. Одним из первых поднял вопрос о пограничном положении таких сочетаний и необходимости рассмотрения взаимосвязи лексико-семантического и грамматического уровня В.В. Виноградов, писавший о грамматической омонимии предлогов [8].

Сочетания подобного рода далее неоднократно рассматривались лингвистами с точки зрения строения, генезиса, устойчивости семантики, делались попытки общего обзора и классификации таких единиц, изучалось и их словарное представление. Однако на настоящий момент нет не только однозначного и ясного понимания их лексико-грамматического статуса, но даже общепринятого термина для их номинации: в научно-исследовательской литературе встречаются такие обозначения, как «эквиваленты слова» [9], «сочетания, эквивалентные слову» [2], «лексикализованные предложно-падежные сочетания» [3], «лексикализованные предложно-падежные словоформы» [10], «релятивные фразеологизмы» [11], «фразеологизированные предложно-падежные формы» [12, 13], «структурные слова» (только о соотносимых со служебными частями речи) [14], а также описательные обороты, типа «словосочетания, выступающие в роли наречий, предлогов, союзов» [15. Т. 1. С. 7].

В настоящей работе используем нейтральное описательное обозначение «устойчивые предложно-падежные сочетания» и в качестве рабочего определения явления принимаем дефиницию Р.П. Рогожниковой, осуществившей одно из наиболее полных исследований этих единиц. По определению Р.П. Рогожниковой (которая называет такие объединения «эквивалентами слова»), это связанные сочетания, представляющие собой целостную единицу в потоке речи и характеризующиеся устойчивостью, единством значения, в большинстве случаев постоянной, неизменной формой [9. С. 4].

А.А. Пасечник делает вывод, что сложилось два подхода к интерпретации этих единиц: они рассматриваются в литературе по фразеологии, т.е. как единицы фразеологической системы русского языка (см. работы В.П. Жукова, И.А. Мельчука, А.И. Молоткова, В.Н. Телии и др.), реже – как единицы лексической системы языка (в частности, наречия) (см. работы Ю.Д. Апресяна, Н.С. Валгиной, Р.П. Рогожниковой) [3. С. 2].

Прямым следствием отсутствия единой теоретической концепции в осмыслении устойчивых предложно-падежных сочетаний является множественность и непоследовательность описания таких сочетаний в словарях. В современной лексикографии подобные единицы описываются и как фразеологизмы в словарной статье на полнозначное слово, и как лексикализованные формы также в словарной статье на стержневое слово с указанием на грамматическую транспозицию, и

как отдельные вокабулы, вплоть до создания специальных словарей таких единиц. В настоящей статье подробно представлены существующие варианты лексикографического описания таких единиц, а также поставлен вопрос, какие именно факторы важны для выбора типа лексикографического описания устойчивых сочетаний, каковы достоинства и недостатки разных типов словарного представления таких единиц.

Типы словарного представления устойчивых предложно-падежных сочетаний в словарях русского языка разного типа. Исследуемые единицы очень разнородны по семантике и морфологической принадлежности (среди таких единиц выделяют наречия, предлоги, союзы, вводные слова, а также говорят о некоторых сочетаниях как о фразеологизмах), что затрудняет, как было сказано выше, их однозначную интерпретацию. Какие же именно критерии оказываются существенными при выборе того или иного типа лексикографической презентации устойчивых предложно-падежных сочетаний?

Прежде всего, как представляется, значим грамматический и синтаксический статус описываемых единиц. В зависимости от того, с какими частями речи соотносятся устойчивые предложно-падежные сочетания и какую синтаксическую роль в предложении они выполняют, обнаруживаются двухкомпонентные устойчивые сочетания, которые соответствуют наречиям (*без просвета, в люди*), в том числе предикативным (*к лицу, на очереди*), предлогам (*в течение, на протяжении*), вводным словам и конструкциям (*по совести, к стыду*), модальным словам (*до свидания*), междометиям (*к черту, с богом*). Выражения, соответствующие полнозначным и служебным частям речи, очевидно, должны получать разную лексикографическую трактовку: так, наречные сочетания (особенно с обстоятельственной семантикой) чаще описываются как фразеологизмы, а соответствующие служебным частям речи либо вообще не выделяются, либо оформляются как случаи грамматической транспозиции.

Принципиально важно наличие образного компонента, т.е. метафорического переноса. У части таких выражений образный компонент хорошо ощутим (см. *без оглядки, на грани, на плаву, на корню, без счета, до слез, по барабану*), что вызывает вопросы о внутренней форме таких выражений. Например, по разным этимологическим версиям, устойчивый оборот *до лампочки* связывают с польским выражением *gadac do lampy* ‘болтать до лампы’, либо возводят его происхождение к тюремному жаргону (лампочка в камерах располагалась

так высоко, что преступникам не было никакого дела до нее), либо производят от выражений *идти до фени* (до ядерной фени), *до фонаря*, *до лампочки*, подразумевавших девушку легкого поведения, которая ищет клиентов обычно под фонарем и к которой посылают надоевшего собеседника (потом стало употребляться без глагола) [16. С. 373–374]. У других выражений образность не обнаруживается: (*в начале*, *в целях*, *без надобности*, *в результате*). Наличие образного компонента всегда провоцирует трактовку такого выражения как фразеологизма, отсутствие же образности может даже являться основанием для отказа признания устойчивости, в результате чего сочетание в словаре не выделяется.

Существенным фактором выступает возможность расширения компонентного состава, т.е. структурные особенности сочетания. Предметом настоящей статьи являются двухкомпонентные выражения, состоящие из предлога и полнозначного слова, но ряд таких сочетаний допускает расширение состава (ср. *к сожалению* и *к моему глубокому сожалению*, *при параде* и *при полном параде*), т.е. такие сочетания могут включать дополнительный факультативный компонент, в то время как другие сочетания представляют собой застывшие формы и не допускают изменения состава (*в напряг*, *от балды*). В словарях обычно описываются сочетания второго рода, варьирующиеся же сочетания почти никогда не представлены как отдельные вокабулы.

Во фразеологических словарях устойчивые раздельнооформленные предложно-падежные сочетания, как правило, интерпретируются как фразеологизмы, однако не все и не всеми авторами.

В обширном теоретическом введении к «Фразеологическому словарю русского языка» под редакцией А.И. Молоткова автор последовательно разграничивает словосочетания, выполняющие функцию служебных слов (например, *в течение*, *в связи с*) и наречные словосочетания (*в стельку*, *под шумок*) [17. С. 16]. Сочетания, соотносимые со служебными частями речи, по мнению автора, не могут быть отнесены к фразеологизмам, так как не выполняют знаменательную функцию и поэтому не включаются в словарь. А наречные фразеологизмы (например, *до упаду*, *за глаза*, *в ажуре*) автор словаря разграничивает с наречиями (например, *на дому*, *в обтяжку*, *без умолку*) на основе семантического фактора: в наречном фразеологическом словосочетании, по мнению автора, слова могут утрачивать лексическое значе-

ние, т.е. возникновение фразеологической единицы связано с переосмыслением словосочетания, в то время как лексическое значения наречия всегда сохраняется и соотносится со значением образующих его частей [17. С. 16–17]. При этом, однако, теоретическая позиция автора не всегда последовательно реализуется в лексикографической практике (как представляется, именно в связи с чрезвычайной сложностью разграничения такого рода единиц), и в предисловии автор справедливо отмечает, что «наличие в языке значительного числа фразеологизмов, структурно организованных по типу предложно-именных наречных оборотов... создает определенные трудности в разграничении тех и других» [17. С. 16]. Во «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А.И. Молоткова, есть, например, две словарные статьи НА ВЗГЛЯД (одна – фразеологизм, соответствующий наречию, вторая – фразеологизм, соответствующий вводному слову):

НА ВЗГЛЯД. Судя по внешнему виду. – *А видел ли слона? Каков собой на взгляд? Я, чай, подумал ты, что гору встретил?* Крылов, Любопытный. *На взгляд он был человек видный; черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару.* Гоголь, Мертвые души;

НА ВЗГЛЯД кого, чей. Прост. По мнению, убеждению кого-л. [*Оленин*] думал, что он хорош, ловок, похож на джигита; но это было несправедливо. *На взгляд всякого опытного джигита он все-таки был солдат.* Л. Толстой, Казаки. *Осенью 18-го года я спросил сормовского рабочего Дмитрия Павлова, какова, на его взгляд, самая редкая черта Ленина? – простота. Прост, как правда.* М. Горький, В.И. Ленин [17. С. 64].

Соответствующие служебным частям речи словосочетания в основном не попадают в корпус словаря, однако в словаре есть словарные статьи *во имя* ‘ради’, *в силу* (чего) ‘по причине, вследствие, в результате чего-либо’ и др.

Во фразеологические словари ларинской лексикографической школы устойчивые предложно-падежные словосочетания включаются очень широко, так как это соответствует концепции Б.А. Ларина о принадлежности таких единиц фонду фразеологизмов. Так, например, в словаре А.К. Бириха, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой «Русская фразеология. Историко-этимологический справочник» [16] находим, такие единицы описания, как *с прибабахом* ‘о человеке со странно-

стями, чудеке', до лампочки 'безразлично, все равно', по причине (чего) и др.; в словаре В.М. Мокиенко «Новая русская фразеология» зафиксированы обороты *за бугром* 'за границей, за рубежом', *до упора* 'очень сильно', *на гребне* 'на вершине (славы, известности, в момент расцвета' и др. [18].

В «Большом фразеологическом словаре» под редакцией В.Н. Телии, концепцию которого авторы определяют как «толково-культурологический», фразеологизмы описываются «как знаки «языка» культуры», особое внимание уделяется образному основанию фразеологизмов [19. С. 4]. Соответственно, в этот фразеологический словарь вообще не включаются устойчивые сочетания, соответствующие служебным частям речи, и фразеологизмы, не имеющие образности и экспрессивности.

В академических толковых словарях устойчивые предложно-падежные сочетания, в отличие от фразеологических словарей, как отдельные вокабулы в большинстве случаев не рассматриваются, но и как фразеологизмы интерпретируются далеко не всегда.

В «Словаре современного русского языка» в 4 т. (известном как МАС) [15] А.П. Евгеньева вообще впервые выделила наречия из словарных статей на прилагательное (раньше они давались по гнездовому принципу). Но в словник МАС включены только те наречия, которые пишутся без пробела, т.е. наречия *назубок*, *поистине* представлены на своем алфавитном месте, а такие сочетания, как *на глазок*, *на лету* – в словарных статьях, соответственно, на слова *глазок*, *лет*, и никаких отсылок на предлог *на* нет. Ср., например,

ПОДЕЛОМ, нареч. Разг. Справедливо, заслуженно [15. Т. 3. С. 186],

ПРОСЫП и **ПРОСЫП**, -а(-у), м. Разг. ◇ **Без просыпу (просыпа)** – 1) не просыпаясь. *Кончим войну, и спать завалюсь на все первые три дня по мирному положению и буду спать без просыпу.* Первенцев. Кочубей; 2) не приходя в трезвое состояние. *Я знал другого станкового пристава, который долгое время пил без просыпа, но потом вдруг перестал и до конца жизни пил только квас.* Салтыков-Щедрин, Пошехонские рассказы [15. Т. 3. С. 528].

Как фразеологизмы в словарных статьях на полнозначное слово интерпретируются и предложно-падежные сочетания, соответствующие служебным частям речи (*в течение*, *в продолжение*, *в силу* и др.). Устойчивое сочетание помещается за знаком фразеологии ◇ («светлый ромб») с абзаца после всех значений:

ПРОДОЛЖЕНИЕ, -я, ср. ...

♦ **В продолжение чего** (в знач. *предлога*) – в течение, на протяжении чего-л. *В продолжение ужина Грушницкий шептался и перемигивался с драгунским капитаном.* Лермонтов. Княжна Мери 3, с. 479 [15. Т. 3. С. 481].

Самый новый и самый значительный по объему (хотя еще не оконченный) академический толковый «Словарь современного русского языка» (известный как БАС-3, к настоящему моменту опубликованы 25 выпусков) [20] занимает схожую позицию. В БАС-3 раздельнооформленные сочетания обстоятельственного значения помещаются на соответствующее существительное и описываются как устойчивые сочетания (*с лету*), однако лексикографическая практика оказывается разнообразной.

Так, наречие *влёт* (оба раза в слитном написании) дано в словаре дважды:

– на своем алфавитном месте: **ВЛЁТ**, *нареч.* На лету, во время полета (о стрельбе по летящей цели). *Стрелять птицу влет.* □ *Вот приближается, готовясь к посадке, тройка гоголей, их придется сейчас бить влет.* Нагиб. Подсадн. утка [20. Т. 2. С. 627];

– и в статье на слово *лёт* (при слитном написании *влёт!*) в составе устойчивого сочетания: **ЛЁТ**, -а и -у, *предл.* о лёте, на лету, *м.* Действие по 1 знач. глаг. летать и лететь. ... ♦ Стрелять, бить влёт. Стрелять птицу, когда она летит. ... *Влет рябчика бить – не глухаря. Маленький рябчик летит, как оперенная стрела.* Бианки, Рябчик [20. Т. 9. С. 158].

В этой же статье на слово *лёт* даны предложно-падежные обстоятельственные сочетания *на лету* и *с лету*, но уже за знаком тильды, т.е. интерпретированы как фразеологизмы. См.

~ **На лету.** Во время движения чего-л. в воздухе. ... **На лету, с лету ловить, схватывать, хватать и т.п.** Быстро, сразу понимать, усваивать. ... **На лету делать что-л.** Наскоро, мимоходом... [20. Т. 9. С. 158].

Раздельнооформленные предложно-падежные сочетания никогда не представляются в отдельной словарной статье, а помещаются на стержневое слово (существительное): см. *на глазок, без просыпа (-у)* и др. Но и здесь трактовка не всегда последовательна: например, сочетания *без сил, без сознания* помещены на предлог *без, безо* [20. Вып. 1. С. 447], а не на соответствующее существительное.

Относящееся к новой жаргонной фразеологии выражение *по барабану* в значении 'все равно, безразлично' в БАС-3 отсутствует, в словарной статье *барабан* за знаком светлого ромба, т.е. как фразеология, приведено только выражение *по барабану* 'под звуки, при звуках такого инструмента':

◇ Под барабан, по барабану (вставать, ложиться, ходить и т.п.). Под звуки, при звуках такого инструмента. *Балчуговский завод походил на военный лагерь, где вставали и ложились по барабану и даже в церковь ходили по барабану.* Мам.-Сиб. Золото [20. Т. 1. С. 382].

Устойчивые предложно-падежные сочетания, соответствующие служебным частям речи, описываются в БАС-3 также не всегда последовательно. Иногда такие языковые единицы даны как устойчивые сочетания в словарных статьях на соответствующее существительное, но не как фразеологизмы, а как случаи грамматической транспозиции. Например, на слово *продолжение* после знака грамматической транспозиции приводится сочетание *в продолжение*, с грамматической пометой *в знач. союза*:

ПРОДОЛЖЕНИЕ, *ье, я, ср.* 1. Действие по знач. глаг. Продолжать, продолжить и продолжаться, продолжиться. ... □ В продолжение чего-л., *в знач. предлога.* В течение, во время чего-л. *В продолжение ужина Грузинский шептался и перемигивался с драгунским капитаном.* Лерм. Кн. Мери. ... [20. Т. 21. С. 18].

Однако иногда устойчивые двухкомпонентные сочетания интерпретируются так же, как и предложно-падежные сочетания наречного характера, т.е. как фразеология: ср. словарную подачу аналогичного сочетания *по истечении*:

ИСТЕЧЕНИЕ, *ье, я, ср.* 1. Действие по 1 и 2 знач. глагола истечь. ...

2. Окончание какого-л. срока, отрезка времени. ...

◇ По истечении, *в знач. предлога с род. п.* По прошествии какого-л. времени. *По истечении десяти лет пребывания в поселенческом состоянии поселенцам предоставляется перечислиться в крестьяне.* Чех. Остр. Сахалин. [20. Т. 7. С. 454].

В толковых словарях нового типа (экспериментальных толковых словарях) подача предложно-падежных сочетаний с устойчивой семантикой разнообразна и интересна. В экспериментальных словарях толкового типа осуществляется поиск новых решений этой проблемы. Можно сказать, что этими словарями осознано наличие таких особых единиц в составе языка, признана тождественность данных единиц

слову, в результате чего наблюдается тенденция к вокабульной (в качестве отдельного слова) подаче такого рода сочетаний (хотя заявленные в теории принципы не всегда удается соблюсти в лексикографической практике).

В «Большом универсальном словаре русского языка» под ред. В.В. Морковкина [21], находим вокабульную подачу ряда предложно-падежных сочетаний, прежде всего со служебной семантикой (в словаре есть отдельные статьи *в течение* (предл. с род.), *в продолжение* (предл. с род.), *по примеру* (предл. с род.) и др.), однако ряд сочетаний обстоятельственного характера трактуется как фразеологизмы (в частности, сочетание *по барабану* помещается в словарную статью *барабан* после всех значений:

БАРАБАН, -а, м. ... ♦ **По барабану** что-л. кому-л. *прост.* – что-л. совершенно не волнует кого-л. [21. С. 38]

Более последовательно принцип вокабульности проводится в словарях, создаваемых группой Г.Н. Складневской. Авторы новаторского проекта «Словарь русского языка XXI в.», разработка концепции которого принадлежит Г.Н. Складневской, определяют предмет описания словаря как живой язык, где под живым языком в данном случае понимается видимый и слышимый язык, т.е. современный русский язык в его реальном функционировании [22. С. 7–8]. В готовящемся к изданию «Словаре русского языка XXI в.» находим, можно сказать, революционную лексикографическую подачу таких сочетаний: они подаются как отдельные вокабулы, и в опубликованном пилотном экземпляре первых выпусков «Словаря русского языка XXI в.» [23] есть такие словарные статьи, как *без просыпа*, *без промедления*, *без следа*, *без сознания* (наречие и предикатив) и др. Соответственно, в рабочих материалах Словаря устойчивые предложно-падежные сочетания с компонентом *балда* разрабатываются не в одной, а в целой серии словарных статей (и в разных выпусках): *под балдой*, *до балды*, *от балды*.

Наконец, следует сказать о **специальных словарях**, объединяющих устойчивые предложно-падежные сочетания или определенную часть этого языкового материала. Собственно говоря, радикальное решение признать такие единицы отдельными словами было принято именно авторами специальных словарей. В 1991 г. Р.П. Рогожниковой был составлен уже упоминавшийся в данной статье «Словарь эквивалентов слова» [9], который содержит около 1 200 устойчивых сочетаний русского языка, эквивалентных (равнозначных) слову по значению и

функции в речи. Включенные в словарь словосочетания выполняют функции служебных и модальных слов, а также наречий, предикативов, местоимений и междометий. В словнике этого словаря оказываются такие лингвистические единицы, как *в принципе, в продолжение, в рамках, в рассрочку, в свете, в силах, в срок, в темпе, в течение, к счастью, на днях до отказа, до отвала, до слез, до боли* и т.п., т.е. самый широкий спектр двухкомпонентных (и не только) сочетаний самой разной семантики. Автор словаря признает лексическую самостоятельность этих единиц. Впоследствии словарь был дополнен и в 2003 г. опубликован как «Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову» [2].

В «Словаре структурных слов» [13] описаны такие сочетания с семантикой служебных слов, и как отдельные вокабульные единицы зафиксированы сочетания *за рамками, за рамки, по истечении, по части* и др. Словарь не предполагает фиксацию сочетаний наречного характера, в связи с чем из сочетаний с обстоятельственной семантикой там есть только сочетания, близкие по семантике вводным словам (как вокабулы в словаре представлены, например, *по мне по правде*).

Таким образом, обзор современного лексикографического состояния демонстрирует очень широкий спектр словарного представления устойчивых предложно-падежных сочетаний, и это разнообразие вызвано нерешенностью теоретического вопроса о лексико-грамматическом статусе таких единиц. Кроме того, следует отметить, что не всегда заявленные теоретические положения составителей словарей успешно реализуются на практике, что, очевидно, является не следствием ошибок авторов, а результатом чрезвычайной сложности однозначного определения и описания «в прокрустовом ложе» традиционной словарной статьи этого живого разнородного лингвистического материала.

Таблиц, приведенная ниже, позволяет, с одной стороны, наглядно убедиться в нерешенности вопроса о единой лексикографической трактовке таких единиц, а с другой стороны, увидеть определенные закономерности словарной интерпретации этих сочетаний в зависимости от типа словаря (по вертикали представлены фразеологические словари, толковые словари разных типов, специальные словари) и грамматического статуса сочетаний (по горизонтали представлены устойчивые сочетания, соответствующие наречиям, предлогам, вводным словам и междометиям). Отсутствие конкретного сочетания в

определенном словаре (обозначенное «—») информативно в плане позиции составителей словаря по отношению к жаргонному материалу (*по барабану* 'все равно'), сочетаниям без образного компонента, сочетаниям с варьируемым составом (*по совести говоря*) и т.п.

**Сводная таблица лексикографических представлений
предложно-падежных сочетаний**

Устойчивые сочетания		Соответствуют наречиям		Соответствуют предложениям		Соответствуют вводным словам	Соответствуют междометиям
Словари		<i>без следа</i>	<i>по барабану</i>	<i>в продолжение</i>	<i>по истечении</i>	<i>по совести</i>	<i>с Богом</i>
Фразеологические словари	Фраз. словарь под ред. А.И. Молоткова		—	—	—	Отдельный фразеологизм	Отдельный фразеологизм
	Фраз. словарь под ред. В.Н. Телии	—	Отдельный фразеологизм	—	—	—	—
Толковые словари	МАС	Фразеологизм в статье <i>след</i>	—	Фразеологизм в статье <i>продолжение</i> с пометой «в знач. предлога»	—	Фразеологизм в статье <i>совесть</i>	Фразеологизм в статье <i>Бог</i>
	БАС-3	Фразеологизм в статье <i>след</i>	— Есть только устойчивое сочетание <i>по барабану</i> (вставлять,	Устойчивое сочетание в статье <i>продолжение</i> за знаком грамматической транспозиции и пометой «в	Устойчивое сочетание в статье <i>истечение</i> за знаком грамматической транспозиции и пометой	Устойчивое сочетание в статье <i>совесть</i> с пометой «в знач. вводн. слова»	Устойчивое сочетание в статье <i>Бог</i> с пометой «в знач. межд.»

			<i>ложить-ся</i>) в статье <i>барабан</i>	знач. предлога»	«в знач. предлога»		
	Словарь XXI в.	Отдельная вокабула	Отдельная вокабула (предикатив)	Отдельная вокабула	Отдельная вокабула	Отдельная вокабула <i>по совести говоря</i>	Отдельная вокабула
Специальные словари	Большой универсальный словарь русского языка	Отдельная вокабула	Фразеологизм в статье <i>барабан</i>	—	Отдельная вокабула (предлог)	В культуроведческом комментарии на слово <i>совесть</i> : <i>по совести</i> [говоря], вв. сл.	Устойчивое сочетание в статье <i>Бог</i>
	Словарь структурных слов	Устойчивое сочетание в статье <i>без (безо)</i>	—	Отдельная вокабула (предлог)	Отдельная вокабула (предлог)	Отдельная вокабула (<i>по совести говоря</i> , вв. ед.; <i>по совести сказать</i> , вв. ед.)	—

Выводы. Достоинства и недостатки различных способов словарного представления устойчивых предложно-падежных сочетаний:

1. В современном русском языке существует определенный, значительный по количеству (около 2 тыс. единиц), исторически сложившийся и продолжающий пополняться класс языковых единиц, которые можно условно обозначить как устойчивые двухкомпонентные предложно-падежные сочетания или фразеологизированные предложно-падежные формы. На настоящий момент лексико-грамматический статус этих лингвистических единиц не определен, и нет даже однозначного термина для их обозначения.

2. На способ словарной интерпретации устойчивых предложно-падежных сочетаний влияют следующие факторы: концепция словаря (тип словаря и позиция авторов словаря), грамматические и синтаксические свойства представляемого сочетания, наличие образности и возможность варьирования компонентного состава.

3. Прямым следствием нерешенности теоретических вопросов является лексикографический разнобой в представлении этих языковых единиц. Крайние лексикографические точки зрения – это подача таких единиц только как устойчивых сочетаний в статье на однозначное слово (наиболее последовательно представлена в академических толковых словарях (см. МАС, БАС-3)), с другой стороны, исключительно вокабульная (в виде отдельной словарной статьи) подача таких сочетаний (последовательно представлена в готовящемся к изданию «Словаре русского языка века XXI в.» под редакцией Г.Н. Сляревской и специальных словарях [2, 9, 14, 21].

4. С одной стороны, принятие во внимание только фактора наличия/отсутствия пробела (как в академических толковых словарях) формализует и выхолащивает подачу в словаре реально существующих в современном русском языке наречий, имеющих как слитное, так и раздельное написание. С другой стороны, уязвима и позиция признания этих единиц самостоятельными словами и их только вокабульная подача (как в словарях под редакцией Г.Н. Сляревской) – эта позиция не безупречна с точки зрения пользователя словаря, так как подобным образом описываются и еще не всегда сформировавшиеся наречия, предлоги и т.п. Однако, поиск приоритетной лексикографической подачи таких сочетаний, возможно, не имеет единого и объективного решения, поскольку каждый конкретный словарь основывается на собственной концепции и определенных авторских установках.

5. С нашей точки зрения, подача устойчивых предложно-падежных сочетаний исключительно как самостоятельных вокабул все же проигрывает традиционной лексикографической интерпретации, поскольку при изолированном представлении этого языкового материала разрываются семантические связи данных сложных лексических единиц со стержневым словом. Хотя иногда эти связи бывают затемнены и неочевидны, как у сочетаний *до лампочки* и *по барабану*, но они существуют, пусть и на периферии языкового сознания, и как раз актуализируются при представлении сочетаний в статье на соответствующее существительное. Так, при вокабульной подаче, как было показано, на самые разные буквы (и в разных выпусках) окажутся предложно-падежные сочетания *до балды*, *от балды*, *без балды*, *под балдой*, и их существование в языке *не будет напрямую связано читателем с семантикой многозначного и имеющего богатую историю в русском языке слова балда* ('1) Разг. Сниж. Неодобр. Бестолковый,

недалекий, глупый или невежественный человеке, 2) *Жарг.* Голова, 3) *Жарг.* Собир. Наркотики, 4). *Проф.* Рыболовная снасть для лова хищной рыбы, 5) *Обл.* Шишка, нарост на дереве, 6) *Устар.* Тяжелый молот, применявшийся при горных работах и в кузнечном деле, 7) *Устар.* Утолщение, набалдашник, массивная рукоять' [22. Т. 2. С. 243]). На наш взгляд, исключительно полезны специальные словари таких слов (см. словари Р.П. Рогожниковой [2; 9]), однако в обычном толковом словаре вокабульная подача едва ли оправдана и в отношении всех без исключения сочетаний обстоятельственного характера, и в отношении составных союзов. Наиболее сложным в таком случае оказывается вопрос дифференциации уже сформировавшихся раздельно оформленных наречий и устойчивых сочетаний (в том числе фразеологизмов); здесь могут быть учтены критерий невозможности расширения компонентного состава, а также семантический критерий, но важным является и языковое чутье лексикографа.

Будем надеяться, что вопрос определения лексико-грамматического статуса таких единиц – дело будущего, главное, что лингвистам это не «по барабану».

Литература

1. Ройзензон Л.И. Лекции по общей и русской фразеологии : учеб. пособие. Самарканд : Самарк. гос. ун-т им. Алишера Навои, 1973. 223 с.
2. Рогожникова Р.П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М. : Астрель; Аст, 2003. 420 с.
3. Пасечник А.А. Лексикализованные предложно-падежные сочетания и их репрезентация в лексикографии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 20 с.
4. *Словарь* обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Т. 1–8. СПб. : Наука, 2004–2018, издание продолжается.
5. Зиновьева Е.И. По грехом моим...// Русское слово в историческом развитии. Вып. 4: Материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» Международной филологической конференции. 11–15 марта 2008 г. СПб. : Нестор-История, 2009. С. 28–37.
6. Васильева О.В. О наречиях в «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.»// История русского языка и культурная память народа. Материалы секций Международной филологической конференции, 26–31 марта 2012 г., С.-Петербург / отв. ред. О.А. Черепанова. СПб. : Нестор-История, 2012. С. 80–85.
7. Раевская М.В. Внешняя омонимия фразеологических предлогов в деловом языке XVIII века (по материалам объединенного государственного архива Челябинской области) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2014. Т. 11, № 1. С. 29–32.

8. Виноградов В.В. О грамматической омонимии в современном русском языке. М. : Наука, 1975. 112 с.
9. Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства. М. : Рус. яз., 1991. 254 с.
10. Сергеева А.Г. Семантические и функциональные свойства лексикализованных предложно-падежных словоформ *в заключение, в завершение, в довершение* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2007. 22 с.
11. Шиганова Г.А. Релятивные фразеологизмы русского языка. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2003. 306 с.
12. Кабанова С.А. Фразеологизированные предложно-падежные субстантивные формы в сербском и русском языках // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. Вып. № 11. С. 91–99.
13. Симич Д.Г. Фразеологизация предложно-падежных форм имени существительного в предикативной функции : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 22 с.
14. Морковкин В.В., Луцкая Н.М., Богачева Г.Ф. и др. Словарь структурных слов русского языка. М. : Лазурь, 1997. 420 с.
15. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984.
16. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. 3-е изд., испр. и доп. М. : Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.
17. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М. : Сов. энциклопедия, 1967. 543 с.
18. Мокиенко В.М. Новая русская фразеология. Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. Opole, 2003. 168 с.
19. Большой фразеологический словарь русского языка / под ред. В.Н. Телии. М. : АСТ-Пресс, 2009. 782 с.
20. Большой академический словарь русского языка. Т.1–25 / под ред. К.С. Горбачевича, А.С. Герда. М. ; СПб. : Наука, 2004–2019, издание продолжается.
21. Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка / под ред. проф. В.В. Морковкина. М. : Словари XXI века, 2017. 1456 с.
22. Складневская Г.Н. Современный толковый словарь живого русского языка: Обоснование концепции. Пробные словарные статьи. СПб. : Изд-во филолог. факультета, 2004. 80 с.
23. Словарь русского языка XXI века / гл. ред. Г.Н. Складневская. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. Вып. 1. 564 с.

Lexical-Grammatical Status and Lexicographic Presentation of Two-Component Stable Prepositional Combinations

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 19, pp. 32–51. DOI: 10.17223/22274200/19/2

Elena V. Generalova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: elena-generalova@yandex.ru

Keywords: explanatory lexicography, phraseology, phraseology, prepositional combinations, equivalents of word.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-012-00214 A.

The aim of the article is to review the ways of dictionary presentation of stable prepositional combinations and the factors essential for their lexical-grammatical status and the type of optimal lexicographic description. The object of the study is two-component prepositional combinations with stable meanings and the “preposition+noun” structure. The material of the article is data of different dictionaries of Russian presenting stable prepositional combinations. In the course of the study, the following questions were answered: why the definition and interpretation of the lexical-grammatical nature of stable prepositional combinations are so difficult and ambiguous; what lexicographic interpretation these units have in dictionaries of different types; what the advantages and disadvantages of different ways of dictionary interpretation of such language material are. The following methods were used: introspective (observation, generalization, classification), systematic lexicographic description according to dictionary parameters, dictionary definition analysis. The summary table of the lexicographic presentation of stable combinations allows seeing both the unresolved question of dictionary interpretation of such units and the patterns of their interpretation depending on the type of a dictionary. As a result of the analysis the following conclusions were drawn. 1) In modern Russian there is a rather large (about 2,000 units) class of language units (prepositional combinations), the lexical-grammatical status of which is not defined, and there is no term for their definition; this class is historically formed and continues to replenish. 2) The type of dictionary presentation of stable prepositional combinations is determined by the dictionary concept, grammatical and syntactic properties, presence of figurative meaning and possibility of component variation of such combinations. 3) The unresolved theoretical issues have as a result the lexicographic discrepancy in the presentation of these language units. Extreme lexicographic solutions are a separate dictionary entry for each combination and the presentation of such units only as stable combinations in the entry of a noun (presented in academic explanatory dictionaries). 4) Taking into account only the factor of presence/absence of a gap seems to formalize the dictionary presentation of adverbs with both conjoined and split spelling, really existing in Russian, and the position of recognition of these units with independent words and their isolate presentation is not impeccable for dictionary users. 5) In the author’s opinion, the presentation of stable prepositional combinations exclusively as independent vocabules is inferior to the traditional lexicographic approach because the isolated presentation of this material breaks the semantic connections of these complex lexical units; the most complex issue is the differentiation of adverbs with split spelling and stable combinations.

References

1. Royzenzon, L.I. (1973) *Leksii po obshchey i russkoy frazeologii: ucheb. posobie* [Lectures on general and Russian phraseology: A textbook]. Samarkand: Samarkand State University.
2. Rogozhnikova, R.P. (2003) *Tolkovyy slovar' sochetaniy, ekvivalentnykh slovu* [Explanatory dictionary of combinations equivalent to words]. Moscow: Astrel': AST.

3. Pasechnik, A.A. (2005) *Leksikalizovannye predlozhno-padezhnye sochetaniya i ikh reprezentatsiya v leksikografii* [Lexicalized prepositional case combinations and their presentation in lexicography]. Abstract of Philology Cand. Diss. Krasnodar.
4. Mzhel'skaya, O.S., Generalova, E.V. & Vasil'eva, O.A. (eds) (2004–2018) *Slovar' obikhnodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv.* [Dictionary of the Everyday Russian Language of Moscow Rus of the 16th–17th Centuries]. Vols 1–8. St. Petersburg: Nauka.
5. Zinov'eva, E.I. (2009) Po grekhom moim... [By my sin ...]. In: *Russkoe slovo v istoricheskom razviti*i [Russian word in historical development]. Vol. 4. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 28–37.
6. Vasil'eva, O.V. (2012) [On adverbs in the Dictionary of the Everyday Russian Language of Moscow Rus of the 16th–17th Centuries]. *Istoriya russkogo yazyka i kul'turnaya pamyat' naroda* [History of the Russian language and Cultural Memory of the People]. St. Petersburg. 26–31 March 2012. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 80–85. (In Russian).
7. Raevskaya, M.V. (2014) External Ambiguity of Phraseological Prepositions in Business Language of the XVIIIth Century (Based on the Material from the Joint State Archive of Chelybinsk Region). *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika – South Ural State University Bulletin. Series "Linguistics"*. 11 (1). pp. 29–32. (In Russian).
8. Vinogradov, V.V. (1975) *O grammaticheskoy omonimii v sovremennom russkom yazyke* [On grammatical homonymy in modern Russian]. Moscow: Nauka.
9. Rogozhnikova, R.P. (1991) *Slovar' ekvivalentov slova: narechnye, sluzhebnye, modal'nye edinstva* [Dictionary of word equivalents: Adverbial, functional, modal units]. Moscow: Rus. yaz.
10. Sergeeva, A.G. (2007) *Semanticheskie i funktsional'nye svoystva leksikalizovannykh predlozhno-padezhnykh slovoform v zaklyuchenie, v zavershenie, v dovershenie* [Semantic and functional properties of lexicalized prepositional-nominal word forms “v zaklyuchenie”, “v zavershenie”, “v dovershenie”]. Abstract of Philology Cand. Diss. Vladivostok.
11. Shiganova, G.A. (2003) *Relyativnye frazeologizmy russkogo yazyka* [Relative phraseological units of the Russian language]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical University.
12. Kabanova, S.A. (2013) Russian and Serbian Prepositional-Nominal Forms Functioning as Phraseological Units. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 11. pp. 91–99. (In Russian).
13. Simchich, D.G. (2000) *Frazeologizatsiya predlozhno-padezhnykh form imeni sushchestvitel'nogo v predikativnoy funktsii* [Phraseologization of prepositional-nominal forms of nouns in a predicative function]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
14. Morkovkin, V.V. et al. (1997) *Slovar' strukturnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of Structural Words of the Russian Language]. Moscow: Lazur'.
15. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: In 4 Volumes]. 2nd ed. Moscow: Rus. yaz.

-
16. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (2005) *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar'* [Russian Phraseology. A Historical and Etymological Dictionary]. 3rd ed. Moscow: Astrel': AST: Lyuks.
17. Molotkov, A.I. (ed.) (1967) *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [A Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Sov. entsiklopediya.
18. Mokienko, V.M. (2003) *Novaya russkaya frazeologiya* [New Russian Phraseology]. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej.
19. Teliya, V.N. (ed.) (2009) *Bol'shoy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Big Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: AST-Press.
20. Gorbachevich, K.S. & Gerd, A.S. (eds) (2004–2019) *Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [A Big Academic Dictionary of the Russian Language]. Vols 1–25. Moscow; St. Petersburg: Nauka.
21. Morkovkin, V.V., Bogacheva, G.F. & Lutsкая, N.M. (2017) *Bol'shoy universal'nyy slovar' russkogo yazyka* [A Big Universal Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Slovari XXI veka.
22. Sklyarevskaya, G.N. (2004) *Sovremennyy tolkovyy slovar' zhivogo russkogo yazyka: Obosnovanie kontseptsii. Probnye slovarnye stat'i* [A Modern Explanatory Dictionary of the Living Russian Language: Substantiation of the Concept. Trial Dictionary Entries]. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University.
23. Sklyarevskaya, G.N. (ed.) (2019) *Slovar' russkogo yazyka XXI veka* [Dictionary of the Russian Language of the 21st Century]. Vol. 1. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.

УДК 81-115'374:581/591

DOI: 10.17223/22274200/19/3

М.В. Жуйкова, А.И. Йодловская

К ПРОБЛЕМЕ ПОСТРОЕНИЯ СЛОВАРНЫХ ТОЛКОВАНИЙ КОНКРЕТНОЙ ИМЕННОЙ ЛЕКСИКИ (ФЛОРА И ФАУНА)

Рассматриваются два подхода к словарным толкованиям конкретной именной лексики: логико-рационалистический и психологический. В рамках первого подхода толкование строится через перечисление необходимых и достаточных признаков денотата; второй основан на включении в дефиницию релевантных, коммуникативно значимых характеристик. На большом массиве дефиниций именной лексики, соотносительной с биологическими объектами, показано, что лексикографы отдают предпочтение второму подходу.

Ключевые слова: лексическое значение, дефиниция, стохастизмы, психолингвистическое значение, релевантный признак.

Понятие лексического значения является одним из центральных как в теоретических исследованиях в области лексической семантики, так и в практической деятельности лексикографов, направленной на создание толкований слов – словарных дефиниций, построение структуры полисемии и многих других важных задач. Толкования, являющиеся особым типом метаязыковых текстов, специально предназначены для экспликации лексического значения, т.е. служат для вербализации той информации, которая связана в сознании говорящих с тем или иным словом.

Основное требование к дефинициям состоит в том, что они должны обеспечивать непротиворечивое и однозначное соответствие между языковым знаком и его обозначаемым, под которым имеют в виду, естественно, не объект из «мира вещей», а некий «квант» информации, входящий в ментальное пространство – концептосферу усредненного носителя языка. Любой природный язык, создававшийся на протяжении многих веков, отражает так наз. наивную картину мира своих носителей. «Задача лексикографа, – подчеркивает Ю.Д. Апресян, – если он не хочет покинуть почвы своей науки и превратиться в энциклопедиста, состоит в том, чтобы вскрыть... наивную картину мира в лексических значениях слов и отразить ее в системе толкований. Первые попытки в этом направлении показали, насколько непростой является эта задача» [1. С. 58].

Важно осознавать, что трудности возникают не только при лексикографическом описании номинативной абстрактной лексики (например, наименований эмоций, психических и физических состояний, ощущений, качеств, сложных действий). Непростой проблемой оказывается и построение словарных толкований для вполне обычных, частотных знаков-наименований – существительных с конкретной семантикой.

Данная статья посвящена кругу вопросов, связанных с лексикографическим описанием конкретных существительных, соотносительных с натуробъектами, прежде всего, с растениями и животными; общее свойство этих объектов состоит в том, что они воспринимаются органами чувств человека, т.е. перцептивно, причем доминирующую роль в процессах перцепции играет зрение. Цель работы состоит в том, чтобы показать не только существующие проблемы, но и основные тенденции, проявляющиеся в практической лексикографии при построении дефиниций на основе двух подходов: традиционного (логико-рационалистического) и психологического.

Обратимся к теоретическим положениям, которые отражают принципы описания предметной лексики в толковых словарях. В основе этих принципов лежит понимание сущности лексического значения слова как его плана содержания, как особой информации, закрепленной за знаком. Поскольку этот вопрос является крайне сложным и многократно обсуждался в лингвистической литературе, см., например, обзоры в книгах А.А. Уфимцевой [2], С.А. Песиной [3. С. 11–50], мы не будем специально на нем останавливаться. С позиций практической лексикографии важно отметить два требования к дефиниции, сформулированные Ю.Д. Апресяном еще в работе «Лексическая семантика» (первое издание 1974 г.): 1. Значение, которое толкуется в словаре, должно определяться через более простые значения и в конце концов сводиться к небольшому набору элементарных (неопределяемых) значений. 2. Единицы, используемые при толковании, должны быть необходимыми и достаточными для значения, которое объясняется в словаре (должны быть перечислены все семантические компоненты слова, и только они, определение должно быть точной синонимической перифразой определяемого) [1. С. 95]. Второе требование к дефиниции неоднократно звучало в трудах американских ученых. См., например, известное высказывание Э. Бендикса: «Минимальная дефиниция значения какой-либо единицы – это пере-

чень семантических компонентов, необходимых и достаточных для отграничения (в парадигматическом плане) данного значения от значений всех других единиц языка» [4. С. 76]. Развивая принципы системного подхода к языку, Ю.Д. Апресян разработал концепцию системной лексикографии, которая должна обеспечивать согласованное описание единиц словаря и грамматики. Эта концепция, в частности, включает в себя понятие лексикографического типа.

Лексикографический тип – это группа лексем с набором одинаковых параметров, к которым могут применяться некоторые общие принципы описания (не только семантические, но и прагматические, грамматические) [5. С. 508]. Реализация концепции системной лексикографии представлена в двух новаторских словарях (НООСРЯ и АСРЯ). Во вступительной части «Активного словаря русского языка» Ю.Д. Апресян еще раз подчеркнул важность системных требований к толкованию лексемы: «Можно сформулировать некий идеал, к которому следует стремиться, с пониманием, что его невозможно реализовать в полном объеме даже в “лабораторных” условиях, не говоря уж о реальном словаре. Он предельно прост – толкования, подобно другим дефинициям, должны быть полны (условие необходимости), неизбыточны (условие достаточности) и нетавтологичны» [6. С. 15].

Прежде чем переходить к обсуждению практической реализации этих принципов в словарях, следует обратить внимание на то, что выдвигаемые Э. Бендиксом, Ю.Д. Апресяном и другими учеными требования к словарному определению содержат два понятия из сферы логики: «необходимое условие» и «достаточное условие». Однако их понимание, как нам представляется, несколько иное, чем в логике и математике, поскольку в логике указанные условия определяют характер связи между двумя суждениями, которая обеспечивает их истинность. В общем виде эта связь выглядит так: если из некоторого t следует n , то t является необходимым условием для n ; если из того же n следует то же t , то n является достаточным условием для t . Например, рассмотрим связь суждений *Брат купил книгу* (t) $\rightarrow$ *Книга принадлежит брату* (n); из факта покупки книги братом обязательно следует вывод о том, что книга оказывается в собственности брата, эти суждения связаны как необходимое условие и его следствие (импликация). Тем не менее связь суждений *Книга принадлежит брату* (n) $\rightarrow$ *Брат купил книгу* (t) иная: покупка книги братом является достаточным условием, чтобы книга начала ему принадлежать, однако

есть и другие достаточные условия для того же следствия (например, брату подарили эту книгу). Однако категория истинности в ее строгом логическом смысле к словарным толкованиям не применима, поэтому важно понять, что именно имеют в виду лингвисты, говоря о наборе необходимых и достаточных семантических компонентов.

Для этого примем такие условные обозначения: А – это конечный набор семантических признаков а, b, c, d; В – это лексическое значение слова С. Конечный набор признаков А находится в словарной статье справа от толкуемой единицы С, это экспликация его лексического значения. Что касается В, то оно является сложным ментальным образованием, некоторым набором концептуальных признаков. Чтобы адекватно связать А и В, логическое понятие истинности (имеется в виду истинность некоторого суждения) следует заменить на более простое понятие удовлетворительности описания или, иначе, его соответствия представлениям говорящих о содержании слова С. Определим следующие логические условия удовлетворительности описания В:

1. Чтобы В было удовлетворительным, нужно обязательно включить в А семантические признаки а, b, c, d; отсутствие любого из них в А сделает В неудовлетворительным, и в этом случае никакие иные признаки e, f, g... не могут обеспечить удовлетворительное описание В.

2. Чтобы В было удовлетворительным, нужно включить в А только семантические признаки а, b, c, d; присутствие в А признаков e, f, g..., даже если они не противоречат содержанию В, является излишним.

Первое условие отвечает требованию «необходимые признаки» в толковании, а второе – «достаточные признаки».

Таким образом, мы видим, что принятые требования к словарной дефиниции базируются на несколько упрощенном логическом подходе, согласно которому лексическое значение слова, как и его отражение в словарном толковании, должно быть представлено через некоторый минимальный набор признаков соответствующего понятия, достаточных для того, чтобы можно было отличить одно слово от другого, причем этот набор не должен быть избыточным (в него должны входить те и только те признаки, которые вместе обеспечивают понимание построенного толкования). Наилучшим образом эти требования можно отразить в дефинициях, описывающих объекты идеальной природы, например треугольники, ромбы, кубы и т.д. Однако при толковании имен объектов из нашего реального мира реали-

зовать эти условия оказывается крайне сложно, даже если речь идет о закрытых тематических группах (типа наименований родства, которые служили для структуралистов богатным материалом для компонентного анализа).

Покажем, как выглядит системное описание номинаций одного лексикографического типа в АСРЯ. Во вступительной части словаря приведены толкования для номинаций четырех плодов (*апельсин* – *мандарин*, *персик* – *абрикос*) и названы признаки (или группы признаков, т.е. профили), которые следует указывать при описании значения подобных слов. «В частности, – пишет Ю.Д. Апресян, – в толкованиях имен фруктов должны указываться: а) объект, на котором они растут, б) их размер, в) форма, внешний вид, г) цвет, д) вкус, е) плотность, ж) строение» [6. С. 22].

Дефиниции фруктов, построенные в соответствии с этой общей матрицей, имеют такой вид:

Абрикос 1. 'Южный фрукт размером с кулачок младенца, растущий на дереве, овальный, желтого, оранжевого или светло-розового цвета, мягкий, кисло-сладкий, с большой гладкой коричневой косточкой внутри'.

Персик 1. 'Южный фрукт размером с кулак ребенка, растущий на дереве, круглый или слегка овальный, различных расцветок от желто-оранжевой до бордовой, мягкий, сладкий, с пушистой кожицей и большой косточкой внутри, поверхность которой покрыта кривыми бороздками'.

Апельсин 1. 'Южный фрукт размером с кулак, растущий на дереве, обычно круглый, с толстой плотной кожурой оранжевого цвета, кисло-сладкий, внутри мягкий и разделенный на дольки, содержащие светлые косточки'.

Мандарин 1. 'Южный фрукт размером с кулак ребенка или немного меньше, растущий на дереве, круглый или слегка сплюснутый, с тонкой, часто непрочной кожурой оранжевого цвета, кисло-сладкий, внутри мягкий и разделенный на дольки, обычно содержащие светлые косточки' [6. С. 22].

Вишня 1. 'Ягода круглой формы, размером с ноготь взрослого человека, растущая на дереве, с тонкой кожурой красного, темно-красного или почти черного цвета и сочной кисловато-сладкой мякотью, в которой находится крупная круглая косточка' [АСРЯ. Т. 1. С. 143].

Такие описания значений полностью решают задачу разграничения объектов, названных определенным словом, но разрешается она не с помощью ограниченного набора характеристик. Предложенные в этом словаре дефиниции оказываются гораздо более подробными по сравнению с традиционными толкованиями. На самом деле эти дефиниции содержат даже больше дифференциальных признаков, чем выделено профилей. Например, для слова *персик* профиль 'строение' представлен такими характеристиками: «с пушистой кожицей», «с большой косточкой», «поверхность косточки покрыта кривыми бороздками». Как справедливо отмечает Ю.Д. Апресян, «перечислить все свойства природного объекта невозможно. Даже выделение наиболее существенных свойств представляет известные трудности. Поэтому от толкований предметной лексики достаточно потребовать, чтобы они обладали дифференциальной силой, т.е. чтобы толкования очень похожих предметов все же отличались друг от друга» [6. С. 22]. Построенные таким образом дефиниции для названий фруктов действительно обладают дифференциальной силой, а совокупность их дескриптивных признаков дает достаточно полное представление о внеязыковом объекте. Правда, остается не вполне разрешенным вопрос о том, все ли названные признаки являются необходимыми, а их набор действительно ли не избыточен.

Указанный подход к значению, на котором строится известная методика компонентного анализа, согласуется с аристотелевским пониманием категории, при котором каждая категория сознания должна быть описана через набор необходимых и достаточных признаков, иметь четкие границы, не должна пересекаться с другими категориями и т.д. Общеизвестно, что когнитивная лингвистика сформулировала иной взгляд на природные категории, при котором условие выделения необходимых и достаточных признаков для всех членов категории фактически снимается, и его заменяет понятие прототипа; см., например, интересную книгу Дж. Тейлора [7], где показаны отличия в принципах построения категории и демонстрируются психологические основания природной категоризации.

При углублении в проблему принципов организации словарной дефиниции конкретной лексики возникает такая трудность: неясно, какие именно признаки объекта следует считать необходимыми и достаточными для описания слова, чтобы такое описание служило цели его отграничения от других слов в процессе коммуникации. Другой

не менее важный вопрос, связанный с первым, можно сформулировать так: возможно ли построение дефиниций любых лексикографических типов предметной лексики в соответствии с этими требованиями?

По поводу первой проблемы З.Д. Попова и И.А. Стернин высказались так: «Вызывает также многочисленные вопросы и идея о том, что включенные лексикографами в дефиницию слова признаки отражают существенные, дифференциальные признаки называемых предметов и явлений. Как правило, это можно с определенной долей надежности констатировать для дефиниций научных терминов; для большинства же общепотребительных слов признаки, образующие лексикографическое описание значения, могут вообще не иметь отношения к категории существенности, поскольку для многих объектов (в особенности для натурфактов) это понятие просто неприменимо» [8. С. 38]. В подтверждение своих сомнений авторы исследования приводят примеры наименований натурфактов, в которых сложно выделить так называемые существенные признаки (*заяц, собака, яблоко, береза, морковь, лужа, окурок, озеро*).

Наглядное подтверждение тому, что не все названия природных объектов удастся описать на основе общей матрицы, обнаруживается и в АСРЯ, например в тематической группе 'деревья'. Ср. следующие дефиниции: *береза* 'лиственное дерево, распространённое в средней полосе, обычно с гладкой белой тонкой корой с черными полосками и с листьями в форме сердца' [АСРЯ. Т. 1. С. 218]; *бук* 'крупное лиственное дерево с тонкой гладкой светло-серой корой, густой широкой кроной, обычно начинающейся высоко от земли, овальными листьями и ценной твердой древесиной' [АСРЯ. Т. 1. С. 376]; *верба* 'дерево или кустарник, имеющий гибкие красноватые ветви и серо-желтые пушистые почки величиной с ноготь ребенка' [АСРЯ. Т. 2. С. 58]. В этих дефинициях не обнаруживается общая модель описания: только для березы указан ареал распространения, но нет данных о кроне, древесине; только для бука отмечен размер кроны и дана информация о древесине, но ничего не сообщается об ареале произрастания; в толковании вербы отсутствуют эти три параметра, нет информации о форме листьев и цвете коры, зато подробно описаны почки (цвет, размер и тактильное ощущение от их поверхности).

Очевидно, если бы лексикографы, создававшие толкования для АСРЯ, видели возможность описания этих лексем по одной схеме, то они этой возможностью непременно воспользовались бы.

В большинстве толковых словарей лексикографы и не стремятся к выделению жесткого набора признаков и часто строят дефиницию на основе свойств, весьма произвольно извлеченных из концептуальной структуры. Для подтверждения этого положения сравним толкования номинации рус. *липа* / пол. *lipa* / англ. *linden, lime* / нем. *Linde* / итал. *tiglio* в двенадцати авторитетных толковых словарях.

1. Липа. Лиственное дерево из сем. липовых с густой кроной и душистыми медоносными цветками [БАС. Т. 6. Стб. 241].

2. Липа. Лиственное дерево с сердцевидными зубчатыми листьями и желтоватыми душистыми медоносными цветками [МАС. Т. 2. С. 185].

3. Lipa. Drzewo z rodziny lipowatych, pospolicie występuje na całym niżu i niżej położonych terenach górskich: liście sercowate, od spodu pokryte pęczkami rudawobrunatnych włosk ('дерево из семейства липовых, обычно встречающееся в низинах и в нижней зоне горных областей: листья сердцевидной формы, снизу покрытые пучками рыжевато-коричневых волосков') [SJP].

4. A linden is a large tree with pale green leaves which is often planted in parks in towns and cities ('липа – это большое дерево с бледно-зелеными листьями, которое часто высаживают в парках городов и поселков') [CCALD].

5. Linden. Any of various tiliaceous deciduous trees of the N temperate genus *Tilia*, having heart-shaped leaves and small fragrant yellowish flowers: cultivated for timber and as shade trees ('любое из различных лиственных деревьев липы умеренного климатического пояса рода *Tilia* с листьями в форме сердца и небольшими ароматными желтоватыми цветами: культивируется для получения древесины, а также как тенистое дерево') [CED].

6. Linden. Any tree of the genus *Tilia*, as *T. americana* (American linden) or *T. europaea* (European linden), having fragrant yellowish-white flowers and heart-shaped leaves, grown as an ornamental or shade tree ('липа – любое дерево рода *Tilia*, например *T. americana* (американская липа) или *T. europaea* (европейская липа), имеющее ароматные желтовато-белые цветы и листья в форме сердца, выращиваемое как декоративное или тенистое дерево') [WD].

7. Lime. A tree with pleasant-smelling yellow flowers ('дерево с приятно пахнущими желтыми цветами') [LDCE].

8. Lime. Tree with a smooth heart-shaped leaves and fragrant yellow flowers. ('дерево с гладкими сердцевидными листьями и ароматными желтыми цветами') [OALDCE. P. 724].

9. Linde. Ein Baum mit hellgrünen, herzförmigen Blättern, dessen gelbliche Blüten gut riechen ('дерево со светло-зелеными листьями в форме сердца, желтоватые цветы которого хорошо пахнут') [GWD].

10. Linde. Laubbaum mit ausladender Krone, herzförmigen, gesägten Blättern u. gelblichen, duftenden Blüten ('лиственное дерево с большой кроной, с зубчатыми листьями в форме сердца и желтоватыми ароматными цветами') [DUW. P. 956].

11. Tiglio. Albero delle Malvali con foglie a cuore seghettate, fiori in infiorescenze dal profumo intense forniti di una brattea giallo-verdastra e frutto a piccolo nocce ('дерево из сем. мальвовых с зубчатыми сердцевидными листьями, цветами с сильным ароматом, собранными в соцветия, имеющие зеленовато-желтые прицветники, и мелкими плодами-орешками') [NZ. P. 1115].

12. Tiglio. Alta e imponente pianta ornamentale, frequentemente posta nei viali e nei parchi per la bellezza del suo fogliame, per il gradito profumo dei suoi fiori e per l'ombra ampia che la sua grande chioma diffonde ('высокое, внушительное декоративное растение, часто размещаемое на проспектах и в парках, из-за красоты его листвы, приятного запаха цветов и из-за большой тени, которую дает его крона') [DFLI. P. 1028].

Анализ этих дефиниций показывает, что общее количество дескриптивных признаков липы (без тех, которые относятся к собственно энциклопедической информации — биологической таксономии липы), равно девятнадцати. Среди них один классификационный признак (лиственное дерево), признаки внешнего вида (общий размер, сердцевидная форма листьев, зазубренные края листьев, цвет листьев, поверхность листьев, размер кроны, размер, окраска и запах цветов, особенности соцветия, наличие волосков на нижней стороне листа, форма и размер плодов), указание на ареал распространения (обычно растет в низменных местностях), а также особенности использования липы людьми (для озеленения парков и улиц, для получения древесины, как декоративное растение, как источник тени, как медонос). При этом ни одна из дефиниций не содержит всего набора выделенных признаков: их количество колеблется от трех (LDCE) до восьми (CED).

Вопрос о том, какие именно признаки из отмеченных девятнадцати следует включать в дефиницию слова *липа*, чтобы их совокупность имела дифференциальную силу и отвечала условиям необходимости и достаточности для описания слова, остается открытым. Было бы не

совсем корректно ставить вопрос о том, какие из приведенных толкований «лучше», а какие «хуже». Если считать, что в дефинициях следует стремиться к реализации принципа минимизации дескриптивных признаков, как этого представлял Э. Бендикс, то «хорошими» придется назвать более короткие дефиниции. Однако этот подход противоречит требованию «узнавания» объекта и его отграничения от других подобных объектов.

Сравнение толкований слова *липа* и его эквивалентов в разных языках, с одной стороны, и дефиниций фруктов из АСРЯ – с другой, позволяет заметить один существенный момент: практически все признаки, из которых строятся дефиниции для *липы*, оказываются непостоянными во времени и не синхронными, тогда как признаки фруктов, включенные в определения из АСРЯ, в основном наблюдаются одновременно (за исключением признаков ‘южный’ и ‘растущий на дереве’). Липа же цветет примерно месяц, иногда и меньше; только в этот промежуток времени она является медоносом. Наблюдать характер листвы на липе можно примерно шесть-семь месяцев в году (это время зависит от географических и климатических условий); крона липы дает тень тоже не круглый год. К более постоянным признакам мы можем отнести указание на общий размер дерева (*alta, large*). Но тут мы сталкиваемся с двумя проблемами: собственно лингвистической и скорее биологической.

С одной стороны, мы не знаем, как определить признак ‘большой’ применительно к одному классу деревьев, поскольку для его соотнесения с экстралингвальными объектами нужно провести сравнение членов суперординатной категории (сравнить среднюю липу и средний дуб, бук, каштан, тополь, вербу, яблоню, персик, вишню...), а это значит, что утрачивается возможность независимого описания. В определениях фруктов из АСРЯ в качестве эквивалента их величины взяты стандартные размеры частей тела ребенка и взрослого человека. Предположим, что носитель языка никогда не видел абрикоса; извлекая информацию про него из словарного определения, он может представить себе его размер только в том случае, если ему известно, каков размер кулачка младенца. С другой стороны, признак ‘высокий’ у класса лип не является стабильным, липы бывают и небольшие, невзрослые (еще не цветут, не выделяют нектар), а также имеют свойство расти. Таким образом, оказывается, что словарные дефиниции относятся к только хорошим экземплярам липы на их самом продуктивном этапе жизненного цикла, причем в короткий период летнего цветения.

Можно также отметить, что выбранные для словарного толкования признаки липы оказываются семантически неоднородными и относятся к разным видам информации, связанной в сознании говорящих с этим растением. Так, в словаре польского языка (SJP), в словаре итальянского языка (NZ) *lipa* представлена преимущественно как биологический объект, а в словарях английского (WD, CCALD) и особенно итальянского языка (DFLI) она выступает скорее как элемент городского пространства; поэтому в соответствующих дефинициях доминируют те признаки, которые существенны для обитателя этого пространства, стремящегося сделать свою жизнь в нем более комфортабельной. И хотя большинство из представленных признаков липы относятся к перцептивным (для их осознания необходимо только зрение и обоняние), некоторые характеристики липы оказываются умозрительными и выводимыми логически (медонос, культивируется для получения древесины, растет в умеренной климатической зоне).

Таким образом, для имен натуробъектов построение словарных толкований по принципу минимизации набора дифференциальных признаков оказывается весьма проблематичной задачей. Это связано с явлением, отмеченным в работах М.В. Никитина: концептуальные структуры натуробъектов, прежде всего, имен растений и животных, представляют собой набор большого количества слабо упорядоченных, случайных признаков. Автор называет такие концепты стохастизмами и пишет о них следующее: «В... стохастизмах сам набор признаков класса неконечен, неясен, все признаки характеризуются той или иной вероятностью вхождения – невхождения в определение класса и структурированы в понятии за счет оценок их вероятностей и предметно-логических связей и зависимостей» [9. С. 56]. Невозможность выделить из этого набора те признаки, которые необходимы для идентификации явления, приводит к необязательному характеру дефиниции: «Она не может достичь своей цели, поскольку пытается предмет вероятностной структуры определить средствами двузначной логики. Толкования подобных слов – наименее ценная часть словарных статей в толковых словарях» [9. С. 57].

В качестве примера М.В. Никитин приводит толкование слова *слон* из словаря В.И. Даля: 'известное огромностью своею животное жарких стран', куда вошло два признака: 'размер' и 'ареал обитания'. Очевидно, что эти признаки не исчерпывают содержания лексического значения, не могут считаться необходимыми и достаточными, а все толкование не имеет различительной силы.

Как контраргумент к утверждениям М.В. Никитина можно вспомнить известный пример Ю. Найды из его статьи «Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения», где автор предлагает лаконичное словарное толкование англ. слова *bat* 'летучая мышь'. «Практически достаточной дефиницией для *bat* будет просто 'млекопитающее, которое летает', или 'летающее млекопитающее'. Может быть, следовало бы оговориться, что «летающее» должно пониматься в смысле самостоятельного передвижения, а не с помощью вспомогательных средств, но в сочетании со словом *млекопитающее* неоднозначность возникать не должна» [10. С. 66].

Действительно, толкование слова состоит из двух признаков: 'млекопитающее' и 'летает'. Каждый из них является необходимым: с одной стороны, если из дефиниции исключить признак 'млекопитающее', можно получить практически любой объект из класса «птицы» или «насекомые»; если исключить признак 'летает', описание окажется приложимым к названию любого млекопитающего. С другой стороны, эти два признака, взятые вместе, по счастливому (для лексикографов) стечению обстоятельств оказываются достаточными для упрощенного описания значения слова *bat*, поскольку этим словом называют представителей отряда млекопитающих, которые могут перемещаться по воздуху подобно птицам (а не прыгая с дерева на дерево, как белки). Поэтому любые иные признаки для словарной дефиниции лексемы *bat* оказываются избыточными, на что и указывает далее в своей статье Ю. Найда: «Если же мы определяем *bat*, вслед за некоторыми словарями, как 'летающее млекопитающее с видоизмененными передними конечностями, которые служат в качестве крыльев и которые покрыты мембранами, простирающимися до задних конечностей', то... такая информация о передних конечностях и мембранной ткани передает важные энциклопедические сведения, но она выходит за рамки компонентов, необходимых и достаточных для дефиниции. Такие описания полезны, но они содержат больше, чем просто значение слова *bat*» [10. С. 66].

В парадигме структурализма эти соображения оказываются вполне последовательными, они демонстрируют процедуру разложения целого (лексического значения) на конечный набор дескриптивных признаков. Однако с точки зрения когнитивной лингвистики, ориентированной на процессы распознавания, запоминания, идентификации, категоризации и др., выделение дескриптивных признаков у подоб-

ных объектов связано прежде всего с чувственным, перцептивным опытом человека, а фрагменты этого опыта далеко не всегда можно представить в вербальных формах. Поэтому для словарного описания номинации слона или летучей мыши в большей мере подходит комбинация вербальной и остенсивной дефиниции – картинки, на которой схематично изображен объект толкования.

Анализ приведенных выше определений лексем, называющих деревья, позволяет увидеть еще один важный аспект проблемы дефиниции. Можно ли считать, что отмеченный разноречивой в их описании, включение разнородных признаков является недостатком толкований? Следует ли строить на основе избранных признаков некие обобщенные схемы-матрицы и наполнять их конкретным содержанием? Рассмотренные дефиниции названий деревьев ясно показывают, что даже в пределах тематических групп построение минимального набора дескриптивных признаков оказывается неразрешимой задачей. Вместе с тем целью лексикографа является построение удовлетворительных словарных дефиниций. Как же решается эта задача? Очевидно, условия необходимости и достаточности признаков объекта в практической лексикографии заменяются на условия релевантности, т.е. существенности, коммуникативной выделенности признака для носителя лингвокультурного сознания.

Таким образом, в словарных определениях можно обнаружить практическое отражение того понимания лексического значения, которое представлено у исследователей когнитивного и психолингвистического направлений в лингвистике. В частности, А.А. Залевская отмечает, что «перенесение в фокус внимания специфики значения как достояния индивида потребовало пересмотра логико-рационалистической трактовки значения, ставшей привычной и устойчивой традицией» [11. С. 215]. Психолингвистика акцентирует внимание на подходе к лексическому значению как феномену человеческой психики, при котором поиски составляющих плана содержания слова обращены прежде всего к формам и способам отражения действительности в сознании носителей языка. З.Д. Попова и И.А. Стернин подчеркивают непосредственную связь между лексическим значением и концептуальной структурой, с одной стороны, и коммуникативными практиками языкового коллектива – с другой: «Значение... это общеизвестная и коммуникативно релевантная часть концепта, выступающая в виде стороны языкового знака в актах коммуникации»

[8. С. 36]. В последние десятилетия активно обсуждается понятие «психологическая структура значения слова», разрабатываются и применяются различные экспериментальные методики, направленные на ее обнаружение и объяснение. «Экспериментальными исследованиями установлено, – отмечает А.А. Залевская, – что широкий круг увязываемых с каждым словом признаков меняется в непрерывном диапазоне от исключительно важного в каком-то отношении до тривиального» [11. С. 219].

Интерпретация лексического значения через понятия коммуникативно релевантной части концепта природно позволяет перейти к новому, обусловленному коммуникативными аспектами речи и психической деятельностью индивида, пониманию словарного толкования лексического значения: не всякая дефиниция – это жесткий набор необходимых и достаточных признаков денотата, многие дефиниции вполне допустимо строить из признаков, релевантных для носителей лингво-культурного опыта.

Именно это явление – отражение в толковании релевантных признаков денотата – и демонстрируют словарные толкования названий деревьев из АСРЯ (несмотря на то что создатели словаря декларируют свою приверженность описанию через набор необходимых и достаточных признаков): в эти толкования включены те характеристики реалий, которые чаще всего оказываются в фокусе внимания человека. Для березы это, конечно, особенная белая кора, которая помогает безошибочно узнать это дерево, причем в любую пору года. Для вербы таким выделенным признаком оказывается внешний вид почек, которые отличаются от почек других деревьев не столько цветом, сколько своим размером ('величиной с ноготь ребенка'). *Слон* определяется у В.И. Даля через признак 'огромный', потому что именно размеры этого животного поражают воображение человека; в определении *зебры* обязательно включается признак 'черные и белые полосы на теле'; в толковании значения слова *соловей* указывается на его свойство издавать приятные для человеческого уха звуки: 'буро-серая птичка сем. дроздовых, отличающаяся красивым пением' [ОШ].

Приведем еще несколько показательных иллюстраций. В одном из словарей английского языка толкование имени травянистого растения мари содержит лишь один дескриптивный признак – неприятный запах: *goosefoot* 'a plant of family Chenopodiaceae, esp. a member of genus *Chenopodium*, smelling strongly of bad fish' ('растение семейства маре-

вых, особенно рода мар, с очень сильным запахом тухлой рыбы' [WID. P. 411–412]. В словарное описание лексемы *груша*, как правило, входит признак 'особой формы: шире внизу и у'же вверх', см. *груша* 'плод [дерева груши], имеющий форму округлого конуса' [MAC. T. 1. C. 353], *pear* 'a sweet juicy fruit that has a round base and is thinner near the top' ('сладкий сочный фрукт, который имеет круглое основание и тоньше в верхней части') [LDCE]. Эти релевантные признаки, по большей части перцептивные (зрительные, слуховые, реже одоративные, тактильные и вкусовые), отражают особенности коллективного восприятия класса денотатов; эти же признаки могут легко становиться основанием для метафорических сдвигов в значении слова, принимать участие в различных процессах вторичной номинации.

Понимание значения слова как коммуникативно релевантной части концепта поднимает важный вопрос о методах, позволяющих выделить в нем коммуникативно значимые признаки. Как отмечают многие психолингвисты, наилучшие результаты дают различные экспериментальные методики и приемы, в частности ассоциативные эксперименты, см., например, недавнюю работу А.В. Рудаковой и И.А. Стернина [12], а также анализ текстов. В статье М.В. Жуйковой [13] для определения релевантных признаков яблока используется информация о сочетаемости соответствующей лексемы в художественной прозе (привлекается обширный материал из национальных корпусов английского и украинского языков). В результате сравнения полученных наборов признаков и тех характеристик яблока, которые включаются в дефиниции английской лексемы *apple*, оказалось, что лексикографы-практики, формируя толкование, интуитивно отражают в нем именно те признаки, которые обнаружены как релевантные путем анализа употреблений этого слова в художественных текстах. Это означает, что «наивные», ненаучные словарные дефиниции действительно коррелируют со структурами сознания и наряду с иными языковыми явлениями могут рассматриваться как отражение когнитивной деятельности человека, направленной на выявление существенных признаков объекта.

Важно также подчеркнуть, что релевантность признаков, используемых в толковании, определяется не только их броскостью, визуальным или иным чувственным впечатлением, но и их ролью в культуре, в текстах, которые созданы на определенном языке и передаются во времени, обеспечивая преемственность культурной традиции.

Эти признаки сами по себе могут оказываться как бы свернутыми текстами, символами, имеющими потенцию к разворачиванию.

Иначе говоря, выбор некоторых признаков, на первый взгляд, весьма случайный (зачем вводить в определение профиль 'почка', если сами почки быстро превращаются в цветы и исчезают?), может быть мотивирован очень важными для культурной традиции факторами. Например, вербовые веточки без листьев, но с большими выразительными почками являются атрибутом Вербного воскресенья, их освящают в церкви, часто изображают как декоративный элемент на праздничных поздравлениях и т.д. Остальные части вербы (ствол, листья, древесина, плоды) не нагружены культурными смыслами в той же степени, что и почки, поэтому они оказываются вне дефиниции.

В словарных толкованиях нередко появляются такие характеристики реалий, которые не играют никакой роли с точки зрения их дифференциальной силы, не относятся ни к необходимому, ни к достаточному; такие признаки тяготеют к энциклопедической информации. Их включение в толкования мотивируется только фактором культурной значимости, осмыслением денотата в коллективных культурных практиках. Например, один из словарей английского языка дает такую дефиницию для слова *salamander*: 'lizard-like animal once supposed to be capable of living in fire' ('похожее на ящерицу животное, которое когда-то считалось способным жить в огне') [OALDCE. P. 1117]; в словаре украинского языка слово *лобода* толкуется как 'найпоширеніший бур'ян, що засмічує посівні та городні культури; листя деяких видів цієї рослини вживають у їжу, як шпинат, салат тощо' ('наиболее распространенный бурьян, засоряющий посевные и огородные культуры; листья некоторых видов этого растения используют в пищу, как шпинат, салат и др.') [СУМ. Т. 4. С. 536]. Понятно, что признаки 'засорять посевы культурных растений' и 'использоваться в пищу' совершенно не важны для идентификации лебеды как растения и отражают исключительно особенности восприятия ее человеком; если бы массовое сознание владело информацией про то, что лебеда имеет лекарственные свойства, этот признак тоже получил бы шансы попасть в состав какой-нибудь дефиниции.

Обращает на себя внимание одна важная тенденция, непосредственно связанная с культурной релевантностью признаков, включенных в описание: чем глубже объект входит в определенную национальную культуру, тем меньше дескриптивных признаков привлека-

ют лексикографы для описания его номинации. И наоборот: если объект известен слабо, соответствующее толкование наполняется его разнообразными признаками. Эта тенденция реализуется не во всех толковых словарях и не во всех группах лексики, однако ее проявления оказываются очень выразительными. Так, выше отмечалось, что при толковании слова *бук* в АСРЯ использовано двенадцать дескриптивных признаков, тогда как в описании лексемы *береза* в том же словаре таких признаков только восемь. Бук, очевидно, известен среднему носителю русского языка хуже, чем береза. Среди лексем в тематической группе «деревья» отметим также следующие толкования с минимизированным набором дескриптивных признаков: *клен* 'дерево с широкими резными листьями' [БАС. Т. 5. Стб. 1014]; *сосна* 'вечнозеленое хвойное дерево с небольшими шишками' [МАС. Т. 4. С. 206]; *quercia* 'alto albero che produce ghiande' ('дуб – высокое дерево, дающее желуди') [DFLI. P. 786]; *oak* 'a large tree that is common in northern countries' ('дуб – большое дерево, которое распространено в северных странах') [LDCE]. Все названные этими словами деревья растут там, где в течение многих веков обитают европейцы, поэтому соответствующие концепты прочно вошли в целостный образ мира, получив отражение в системных связях с другим концептами, обогатившись культурными смыслами. Неудивительно, что в таких случаях более подробное словарное описание кажется составителям словаря излишним.

Интересные проявления тенденции к минимизации толкования прослеживаются в «Словаре Академии Российской», где именная конкретная лексика описывается в целом весьма подробно (особенно это относится к словам из групп флоры и фауны). В толкованиях некоторых имен привычных для говорящих объектов используется маркер «всем известное», а словарное описание при этом существенно сокращается. См., например, толкования слов *лошадь* и *кот*: 'конь; животное четвероногое всем известное, подъяремное, имеющее твердые нераздельные копыта; употребляемое как для верховой езды, так и в упряжке и для перевозу тяжестей' [САР. Стб. 612]; 'хищное животное, всем известное, содержащее в домах для истребления мышей' [САР. Стб. 355].

Таким образом, изучение словарных дефиниций конкретной именной лексики (названий некоторых растений и животных) в словарях разных языков свидетельствует, что среди множества толкований то-

го же слова (и его переводных эквивалентов) практически отсутствуют одинаковые по набору дескриптивных признаков описания. На первый взгляд, это явление можно объяснять задачами конкретного словаря, его ориентацией на определенную аудиторию, объемом, характером его носителя (бумажный или электронный) и другими паралингвальными причинами. Однако подобные объяснения не всегда коррелируют с конкретными лексикографическими фактами. Если же посмотреть глубже, то окажется, что единственный принцип описания, который мог бы обеспечить тождественность или по крайней мере сходство дефиниций, – это их построение из конечного набора необходимых и достаточных признаков реалии; именно присутствие такого набора в разных словарях должно придавать толкованию дифференциальную силу. Однако оказывается, что применение этого принципа ко многим единицам лексикона невозможно: имена большинства биологических объектов (животных, растений, плодов, грибов и т.д.) относятся к стохастической лексике, которая не может быть описана через минимальный набор различительных признаков в силу особенностей содержательного наполнения соответствующих концептов. Большинство дескриптивных признаков, используемых в словарных толкованиях имен таких реалий, не имеют обязательного характера и не могут в совокупности служить для идентификации объекта, обозначенного словом.

Удивительно, что еще задолго до того, как в теоретической лингвистике появилось понимание значения слова как психологической реальности, как «достояния индивида» (А.А. Залевская), практическая лексикография выработала подходы к словарному описанию, опирающиеся на релевантные, значимые признаки реалий. Таким образом, лексикографическая практика опровергает традиционный логикорационалистический подход к лексическому значению и его толкованию, конструируя неточные, неполные, часто даже нелогичные дефиниции, которые, тем не менее, оказываются приемлемыми для носителей языка.

Литература

1. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды : в 2 т. М. : Языки русской культуры, 1995. Т. 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка). 464 с.
2. *Уфимцева А.А.* Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. Изд. стереотип. М. : URSS, 2020. 240 с.

3. Песина С.А. Слово в когнитивном аспекте. М. : Флинта : Наука, 2011. 344 с.
4. Бендикс Э.Г. Эмпирическая база семантического описания // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1983. Вып. XIV. С. 75–107.
5. Апресян Ю.Д. Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // Апресян Ю.Д. Избранные труды. М. : Школа «Языки славянских культур», 1995. Т. 2. С. 503–537.
6. Апресян Ю.Д. Об Активном словаре русского языка // Активный словарь русского языка. М. : Языки славянской культуры, 2014. Т. 1. С. 6–37.
7. Taylor J.R. Linguistic categorization. Oxford : Oxford University Press, 1995. 312 p.
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания). М. : URSS, Книжный дом «Либроком», 2011. 172 с.
9. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М. : Высшая школа, 1988. 168 с.
10. Найда Ю.А. Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1983. Вып. XIV. С. 61–84.
11. Залевская А.А. Значение слова и возможности его описания // Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. М. : Гнозис, 2005. С. 215–233.
12. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистический эксперимент и описание семантики слова // Вопросы психолингвистики. 2016. № 1 (27). С. 194–208.
13. Жуйкова М.В. Структура словникової дефініції в аспекті антропоцентризму // East European Journal of Psycholinguistics. 2015. Vol. 2, № 2. С. 48–54.

Словари

- АСРЯ* – Активный словарь русского языка / отв. ред. акад. Ю.Д. Апресян. М. : Языки славянской культуры, 2014. Т. 1, 2.
- БАС* – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В.И. Чернышева. Л. : АН СССР, 1950–1965.
- МАС* – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1981–1984.
- НООСРЯ* – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. Москва ; Вена : Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. 1488 с.
- ОШ* – Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 2010. URL: <http://ozhegov.textologia.ru/> (дата обращения: 21.06.2020).
- САР* – Словарь Академии Российской : в 6 ч. СПб., 1814. Ч. 3. 722 с.
- СУМ* – Словник української мови : в 11 т. / за ред. І.К. Білодіда. Київ : Наукова думка, 1970–1980. URL: <http://sum.in.ua> (дата обращения: 21.06.2020).
- CCALD* – Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 21.06.2020).

CED – The Collins English Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 21.06.2020).

DFLI – Dizionario fondamentale della lingua italiana. Istituto geografico De Agostini, S.p.A., Novara, 1999. 1100 p.

DUW – Duden. Deutsches Universal Wörterbuch. Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1996.

GWD – Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. URL: www.TheFreeDictionary.com (дата обращения: 21.06.2020).

LDCE – The Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com> (21.06.2020).

NZ – Vocabolario della lingua italiana di Nicola Zingarelli. Decima edizione. Bologna, 1973. 1236 p.

OALDCE – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Fourth Edition. A.S Hornby. New York : Oxford University Press Inc., 1989. 1579 p.

SJP – Słownik języka polskiego pod red. W. Doroszewskiego. URL: <http://sjp.pwn.pl/doroszewski/lista> (дата обращения: 21.06.2020).

WD – Webster's New World College Dictionary. Fourth Edition. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 21.06.2020).

WID – The Webster's Third New International Dictionary of the English Language, Unabridged. A. Merriam-Webster / I. Gove, Philip Babcock. Massachusetts, Springfield : Merriam-Webster Inc., 1986. 2662 p.

On the Problem of Constructing Definitions of Specific Nominal Lexis (Flora and Fauna)

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 19, pp. 52–74. DOI: 10.17223/22274200/19/3

Marharyta V. Zhuikova, Alina I. Yodlovska, Lesya Ukrainka Volyn National University (Luts'k, Ukraine). E-mail: mzhujkova@ukr.net / Alino4ka02.03@ukr.net

Keywords: lexical meaning, definition, stochastism, psycholinguistic meaning, relevant feature.

The article discusses two approaches to the dictionary interpretation of specific nominal vocabulary, i.e. logical-rationalistic and psychological. In the traditional approach to the construction of interpretations, which is consistent with the scientific paradigm of structuralism, it is believed that the definition should include only those semantic components that ensure the delimitation of this meaning from the meaning of all other units of the language (E. Bendix); this requirement is fulfilled by creating a definition from a set of necessary and sufficient features. The aim of this article is to find out whether it is possible to construct definitions based on these requirements for groups of specific vocabulary related to flora and fauna, as well as to identify other approaches to the dictionary description of meanings of words of this group. The research material is an array of definitions from 17 explanatory dictionaries of Russian, Ukrainian, Polish, Italian, English, and German. The main research method is semantic and comparative analysis of dictionary definitions. The research has revealed that the interpretation of lexis denoting flora and fauna rarely meet the declared requirements.

For example, in the twelve considered definitions of the word *linden* and its equivalents in other languages, nineteen semantic components are used in total, and their number in different dictionaries ranges from three to eight. None of the interpretations provide an unmistakable recognition of this word and contain a set of necessary and sufficient features. The reason for this phenomenon is due to the fact that names of most biological objects refer to stochastic lexis, which cannot be described through a set of distinguishing features due to the peculiarities of the content of the corresponding concepts. One can find a different approach to the definition of names from flora and fauna groups in practical lexicography. The authors of dictionary definitions rely on the most significant, relevant features of the class of realias, i.e. form an interpretation of those characteristics that often fall into the focus of attention of the ordinary native speaker. In many cases the definition includes those signs of realias that are significant for the national cultural tradition. Thus, in constructing definitions of specific lexis from the group of *biological objects*, practical lexicography is based on a psychological, rather than logical-rationalistic, approach to the dictionary definition, which is consistent with the new cognitive paradigm in linguistics.

References

1. Apresyan, Yu.D. (1995) *Izbrannye trudy: v 2 t.* [Selected Works: In 2 Volumes]. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
2. Ufimtseva, A.A. (2020) *Leksicheskoe znachenie. Printsip semiologicheskogo opisaniya leksiki* [Lexical Meaning. The Principle of Semiological Description of Vocabulary]. Moscow: URSS.
3. Pesina, S.A. (2011) *Slovo v kognitivnom aspekte* [The word in a cognitive aspect]. Moscow: Flinta: Nauka.
4. Bendix, E.G. (1983) *Empiricheskaya baza semanticheskogo opisaniya* [Empirical Basis of Semantic Description]. Translated from English. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Vol. 14. Moscow: Progress. pp. 75–107.
5. Apresyan, Yu.D. (1995) *Izbrannye trudy: v 2 t.* [Selected Works: In 2 Volumes]. Vol. 2. Moscow: Shkola "Yazyki slavyanskikh kul'tur". pp. 503–537.
6. Apresyan, Yu.D. (2014) *Ob Aktivnom slovare russkogo yazyka* [On the Active Dictionary of the Russian Language]. In: Apresyan, Yu.D. (ed.) *Aktivnyy slovar' russkogo yazyka* [The Active Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 6–37.
7. Taylor, J.R. (1995) *Linguistic categorization*. Oxford: Oxford University Press.
8. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2011) *Leksicheskaya sistema yazyka (vmutrennyaya organizatsiya, kategorial'nyy apparat i priemy opisaniya)* [The Lexical System of the Language (Internal Organization, Categories and Methods of Description)]. Moscow: URSS, Knizhnyy dom "Librokom".
9. Nikitin, M.V. (1988) *Osnovy lingvisticheskoy teorii znacheniya* [Foundations of the Linguistic Theory of Meaning]. Moscow: Vysshaya shkola.
10. Nayda, Yu.A. (1983) *Protsedury analiza komponentnoy struktury referentsionnogo znacheniya* [Procedures for the Analysis of the Component Structure of Referential Meaning]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Vol. 14. Moscow: Progress. pp. 61–84.

11. Zalevskaya, A.A. (2005) *Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst* [Psycholinguistic Research. Word. Text]. Moscow: Gnozis. pp. 215–233.
12. Sternin, I.A. & Rudakova, A.V. (2016) Psycholinguistic Experiment and Description of Word Semantics. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*. 1 (27). pp. 194–208. (In Russian).
13. Zhuykova, M.V. (2015) Structure of a Dictionary Definition in Terms of Anthropocentrism. *East European Journal of Psycholinguistics*. 2 (2). pp. 48–54. (In Ukrainian).

Dictionaries

- Apresyan, Yu.D. (ed.) (2014) *Aktivnyy slovar' russkogo yazyka* [The Active Dictionary of the Russian Language]. Vols 1–2. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Chernyshev, V.I. (ed.) (1950–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the Modern Russian Standard Language: In 17 Volumes]. Moscow: USSR AS.
- Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: In 4 Volumes]. 2nd ed. Moscow: Rus. yaz.
- Apresyan, Yu.D. (ed.) (2004) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. 2nd ed. Moscow; Vienna: Yazyki slavyanskoy kul'tury; Vienna Slavic Almanac.
- Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2010) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. [Online] Available from: <http://ozhegov.textologia.ru/> (Accessed: 21.06.2020).
- Imperial Academy of Sciences. (1814) *Slovar' Akademii Rossiyskoy: v 6 ch.* [Dictionary of the Russian Academy: In 6 Parts]. Part 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
- Bilodid, I.K. (ed) (1970–1980) *Slovyk ukrayinskoyi movy: v 11 t.* [Dictionary of the Ukrainian Language: In 11 Vols. Kyiv: Naukova dumka. [Online] Available from: <http://sum.in.ua> (Accessed: 21.06.2020).
- Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.collinsdictionary.com> (Accessed: 21.06.2020).
- The Collins English Dictionary*. [Online] Available from: <http://www.collinsdictionary.com> (Accessed: 21.06.2020).
- Dizionario fondamentale della lingua italiana*. (1999) Istituto geografico De Agostini, S.p.A., Novara.
- Duden. (1996) *Deutsches Universal Wörterbuch*. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag.
- Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache*. [Online] Available from: www.TheFreeDictionary.com (Accessed: 21.06.2020).
- The Longman Dictionary of Contemporary English*. [Online] Available from: <http://www.ldoceonline.com> (21.06.2020).
- Zingarelli, N. (1970) *Vocabolario della lingua italiana di Nicola Zingarelli*. Decima edizione. Bologna: Zanichelli.
- Hornby, A.S. (1989) *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Fourth Edition. New York: Oxford University Press Inc.

Doroszewski, W. (ed.) (n.d.) *Słownik języka polskiego pod red. W. Doroszewskiego*. [Online] Available from: <http://sjp.pwn.pl/doroszewski/lista> (Accessed: 21.06.2020).

Webster's New World College Dictionary. Fourth Edition. [Online] Available from: <https://www.collinsdictionary.com> (Accessed: 21.06.2020).

Merriam-Webster, A., Gove, I. & Babcock, Ph. (1986) *The Webster's Third New International Dictionary of the English Language*. Unabridged. Springfield, Massachusetts: Merriam-Webster Inc.

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

УДК 81'374

DOI: 10.17223/22274200/19/4

Е.В. Литус

ПРОЕКТ КОНТРАСТИВНОГО СЛОВАРЯ НАРОДНЫХ ПЕСЕН КАЗАКОВ КУБАНИ¹

Рассматриваются проблемы контрастивной лексикографии, ставящей цель описать лексические единицы одного языка на фоне лексических соответствий другого языка. Излагается концепция контрастивного словаря народных песен казаков Кубани, при составлении которого учитывается природа песенного фольклора кубанского казачества и специфика мировидения субэтноса. Обосновываются основные положения словаря: база исследования, общая структура, словник и структура словарной статьи.

Ключевые слова: контрастивный словарь, концепция словаря, фольклорная лексикография, язык фольклора Кубани.

В рамках сопоставительной лингвистики выделилось особое направление – контрастивное, ставящее цель описать лексические единицы одного языка на фоне лексических соответствий другого языка. Главное отличие этого направления от собственно сопоставительных исследований определил И.А. Стернин: «...сопоставительная лингвистика изучает одноименные явления или подсистемы в разных языках, контрастивная лингвистика изучает отдельные явления и единицы родного языка в сопоставлении со всеми возможными средствами передачи их в изучаемом языке» [1. С. 390], и далее: «Контрастивные исследования выявляют прежде всего национальную специфику семантики сравниваемых единиц двух языков, то есть то, что более всего необходимо при изучении языка, переводе и межкультурной коммуникации» [1. С. 393].

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ и Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края (проект № 18-412-230003а(р) «Контрастивный словарь языка народных песен Кубани (в контексте русской и украинской народных традиций)»).

Н.А. Иванцова, Е.Д. Лазицкая, Т.А. Чубур, Л.В. Лукина, М.А. Стернина вслед за И.А. Стерниным отмечают большие возможности применения словарей, созданных в рамках контрастивного направления лингвистики, в первую очередь для переводчиков и в практике преподавания иностранных языков [2–4]. Особую актуальность такого рода исследования приобрели в последние десятилетия, когда стремительно растет число межязыковых контактов и проблема эффективной коммуникации определяет необходимость изучения национально-культурной специфики изучаемого языка.

Так, первые попытки описания структуры словарной статьи, требующей использования результатов посемного компонентного анализа, примеров составления контрастивных словарей, описание методологии контрастивно-параметрического анализа содержатся в работах И.А. Стернина [1], Т.А. Чубур [3], Н.М. Черепковой [5], М.А. Стерниной [6] и др. Одновременно исследователи Л.И. Зимина и Т.А. Чубур отмечают возможное применение таких словарей для выявления общего и особенного в национальном восприятии смыслов слов [7, 8]. В то же время приходится констатировать, что «учебно-методическая» направленность этих словарей определяет, в первую очередь, выбор материала для исследования – только активная лексика наиболее распространенных языков (английский, немецкий, французский, реже – турецкий, вьетнамский).

Очевидно, что контрастивное направление позволяет изучить лингвокультурную составляющую языковой картины мира одного народа в сопоставлении, а контрастивный словарь дает возможность описать выявленные особенности. Если отвлечься от идеи создания контрастивного словаря как учебного и основные положения его рассмотреть в разрезе лингвокультурологии, то открываются широкие перспективы применения контрастивного словаря как формы сжатого представления лингвокультурной информации. Такой подход позволит значительно расширить границы поиска и откроет большие эвристические возможности для исследования не только отдельных национально-маркированных языковых единиц, фрагментов национальной языковой картины мира, но и идиолектов, речевых особенностей авторских текстов, языкового своеобразия литературных жанров, литературных традиций отдельных эпох и др. В этом контексте особое значение приобретает исследование фольклорных текстов и их лексикографическая обработка.

Традиционная культура обладает огромным ценностным потенциалом, «фольклорные традиции являются своеобразной системой ценностей, где сконцентрированы мировоззренческие представления о мире, нравственные эталоны и нормы поведения человека, этнические черты и характер народа» [9. С. 105]. Опыт составления первых контрастивных словарей фольклорных текстов представлен в работах ученых курской лингвофольклористической школы А.Т. Хроленко [10], М.А. Бобуновой [11], А.М. Бобунова [12].

Однако этот опыт составления контрастивных словарей не может быть применен в полной мере к языку кубанского фольклора, где сложным образом перемешаны русские и украинские языковые народные традиции.

В статье сделана попытка описать проект принципиально нового типа контрастивного словаря. Этот словарь должен продемонстрировать двуязыковую природу песенного фольклора кубанского казачества в контексте русской и украинской народных речевых традиций, учесть специфику лексики народных песен, стать базой для выявления этнолингвистических и этнопсихологических особенностей кубанского казачества – субэтноса, сформировавшего за три столетия свою особую традиционную культуру. Надеемся, что создание словаря будет способствовать развитию лексикографической науки в регионе, возрождению народных песенных традиций на Кубани, сохранению самобытного языка кубанского казачества. Это также обуславливает актуальность исследования.

Цель статьи – обосновать концепцию контрастивного словаря языка народной песенной культуры кубанского казачества, построенного на контрасте кубанской речевой культуры и русской и украинской народных речевых традиций. Для разработки структуры словаря и описания его основных положений необходимо определить специфику языка кубанского фольклора.

Язык кубанского фольклора. Специфика заселения кубанской территории обуславливает необходимость обоснования особого подхода к строению создаваемого контрастивного словаря. Большая часть современных казачьих поселений Кубани возникла в конце XVIII и в течение XIX вв. при освоении новых земель. Черноморские станицы (северная и северозападная часть края) заселялись в основном украинским населением, а линейные станицы (восток и юго-восток края) – русским населением.

Созданные до настоящего времени контрастивные словари являлись двуязычными, применительно к кубанскому фольклору такой подход, как нам представляется, будет недостаточно информативен, так как сам язык кубанского фольклора представлен двумя вариантами – язык линейных казаков и язык черноморских казаков. Эти особенности языка, несомненно, отражают специфику казачьей культуры – сложнейшего системного явления, где все блоки и компоненты взаимосвязаны друг с другом. Образ жизни линейцев и черноморцев был принципиально различен, первые были переселены на Линию исключительно для военных целей, вторые – для обживания территории и мирного устройства своего быта. Особенности жизненного уклада казаков формируют качественно разное отношение к быту и военным действиям, что полностью воспринял фольклор: лирические песни линейцев по сути – песни-воспоминания, для черноморских же казаков в прошлом остались военные подвиги и сражения, настало время для личного счастья. Указанные различия обусловили специфику языковой картины мира кубанского казачества, отраженной в песнях линейных и черноморских казаков Кубани.

В то же время отмечаем, что язык кубанского казачества является диалектным образованием, поскольку сохраняет черты языка-основы. Так, вариант языка линейных казаков имеет русскоязычную основу, в то время как язык черноморских казаков – украиноязычную. Если же мы ставим цель выявить лингвокультурную специфику, тогда анализ этих вариантов уместно проводить в сопоставлении с языками, являвшимися основой для их формирования.

Следовательно, контрастивный анализ каждой лексемы должен выстраиваться в два блока в зависимости от базы исследования: русскоязычные песни (песни линейных казаков Кубани и русские народные песни), украиноязычные песни (песни черноморских казаков Кубани и украинские народные песни).

База исследования. Вопрос о базе исследования требует обоснования. В отношении песен кубанских казаков решение очевидно – наиболее полными изданиями кубанских песен являются сборники народных песен казаков Кубани, собранных в начале XX в. А.Д. Бигдаем «Песни Кубанских казаков» (в двух томах «Песни черноморских казаков» [13] и «Песни линейных казаков» [14]) и Г.М. Концевичем «Народные песни казаков. Из репертуара Кубанского войскового певческого хора» [15], также разделившим издание на

выпуски песен черноморских казаков (украиноязычные песни) и линейных (рускоязычные песни). Творческое переиздание сборников подготовил художественный руководитель Кубанского казачьего хора, лауреат Государственной премии, народный артист России, профессор В.Г. Захарченко.

Сопоставление словоупотреблений лексем русскоязычных песен кубанских казаков проводится с южнорусскими песнями, что делает корректным такое сопоставление. Для исследования мы воспользовались конкордансом русской народной песни, подготовленным курскими исследователями М.А. Бобуновой и А.Т. Хроленко [16]. В данный конкорданс вошли песни, записанные в Курской губернии в XIX в. и включенные в семитомный свод «Великорусских народных песен» (т. 2–6) А.И. Соболевского.

Украиноязычные песни черноморских казаков Кубани будем сопоставлять с украинскими народными песнями. Для анализа отобран сборник «Українські народні пісні. Родинно-побутова лірика», так как он является наиболее полным, включает 904 песни, в том числе варианты [17].

Общая структура. Идея контрастивного описания единиц языка привела к поиску способов представления словарной информации. В данном случае алфавитный подход к макроструктуре словаря (размещение слов в словаре в начально-алфавитном порядке) не решает задач контрастивного анализа, не даст полного представления об анализируемых явлениях. Этой цели в большей степени служит идеографический словарь, где слова размещаются по их семантической близости. Наши знания о мире тематически организованы, объективная картина человеческого бытия складывается из взаимосвязанных понятий, репрезентирующих знания о мире. Тематическая разновидность идеографического словаря наиболее полно отражает тот или иной фрагмент языковой картины мира, что позволяет изучить место отдельных языковых единиц в таксоне (группе лексем, объединенных по близости значения), их взаимосвязи внутри семантических полей и др.

Проведенный доминантный анализ частотных лексем выявил значительное преобладание лексем с семой 'человек'. Это предопределило выбор не только фрагмента фольклорно-языковой картины мира для лексикографического описания – «Мир человека», но и название разделов словаря: «Общие наименования человека», «Наименования человека по возрасту», «Наименования человека по полу», «Наимено-

вания человека по родственным отношениям (термины родства)», «Характеристика внешности (общие наименования, соматизмы, одежда и др.)» и др. В процессе составления словаря названия этих разделов корректировались. Так, например, задуманная в начале исследования подгруппа «Наименования человека по половому признаку (гендерный аспект)» не может быть выделена самостоятельно, она неразрывно связана с другой подгруппой – «Наименования человека по возрасту», где возрастные характеристики (молодые люди / люди среднего возраста / пожилые люди) коррелируют с гендерными (женщина / мужчина): *девушка, баба, молодыця, бабушка и парень, молодец, дид*. Соответственно, группа была объединена в одну – «Наименования человека по возрасту и полу (гендерный аспект)». Исключены из словаря «Наименования человека по роду деятельности, профессии», «Наименования человека по национальности», так как лексемы, выявленные во всех четырех лексиконах, не контрастивны. Группа «Чувственно-эмоциональный мир человека» станет предметом отдельного выпуска словаря.

При отнесении лексем к той или иной подгруппе следует разграничивать лексемы, семантика которых не вызывает сомнений у исследователей, такие лексемы однозначно включаются в подгруппу, и лексемы, которые по смыслу могут быть отнесены к разным подгруппам. В этом случае перед составителями словаря стоит задача определения места этой лексемы – отнести к одной подгруппе или разграничить значения и отнести лексему к двум подгруппам в зависимости от семантики.

Пример: лексема *бабушка* в современном русском языке является термином родства, однако во всех анализируемых сборниках такое значение отсутствует, *бабушка* – это ‘пожилая женщина’, в связи с этим лексема отнесена в группу «Наименования человека по возрасту и полу»; лексема *баба* в русскоязычных текстах имеет значение ‘женщина’, в то время как в украиноязычных текстах употребляется и в другом значении – ‘замужняя женщина, жена’, но это значение единично, принято решение рассмотреть эту лексему также в группе «Наименование человека по возрасту и полу». Некоторые лексемы, контекст которых не позволил определить значение однозначно, были подвергнуты глубокому семантическому анализу. Например, в контексте «Бо вже така пора прыйшла, що ще й нэ бувало: Якый *дидько* нэ побье, то й пыши пропало» [13. С. 216] значение лексемы *дидько*

неявно выражено, определенно выявляется сема 'мужчина', указание же на родство в контексте отсутствует, поэтому и эту лексему отнесем к подгруппе «Наименования человека по возрасту и полу».

Каждая из подгрупп членится на частные группы в соответствии с логикой представления словарного материала. Так, например, подгруппа терминов родства представлена следующей структурой:

I. Общие понятия (*Род, Предки, Семья, Брак*).

II. Термины родства и брачных отношений, связанные кровными родственными связями (*Мать, Отец, Дочь, Сын, Дети, Сестра, Брат*).

III. Термины родства и брачных отношений, связанные с первичным браком (*Жена, Муж, Невестка, Зять, Теща, Свекровь, Свекор, Сваты, Золовка*).

IV. Термины родства и брачных отношений, связанные с вторичным браком (*Мачеха, Отчим, Падчерица*).

V. Термины родства и брачных отношений, связанные со смертью одного из супругов, родителей (*Вдова, Сирота*).

VI. Термины родства и брачных отношений, связанные с крещением (*Кума, Кум*).

Вопрос о выделении частных подгрупп в структуре тематических является, без сомнения, дискуссионным и может быть оспорен другими исследователями. Так, например, спорным является включение в эту структуру группы «Термины родства и брачных отношений, связанные с крещением», поскольку *кум* и *кума* не являются родственниками, однако в православной культуре этим людям отводится особая роль, они самые близкие люди после родителей, взявшие на себя обязанности заботиться о крестнике, учить его молитвам и праведной жизни. Крестная мать и крестный отец – духовные родственники, поэтому авторы словаря предлагают такое решение в пределах поставленных задач.

При разработке концепции словаря авторы отмечают сложность наиболее полного описания выбранного фрагмента фольклорно-языковой картины мира кубанского казачества, поскольку ограничены рядом факторов:

– народная песенная культура не дает абсолютно полного представления о культуре кубанского казачества, однако в песнях отражены мысли, желания народа, взаимоотношения людей, традиции, культурные ценности;

– собственно фольклорный текст имеет специфические черты, задача исследователей заключается в том, чтобы сохранить общее содержание текста и не утратить его особую метафоричность;

– лексикон словаря обусловлен жанрово-видовой спецификой песен в анализируемых сборниках; разнообразие видов песенной культуры (в анализируемые сборники включены и лирические, и обрядовые, и шуточные, и исторические песни) определяется содержанием сборников;

– сочетаемость лексем в фольклорных текстах обусловлена также ритмикой песенного текста (в контрастивном словаре должна сохраниться атмосфера напевности лирических песен и быстрота смены событий в исторических песнях, неожиданные юмористические обороты народной смеховой культуры и символичность обрядовой песни).

Словник. При обосновании объема словника контрастивного словаря коснемся лишь некоторых вопросов: в их числе вопрос о границах анализируемых лексиконов; проблема вариативности фольклорных текстов и решение ее в рамках задач контрастивного словаря; проблема лакуарности, выявившаяся в результате анализа актуализированных лексиконов.

Исследовательский материал контрастивного словаря ограничен рамками анализируемых сборников. Созданные на их основе актуализированные лексиконы содержат абсолютно все лексемы, встретившиеся в песенных текстах этих сборников. С помощью программы автоматизированного составления и обработки словников «Newslov3» проведено слияние словоформ в лексемы, разграничение омонимов, полисемантов, определение начальной формы слова и его частеречной принадлежности, таким образом, все словоупотребления этих лексем учитываются в рамках актуализированных лексиконов.

В то же время отметим, что по числу словоупотреблений лексем все актуализированные лексиконы неравнозначны: южнорусские песни – 16 392, песни линейных казаков – 30 590, черноморских – 53 820, украинские – 61 229. Такое расхождение объясняется объективными причинами: отсутствием других сборников народных песен казаков Кубани и южнорусских песен и наличием наиболее полного сборника украинских песен. В словарной практике для объективности сопоставления частотности в этом случае обычно вводится коэффициент. При обсуждении возможности введения коэффициента было определено, что на объективность данных это не окажет существенного вли-

яния: например, в курских песнях слово «брат» употребляется 5 раз, а «братец» – 18, в песнях линейных казаков «брат» встречается 21 раз, а «братец» – 119. Кроме того, для решения таких задач словаря, как выявление семантических связей слова, демонстрация семантических сдвигов в пределах анализируемых сборников, характеристика словообразовательных и грамматических особенностей анализируемых лексем, введение коэффициента нецелесообразно. Можно допустить, что за счет увеличения количества контекстов возможно расширение смыслового наполнения анализируемых слов. Но опыт составления словарных статей демонстрирует, что такое увеличение происходит редко, чаще всего повторяются выявленные ранее семы. Следует также отметить, что выбранные для анализа сборники песен являются достаточно полными, признанными в широких кругах общественности, а значит, релевантными для серьезных научных выводов.

Остается нерешенным вопрос вариативности песенного фольклорного текста. Наличие вариантов в фольклоре – это дань многовековому народному творчеству, когда исполнитель буквально «проживает» текст, внося свои элементы, вплетая их в общий контекст. Впоследствии варианты бытуют наравне с текстом-основой. Изучив научные труды фольклористов по проблеме вариативности, приняв во внимание, что основная цель контрастивного словаря – выявление национальной специфики лексем изучаемого языка на фоне эквивалентной лексики других языков, считаем, что тексты вариантов должны учитываться наравне с основными текстами.

В представленных сборниках песен не все лексемы подвергаются анализу и включаются в данный словарь. Ряд лексем встречается лишь в одном из сборников, также некоторые лексемы могут употребляться в разных лексических значениях, развивать другую семантику и др. Такие лексемы неконтрастивны, это своего рода лакуны. Однако назвать такие лексемы лакунами нельзя, отсутствие их в текстах песен ни в коей степени не свидетельствует об их отсутствии в языке и культуре. Речь идет скорее о языковом умалчивании лексем. Под лакунарностью мы понимаем случаи, когда концепт есть, а лексема для его вербализации отсутствует. Наличие лакун в речи – важнейший критерий для выявления ценностных представлений народа, что обуславливает интерес к ним исследователей при составлении словарей любого типа. Выявление и анализ лакун имеют принципиальное значение и для контрастивного словаря, в нашем случае –

близкородственных языков. Иначе как объяснить очевидную количественную асимметрию в употреблении лексемы *мать* / *маты*: в песнях Курской губернии встречается 14 раз, в песнях линейных казаков 53, черноморских казаков – 239, украинских – 365 раз. Наблюдаем также и другие типы асимметрии. Так, концептуальная асимметрия представлена в употреблении лексемы *мать* – в русскоязычных песнях, в украиноязычных песнях наряду с лексемой *мать* употребляется лексема *ненька* / *нэнька* (используется чаще для ласкового обращения к любящему и любимому человеку). Репертуарная асимметрия представлена чаще всего.

На наш взгляд, отсутствие лексем в микрогруппах свидетельствует скорее об ограниченности объемов анализируемых сборников: лексема *деверь* встречается 5 раз только в песнях Курской губернии, в других словниках нет; лексема *шурьяк* встретила 1 раз только в песнях линейных казаков Кубани. Культурная асимметрия практически не встречается, что объясняется близкородственными связями анализируемых языков. Тем не менее каждый такой случай заслуживает особого внимания: лексема *братец* только в песнях линейных казаков развивает сему ‘соратник; надежный, испытанный в боях товарищ’, употребляется при этом только в форме множественного числа; лексема *мужык* только в песнях черноморских казаков употребляется в значении ‘муж’. Представленные случаи асимметрии – результат первого начального этапа анализа. В рамках же контрастивного словаря эта проблема не может быть решена, она требует особого внимания и дополнительных исследований – наличие таких языковых умалчиваний может свидетельствовать об этнокультурных и этнопсихологических особенностях народа, его ценностных представлениях и национальных стереотипах.

Словарная статья. Все вышеизложенные положения контрастивного словаря потребовали разработки особой структуры словарной статьи – она должна наглядно отражать лингвистические особенности лексем: давать представление о лексической и морфологической парадигматике, словообразовательном гнезде (в пределах анализируемого лексикона), об их сочетаемостных свойствах (синтагматический аспект) и своеобразии употребления (функциональный аспект) в песнях кубанского казачества в сопоставлении с южнорусскими и украинскими песнями. В связи с этим нами была проанализирована структура словарной статьи фольклорного слова, разработанная кур-

скими лингвофольклористами [10, 11, 18], и предложена несколько другая концепция с учетом задач контрастивного словаря и особенностей кубанской лингвокультуры.

Структура словарной статьи:

База исследования.

I. Заглавное слово. Толкование лексемы (при необходимости, в случае развития нового лексического значения, устаревшей лексемы и др.). В данном выпуске этот пункт отсутствует, так как все значения лексем понятны.

II. Формы представления лексемы. В данный блок включаются лексемы, номинирующие анализируемое понятие, близкие по значению или тождественные семантически, но различающихся структурно, стилистически. В связи с этим в блок могут быть включены и однокоренные образования, и синонимы, и ассоциативы, и стилистические варианты, основной критерий объединения слов – семантический. В отношении терминов родства – это номинации и обращения: так, лексема *мать* в фольклорных текстах отличается разнообразием номинаций – *мамаша, матушка, матка, матинця, нянька* и др., все они наряду с лексемами *мама* и *маты* активно употребляются в обращениях. Отметим, что лексема *мать* в современном русском языке в обращениях не используется, в случае же такого употребления приобретает оценочную окраску «просторечное», «пренебрежительное».

III. Формы написания лексемы. Данный блок необходим, в первую очередь, применительно к кубанским фольклорным текстам, отличающимся большой фонетической и орфографической вариативностью лексем.

IV. Грамматические особенности. Народные песни отличаются значительным разнообразием грамматических форм.

V. Словообразовательные особенности. Включены все лексемы, объединенные словообразовательными связями в пределах лексикона сборников.

VI. Синтагматические связи: Эта часть словарной статьи отражает все связи лексемы¹ в анализируемом корпусе текстов [18].

¹ База статьи (корпус лексикографически представленных текстов); заглавное слово (количество словоупотреблений); ‘толкование’ (где это требуется); иллюстрация; ≈: варианты акцентные, морфемные и иные, включая диминутивы; S: связи с существительными; A: связи с прилагательными; V: связи с глаголами (V_s – связь с субъектом, V_o – связь с зависимыми существительными); Num: связи с числительными; Adv: связи с наречиями; +: дополнительная информация, комментарии.

Такая структура словарной статьи позволит исследователям этнокультуры Кубани не только описать языковые особенности анализируемой лексемы, отметить у эквивалентных лексем наличие качественной (культурной, концептуальной) асимметрии, но и выявить глубинные имплицитные смыслы, не выраженные явно, но отраженные в сочетаемостных свойствах слова, выйти на осмысление концепта, вербализованного анализируемой лексемой.

Опыт исследования контрастивного словаря народных песен кубанского казачества [19] и отражение в нем лингвокультурных особенностей продемонстрированы в публикациях, подготовленных в результате исследования. На примере анализа тематических групп «Термины родства» [20], «Внешность человека» [21], лексических средств номинации лиц женского и мужского пола и их атрибутивных характеристик [22, 23], отдельных лексем [24, 25] продемонстрированы возможности контрастивного словаря языка народных песен Кубани (в контексте русской и украинской народных традиций) для проведения кросскультурного исследования. Уникальные лексикографические особенности словарной статьи контрастивного словаря, ее наполнение, а также идеографический подход к размещению языкового материала в словаре позволили в рамках статей отобразить этнокультурное значение реалий в кубанской и в исходных для нее, южнорусской и украинской, фольклорно-языковых картинах мира.

Таким образом, обоснованная концепция контрастивного словаря народных песен Кубани способствует также решению ряда проблем современной лексикографии – изучению возможностей применения контрастивных словарей для исследования лингвокультуры изучаемых языков, более глубокому исследованию возможностей применения контрастивного подхода в фольклорной и авторской (писательской) лексикографии, а также проблем контрастивных исследований близкородственных языков и культур.

Литература

1. *Стернин И.А.* Контрастивная лексикология и лексикография / под ред. И.А. Стернина, Т.А. Чубур. Воронеж : Истоки, 2006. 341 с.
2. *Иванцова Н.А., Лазицкая Е.Д.* Особенности контрастивной лингвистики и ее практическое применение в обучении иностранным языкам // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 6 (77). С. 257–260.
3. *Чубур Т.А.* Контрастивная лексикология и лексикография в практике обучения иностранному языку // Русский язык за рубежом. 2010. № 3 (220). С. 63–71.

4. Лукина Л.В., Стернина М.А. Новые направления сопоставительной лексикографии // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2018. № 4 (40). С. 20–27.

5. Черепкова Н.М. Контрастивный двуязычный словарь: принципы подачи материала // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 2. С 74–76.

6. Стернина М.А. Первый контрастивный англо-русский словарь // Психолингвистика и лексикография : сб. науч. тр. Воронеж : Истоки, 2015. С. 212–214.

7. Зимина Л.И. Назначение и принципы создания контрастивного словаря безэквивалентной фразеологии // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1, № 4. С. 198–201.

8. Чубур Т.А. Неоднородность семантических компонентов в структуре значения слова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 106. С. 103–110.

9. Федотовская О.А. Фольклорные традиции : ценностный и педагогический потенциал // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 2. С. 105–109.

10. Хроленко А.Т. Фольклорная лексикография в лингвофольклористических исследованиях // Традиционная культура. 2014. № 3 (55). С. 165–170.

11. Бобунова М.А. Контрастивный словарь языка фольклора как особый жанр словаря // Фольклор в контексте современной культуры. Юдинские чтения – 2005 : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курск : Курский государственный университет, 2006. С. 37–40.

12. Бобунов А.М. Контрастивный словарь как база выявления этнокультурных особенностей // Традиционная культура. 2010. № 2 (38). С. 54–62.

13. Бигдай А.Д. Песни кубанских казаков : в 2 т. Краснодар : Книж. изд-во, 1992. Т. 1: Песни черноморских казаков. 430 с.

14. Бигдай А.Д. Песни кубанских казаков : в 2 т. Краснодар : Советская Кубань, 1995. Т. 2: Песни линейных казаков. 565 с.

15. Концевич Г.М. Народные песни казаков. Из репертуара Кубанского войскового певческого хора. Краснодар : ЭДВИ, 2001. 478 с.

16. Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Конкорданс русской народной песни: Песни Курской губернии. Курск : Изд-во Курского гос. ун-та, 2007. 258 с.

17. Українські народні пісні. Родинно-побутова лірика : в 2 ч. Київ : Дніпро, 1964. Ч. 1: Пісні про кохання. 585 с.

18. Бобунова М.А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические и практические результаты, перспективы. Курск : Изд-во Курского гос. ун-та, 2004. 240 с.

19. Контрастивный словарь народных песен казаков Кубани (в контексте русской и украинской народных традиций): Мир человека / Е.В. Литус, О.С. Финько, Е.Н. Девицкая, Н.Н. Фролова ; общ. ред., предисл. к словарю, концепция словаря Е.В. Литус. Славянск-на-Кубани : Филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, 2020. 250 с.

20. Литус Е.В. Отражение культуры казаков Кубани в русско- и украиноязычных народных песнях (на материале контрастивного словаря) // Педагогиче-

ский вуз в социокультурном и образовательном пространстве региона : сб. науч. тр. регион. науч.-практи. конф., посвящ. 25-летию филиала Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани : в 2 ч. Славянск-на-Кубани, 2020. Ч. 1. С. 117–124.

21. *Финько О.С.* Репрезентация внешности человека в кубанских, русских и украинских народных песнях // Педагогический вуз в социокультурном и образовательном пространстве региона : сб. науч. тр. регион. науч.-практи. конф., посвящ. 25-летию филиала Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани : в 2 ч. Славянск-на-Кубани, 2020. Ч. 1. С. 154–160.

22. *Девуцкая Е.Н.* Номинация человека по половой принадлежности в русском, кубанском и украинском песенном фольклоре: опыт составления контрастивного словаря // Педагогический вуз в социокультурном и образовательном пространстве региона : сб. науч. тр. регион. науч.-практи. конф., посвящ. 25-летию филиала Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани : в 2 ч. Славянск-на-Кубани, 2020. Ч. 1. С. 104–111.

23. *Девуцкая Е.Н.* Средства номинации и атрибутивная характеристика лиц мужского пола в русских, кубанских и украинских народных песнях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 2. С. 211–215.

24. *Литус Е.В.* Лексема *мать* в контрастивном словаре народных песен казаков Кубани (опыт составления словарной статьи) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 2. С. 188–193.

25. *Финько О.С.* Кросскультурный анализ лексемы *коса* в кубанских, русских и украинских народных песнях на материале контрастивного словаря // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 1. С. 320–323.

The Project of a Contrastive Dictionary of the Kuban Cossacks' Folk Songs

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 19, pp. 75–91. DOI: 10.17223/22274200/19/4

Elena V. Litus, Kuban State University (Slavyansk-on-Kuban, Russian Federation). E-mail: litus3@yandex.ru

Keywords: contrastive dictionary, concept of dictionary, folk lexicography, language of Kuban folklore.

The study is supported by the Russian Foundation for the Humanities and the Krasnodar Krai Ministry of Education, Science and Youth Policy, Project No. 18-412-230003a(p).

The aim of the article is to justify the concept of a contrastive dictionary of the language of Kuban Cossacks' folk song culture. This dictionary should demonstrate the bilingual nature of the Kuban Cossacks' song folklore in the context of Russian and Ukrainian folk speech traditions, and become the basis for identifying the ethnolinguistic and ethnopsychological features of the Kuban Cossacks – a subethnos that has formed its own special traditional culture for over three centuries. The contrastive analysis of each culturally significant lexeme is organized in two blocks depending on the research base: Russian-language songs (songs of the Kuban Line

Cossacks and Russian folk songs), Ukrainian-language songs (songs of the Kuban Black Sea Cossacks and Ukrainian folk songs). The article presents the concept of contrastive dictionary of the Kuban Cossacks' folk songs; its originality is determined by the peculiar forming conditions of the Kuban folklore language caused by the settlement history of the Kuban territory. The existing experience of compiling contrastive dictionaries cannot be fully applied to the language of Kuban folklore, in which Russian and Ukrainian language folk traditions are mixed in a complex way. The dictionary is based on the ideographic principle. The thematic approach fully reflects a particular fragment of the linguistic world-image and provides great opportunities to study the place of separate language units in this fragment. Due to the significance of the task, attention is focused on one thematic group – "Man's World". The structure of the dictionary entry of the developed dictionary reflects linguistic features of lexemes: it gives an idea of the lexical and morphological paradigmatics, family of words (within the analyzed lexicon), their co-occurrence properties (syntagmatic aspect), and the originality of use (functional aspect). Such a structure of the dictionary entry allows not only describing the linguistic features of the analyzed lexeme, noting the presence of qualitative (cultural, conceptual) asymmetry in equivalent lexemes, but also identifying the deep implicit meanings reflected in the co-occurrence properties of the word and understanding the concept verbalized by the analyzed lexeme. The justified concept of the contrastive dictionary of Kuban folk songs should contribute to the solution of many problems of modern lexicography – studies of the possibilities of using contrastive dictionaries in folklore and author's (writer's) lexicography, lexicography of a multicultural region.

References

1. Sternin, I.A. (2006) *Kontrastivnaya leksikologiya i leksikografiya* [Contrastive Lexicology and Lexicography]. Voronezh: Istoki.
2. Ivantsova, N.A. & Lazitskaya, E.D. (2013) Specific Features of Contrastive Linguistics and Its Practical Application in Foreign Language Teaching. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Proceedings of Irkutsk State Technical University*. 6 (77). pp. 257–260. (In Russian).
3. Chubur, T.A. (2010) *Kontrastivnaya leksikologiya i leksikografiya v praktike obucheniya inostrannomu yazyku* [Contrastive Lexicology and Lexicography in the Practice of Teaching a Foreign Language]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 3 (220). pp. 63–71.
4. Lukina, L.V. & Sternina, M.A. (2018) New Trends of Comparative Lexicography. *Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya*. 4 (40). pp. 20–27. (In Russian).
5. Cherepkova, N.M. (2017) Contrastive Bilingual Dictionary: Principles of Presentation of Material. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 2. pp. 74–76. (In Russian).
6. Sternina, M.A. (2015) *Pervyy kontrastivnyy anglo-russkiy slovar'* [The First Contrastive English-Russian Dictionary]. In: Rudakova, A.V. (ed.) *Psikholingvistika i leksikografiya* [Psycholinguistics and Lexicography]. Voronezh: Istoki. pp. 212–214.

7. Zimina, L.I. (2013) Goals and Principles of Creation of a Contrastive German-Russian Dictionary of Non-equivalent Phraseological Units. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 1 (4). pp. 198–201. (In Russian).
8. Chubur, T.A. (2009) Heterogeneity of Semantic Components in a Word's Meaning Structure. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 106. pp. 103–110. (In Russian).
9. Fedotovskaya, O.A. (2014) Fol'klornye traditsii: tsennostnyy i pedagogicheskiy potentsial [Folklore Traditions: Axiological and Pedagogical Potential]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 105–109.
10. Khrolenko, A.T. (2014) Folklore Lexicography in Linguo-Folkloristic Research. *Traditsionnaya kul'tura – Traditional Culture*. 3 (55). pp. 165–170. (In Russian).
11. Bobunova, M.A. (2006) [A Contrastive Dictionary of the Language of Folklore as a Special Genre of the Dictionary]. *Fol'klor v kontekste sovremennoy kul'tury. Yudinskie chteniya – 2005* [Folklore in the Context of Modern Culture. Yudin Readings–2005]. Conference Proceedings. Kursk: Kursk State University. pp. 37–40. (In Russian).
12. Bobunov, A.M. (2010) Kontrastivnyy slovar' kak baza vyyavleniya etnokul'turnykh osobennostey [A Contrastive Dictionary as a Basis for Identifying Ethnocultural Features]. *Traditsionnaya kul'tura – Traditional Culture*. 2 (38). pp. 54–62.
13. Bigday, A.D. (1992) *Pesni kubanskikh kazakov: v 2 t.* [Songs of the Kuban Cossacks: In 2 Volumes]. Vol. 1. Krasnodar: Knizh. izd-vo.
14. Bigday, A.D. (1995) *Pesni kubanskikh kazakov: v 2 t.* [Songs of the Kuban Cossacks: In 2 Volumes]. Vol. 2. Krasnodar: Sovetskaya Kuban'.
15. Kontsevich, G.M. (2001) *Narodnye pesni kazakov. Iz repertuara Kubanskogo voyskovogo pevcheskogo khora* [Songs of the Cossacks. From the Repertoire of the Kuban Military Singing Choir]. Krasnodar: EDVI.
16. Bobunova, M.A. & Khrolenko, A.T. (2007) *Konkordans russkoy narodnoy pesni: Pesni Kurskoy gubernii* [Concordance of Russian Folk Song: Songs of Kursk Province]. Kursk: Kursk State University.
17. Sidorenko, G.K. (ed.) (1964) *Ukrains'ki narodni pisni. Rodinno-pobutova lirika: v 2 ch.* [Ukrainian Folk Songs. Family and Household Lyrics: In 2 Parts]. Part 1. Kyiv: Dnipro. (In Ukrainian).
18. Bobunova, M.A. (2004) *Fol'klornaya leksikografiya: stanovlenie, teoreticheskie i prakticheskie rezul'taty, perspektivy* [Folklore Lexicography: Formation, Theoretical and Practical Results, Prospects]. Kursk: Kursk State University.
19. Litus, E.V. (ed.) (2020) *Kontrastivnyy slovar' narodnykh pesen kazakov Kubani (v kontekste russkoy i ukrainskoy narodnykh traditsiy): Mir cheloveka* [A Contrastive Dictionary of Folk Songs of the Kuban Cossacks (In the Context of Russian and Ukrainian Folk Traditions): The World of Man]. Slavyansk-on-Kuban: Branch of Kuban State University in Slavyansk-on-Kuban.

20. Litus, E.V. (2020) [Reflection of the Culture of the Kuban Cossacks in Russian- and Ukrainian-Language Folk Songs (Based on the Contrastive Dictionary)]. *Pedagogicheskij vuz v sotsiokul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve regiona* [Pedagogical University in the Sociocultural and Educational Space of the Region]. Conference Proceedings. In 2 Parts. Part 1. Slavyansk-on-Kuban: Branch of Kuban State University in Slavyansk-on-Kuban. pp. 117–124. (In Russian).

21. Fin'ko, O.S. (2020) [Presentation of a Person's Appearance in Kuban, Russian and Ukrainian Folk Songs]. *Pedagogicheskij vuz v sotsiokul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve regiona* [Pedagogical University in the Sociocultural and Educational Space of the Region]. Conference Proceedings. In 2 Parts. Part 1. Slavyansk-on-Kuban: Branch of Kuban State University in Slavyansk-on-Kuban. pp. 154–160. (In Russian).

22. Devitskaya, E.N. (2020) [Nomination of a Person by Gender in Russian, Kuban and Ukrainian Folk Songs: The Experience of Compiling a Contrastive Dictionary]. *Pedagogicheskij vuz v sotsiokul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve regiona* [Pedagogical University in the Sociocultural and Educational Space of the Region]. Conference Proceedings. In 2 Parts. Part 1. Slavyansk-on-Kuban: Branch of Kuban State University in Slavyansk-on-Kuban. pp. 104–111. (In Russian).

23. Devitskaya, E.N. (2020) Means of Nomination and Attributive Characteristic of Males in the Russian, Kuban and Ukrainian Folk Songs. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 13 (2). pp. 211–215. (In Russian). DOI: 10.30853/filnauki.2020.2.42

24. Litus, E.V. (2019) Lexeme Mother in Contrastive Dictionary of the Kuban Cossacks' Folk Songs (Attempt of Compiling a Dictionary Entry). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 12 (2). pp. 188–193. (In Russian). DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.40

25. Fin'ko, O.S. (2020) Cross-Cultural Analysis of the Lexeme “Kosa” (Plait) in the Kuban, Russian and Ukrainian Folk Songs by the Material of the Contrastive Dictionary. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 13 (1). pp. 320–323. (In Russian). DOI: 10.30853/filnauki.2020.1.64

УДК 811.512.157374

DOI: 10.17223/22274200/19/5

В.Д. Монастырёв, Н.Н. Васильева, И.В. Аммосова

«БОЛЬШОЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА»: НОВОЕ ДОСТИЖЕНИЕ ЯКУТСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Рассмотрены некоторые особенности лексики якутского языка, отраженные в академическом «Большом толковом словаре якутского языка». Описывается образец лексикографирования некоторых разрядов лексики. Это: большой пласт образных слов и производных от них образных глаголов, многочисленный разряд модальных слов, модальных частиц, модальных словосочетаний, сложные слова и составные термины, фразеологический фонд якутского языка. Особое внимание авторы уделили словам, обозначающим этнографические понятия, отражающие чисто якутские феномены.

Ключевые слова: якутский язык, лексика, лексикография, двуязычный толковый словарь.

В 2018 г. завершилась многолетняя трудоёмкая работа по созданию академического «Большого толкового словаря якутского языка» (далее БТСЯЯ). Словарь вышел в 15 томах общим объёмом около 800 печатных листов, всего 9 500 страниц, содержит около 80 тысяч слов и фразеологизмов. В выполнении этой сложной задачи участвовало не одно поколение якутских лингвистов. Создание такого огромного лексикографического труда было бы невозможным без достаточно высокого уровня теоретической изученности якутского языка и существующей в настоящее время лексикографической традиции, которая с момента своего зарождения была двуязычной.

Точкой отсчёта следует считать «Якутско-немецкий словарь» академика О.Н. Бётлингга (1849) [1]. К типу якутско-русских переводно-энциклопедических словарей относится Словарь якутского языка Э.К. Пекарского в 13 выпусках, охватывающий 25 тыс. слов [2], который в основном отражает язык якутов Центральной Якутии до начала XX в. Он послужил основой для всех последующих двуязычных якутско-русских и русско-якутских переводных словарей.

Основой для создания БТСЯЯ стала Академическая картотека, составление которой было начато ещё в 1970 г. Картотека непрерывно пополняется и в настоящее время насчитывает уже свыше 3 млн ци-

татных карточек, наиболее полно отражающих лексический и фразеологический фонд всего якутского языка. Здесь задействована почти вся письменная литература на якутском языке: изданные образцы различных фольклорных жанров, переводы классиков русской и мировой литературы, не говоря уже о произведениях всех якутских писателей, начиная от классиков до современных авторов.

Многотомный академический «Большой толковый словарь якутского языка» по своему замыслу и целевой установке представляет собой новый тип толкового словаря среди тюркских языков: издание задумано как словарь нормативно-регистрирующего типа. Регистрирующая суть Словаря заключается в том, что в нём даётся относительно полное описание лексики национального якутского языка, во всём её многовековом богатстве. В БТСЯЯ включены лексические единицы, собранные из различных источников: фразеологизмы, сложные и составные слова с терминологическим значением. Кроме того, представлены редко употребляемые слова или народная терминология, а также достаточно распространенные диалектные слова. Вместе с тем Словарь является основополагающим источником нормализации якутского литературного языка: в нём даются сведения об орфографии слова, его грамматических свойствах, функционально-стилистических особенностях употребления словарной единицы, которая реально существует в самом языке.

Основная задача Словаря – полное и точное толкование значений слов. Любой народ имеет свою историю, свой образ жизни, свою культуру, национальное самосознание, отличительные нравы и обычаи. Своеобразие народа зависит также от мировосприятия и миропонимания. Этот сложный комплекс составляющих отражается в особенностях содержательной стороны языка. Основное требование современной лексикографии состоит в том, чтобы толковый словарь, как можно полнее и ярче, отражал именно такие уникальные семантические особенности языка [3. Т. 1. С. 18].

С самого начала Словарь был задуман как двуязычный, поэтому значения слов и устойчивых словесных комплексов раскрываются толкованием на якутском и русском языках. Это совершенно новое направление в истории тюркской лексикографии, так как изданные до настоящего времени тюркоязычные толковые словари являются моновязычными. Такой подход, прежде всего, вызван насущными потребностями современного двуязычного общества. Кроме этого, дву-

язычный толковый словарь может быть незаменимым источником для сравнительных, сравнительно-исторических и особенно типологических исследований различных языковых семей.

Данная статья посвящена некоторым особенностям лексики якутского языка, отраженным в «Большом толковом словаре якутского языка». Как известно, лексика якутского языка имеет сложный состав. В ней много лексических заимствований, являющихся свидетельством исторических взаимосвязей якутов с другими народами. Наиболее древними из них считаются монгольские заимствования, которые составляют около 1/5 части дореволюционного словарного состава якутского языка [4. С. 522]. Также лексический состав якутского языка существенно обогатился русскими заимствованиями. Иноязычные слова, перенятые устным путём и широко вошедшие в обиходную речь якутов, подверглись полному фонетическому освоению. При этом фонетическое переоформление слов носит строго закономерный характер: оно совершается в соответствии с требованием фонетической системы якутского языка [5. С. 176]. Поскольку заимствования органически вошли в лексико-семантическую систему якутского языка, они представлены в Словаре как полноценные словарные единицы.

Приведём примеры фонетически переосмысленных заимствований из монгольского языка: **амыдай** (монг. **аминдай** 'однофамилец, соименник, тёзка'), **амтаһый** (п.-монг. **амташий** 'определять на вкус пищу'), **бардам** (монг. **бардам** 'горделивый, надменный'), **хайбаа** (монг. **гайхах** 'восхищаться, восторгаться, приходить в восторг') и т.п.; из русского языка: **дьээбэтинньик** (рус. **ябедник**), **бассыыбай** (рус. фальшивый), **баракаас** (рус. проказы), **ньуоска** (рус. ложка) и т.п.

В якутском языке, в отличие от многих тюркских языков, имеется большой пласт образных слов и производных от них образных глаголов, прилагательных и наречий, которые выражают «чувственные представления о движении, о признаках предмета и о внутреннем состоянии организма» [6. С. 200]. Слова данной категории имеют неустойчивую, нечеткую семантику, каждый носитель языка вкладывает в такие слова своё понимание образа, отраженного в них. Именно поэтому толкование образных слов представляет определённые трудности для составителей Словаря. Например: **ХОНОЙ** *дьүһ. туохт. Көнүөххүнэн көнөн төбөбүн өрө тутун.* ☉ Идти, ходить с высоко поднятой головой, вытянувшись в струнку. *Уна оронго хонойон*

тийиэн, көхөбө таҥаһын ыйаталаата, көхсүн этиппэхтээтэ. Болот Боотур. **ХОНОБОР** даҕ. Төбөтүн өрө туттубут уһун моонньулаах (киһини этэргэ). ☉ Прямой, с приподнятой головой и вытянутой шеей (о человеке). Хонобор киһи кэтэбэ чонхоннос, айабыттан туман бурбаннас. Софр. Данилов. **ХОНОЧЧУ** сый. Көнүөххүнэн көнөн төбөбүн күөрэччи, өрө (тутун). ☉ Высоко подняв голову, напряжённо вытянув шею. Валерий Иванович хоноччу туттубут уһун, көбүскөнө унуохтаах киһи. Л. Попов [З. Т. 13. С. 572–574]. **ЫАДАЙ** дьүһ. туохт. Ыарахан-ыараханнык, аа-дьуо хардыылаан, бытааннык хаамп (хол., уойбут-топпут көрүгнээх, улахан истээх, мөдөөт хамсаныылаах киһини этэргэ). ☉ Идти, ходить медленной тяжёлой поступью, переваливаясь с боку на бок (напр., о тучном человеке с большим животом). Кини улахан ампаардара туолбуттарын үрдүнэн хараба туолбат, бэйэтэ буоллар ынайа уойар, ыадайа кырдьар. "ХС". **ЫАДАҔАР** даҕ. Улахан истээх, суон, ынайбыт (үксүгэр киһини этэргэ). ☉ С большим животом, толстобрюхий, толстый (о ком-л.). Били ыадаҕар оҕонньорго түһүлгэ киһитэ барыта сүгүрүйэр. Н. Абычанин. **ЫАДАЧЧЫ** сый. Мөдөөттүк, көһүүннүк, ыараханнык (хамсанан тугу эмэ онгор – бөдөҥ, суон киһини этэргэ). ☉ Двигаясь неуклюже, неповоротливо, тяжело (делать что-л. – о грузном человеке). Чоочо Манчаарыны өһүүннээхтик көрдө, олоппос хаачыгырыар диэри ыадаччы олоордо. И. Гоголев [З. Т. 14. С. 308–311].

В якутской лексикографии сложилась следующая практика определения значений образных слов: приводится толкование собственного значения, а затем, если это необходимо, в скобках даётся его референтная часть, т.е. вспомогательное толкование, указывающее, например, к кому или чему относится значение глагола. Такой способ толкования позволяет наиболее точно передать тот цельный образ, который содержится в семантике конкретного слова и предстаёт перед глазами носителя языка при его произнесении. Специфика значений образных лексических единиц такова, что их адекватный перевод на русский язык в большинстве случаев практически невозможен, поэтому на русском языке, как правило, даётся описательное толкование. Например: **СЭЛЛЭЙ** дьүһ. туохт. Саллаҕар эрээри үөһэ өттүгүттэн хаптаччы баттаммыт курдук көрүгнээх буол (улахан хаптаҕай төбөлөөх эбэтэр бэргэлээх киһи эбэтэр оннук быһыылаах туох эмэ туһунан). ☉ Иметь объёмную, приплюснутую верхнюю часть (о ком-л. с большой головой или головным убором с

придавленным верхом; о чем-л. с похожим силуэтом). Саамай кэнники сэллэйбит эһэ бэргэхэлээх, кылгас таба сабынньахтаах буолан сатамматтык соноон көстөр киһи муттуйуктатан киирэр. Амма Аччыгыһа [3. Т. 9. С. 559]. **ДЫРЭЙ** дьуһ. туохт. Чиккэччи, көнөтүк туттан сүүр, хаамп (көнө үрдүк унуохтаах, уһун атахтаах киһи туһунан). ☉ Бегать, двигаться, держась прямо (о стройном длинноногом человеке). [Майаҕатта] кэнниттэн Бүлүү баайын киһитэ сүүрэн дырэйэн кэлбит. Саха сэх. I [3. Т. 3. С. 361]. **ЭРБЭЙ** дьуһ. туохт. Кылгастык, лэппэччи кырылын (кыракый кыыс оҕо баттабын туһунан). ☉ Быть коротко подстриженным («под горшок» – обычно о маленьких девочках). Татыһаас быһыл сэттэтэ. Кугас баттаҕа эрбэйэн эн иннигэр турдаҕына, хата киһиттэн итэҕэс санаабаккын. Дьүөгэ Ааныстыырап [3. Т. 15. С. 276].

Каждый образный глагол образует особую систему видовых форм, обозначающих различные способы проявления зрительного образа в движении, например, форма подвижности, моментальности и однократности, раздельной, равномерной и учащенной кратности, замедленности. Для образных глаголов такие формы являются основным морфологическим признаком [7. С. 296]. В некоторых случаях, когда видовая словоформа (СЭЛЛЭЙ + РИЙ, ДЫРЭЙ + ГЭЛДЫЙ, ЭРБЭЙ + КЭЧИЙ) приобретает лексикализованное значение, в Словаре даётся полное толкование, например: **СЭЛЛЭРИЙ** дьуһ. туохт. Биир кэм төкүнүйэн иһэр курдук хаамп, сүүр (улахан төбөлөөх, атах өттө кыра буолан көстөр киһи, кыыл туһунан). ☉ Передвигаться, словно катиться подобно мячу (о большеголовом человеке, животном с короткими ногами). Кыра уол [эһэтигэр] сүүрэн сэллэрийэн тиийэн, ыйыта оҕуста. Суорун Омоллоон [3. Т. 9. С. 560]. **ДЫРЭГЭЛДЫЙ** дьуһ. туохт. Түргэнник, чэпчэкитик, сылыбыраччы сүүр (уһун атахтаах, көнө үрдүк унуохтаах хатынгыр киһи туһунан). ☉ Легко, стремительно бежать, двигаться (о длинноногом высоком стройном сухощавом человеке). Үрүҥ кубаҕай киһи сүүрэн дырэгэлдыйэн тиийэн отууттан дьоптуонускай бинчиэстэри ылан кэллэ. М. Доҕордуурап [3. Т. 3. С. 361]. **ЭРБЭКЭЧИЙ** дьуһ. туохт. Лэппэллбит, кылгас баттаххын ыһылланнатан сүүр (үксүгэр кыракый кыыһы этэргэ). ☉ Быстро двигаться, чтобы коротко стриженные волосы развевались в разные стороны (обычно о маленькой девочке). Алталаах эрбэкэчийбит кыысчаан от мунньар. А. Шапошникова [3. Т. 15. С. 276].

В семантике некоторых образных слов имеются оттеночные значения, которые реализуются далеко не в каждом употреблении слова, поскольку они ещё не сформировались в отдельные самостоятельные лексические значения. Но в разговорном языке они используются как средство эмоциональной характеристики и визуализации какого-либо действия, его образного описания в различных стилистических контекстах. Такие оттеночные значения образных глаголов визуального действия даются в Словаре через две косые линии (/ /) к основному значению. Например: **БӨСКӨЙ** *дьүһ. туохт.* 1. Үллүбүт курдук суон, модьу көрүннээх буол (*улахан унуохтаах киһини эбэтэр сүөһүнү, кыылы этэргэ*). ☉ Бросаться в глаза своей тучной и крупной фигурой (*о человеке высокого роста, а также о крупном животном*). [Өксөкү кыыл – Эрчимэн Бэргэнгэ:] *Миэхэ кэлэн – Хамначчыт уол буолан Суорумабар соноотун, Тарбар дагдайдын, Бөлөнөхпөр бөскөйдүн диир.* С. Васильев. // Толору угууланан үллэй, тилэри үллэйбит дьүһүннэн (*туох эмэ хааны, суумканы этэргэ*). ☉ Иметь до предела набитый вид (*напр., о мешке*). [Мөрүөн] *сыыр анныгар обургу саппыйаан суумка бөскөйөн сытарын көрөн, одуулаан турбахтаата.* Д. Таас. // Илийэн, сиигирэн тыылын, дыгдай (*хол., үүнээйи сиэмэтин этэргэ*). ☉ Набухать от влаги (*напр., о семенах растений*) [З. Т. 2. С. 461]. **НУСХАЙ** *дьүһ. туохт.* Аллара сыыйа налыйан түс (*от-мас туһунан*). ☉ Склоняться, сгибаться плавно (*о деревьях*). *Күөх солко сэбирдэх күөгэйэн, нусхайан, Унуоргу биэрэктэн уруйдуу турбута.* П. Тобуруокап. // Сылаарбаабытты биир тэнник иннэй, бүк түс. ☉ Клониться, падать, опускаться, ложиться медленно, плавно (*о ком-л.*) *Обонньор кыайан турбакка хат нусхайан сытан барда.* Эрилик Эристин. // *поэт.* Чуумпуран нус бааччы тур (*хол., айылҕаны этэргэ*). ☉ Притихнуть (*о природе*). *Күөх тыа дьоһумсуйа нусхайар.* И. Данилов [З. Т. 6. С. 490–491]. **МӨЛБӨЙ** *дьүһ. туохт.* Хойуу буолан, куттахха бүтүннүү тула халыйан хаалбакка, өрөһөлөнөн томтоҕор быһыылан (*балачча кэриннээх маассаны этэргэ*); бөлөнүттэбэс хойуу буол. ☉ Оставаться сгустком, сохраняя форму, не растекаясь *по чему-л.* (*о густой массе*); застывать ровным слоем, постепенно сгущаясь. *Тэриэлкэни толору сылаас көбүөр мөлбөйөн турар.* // *Туох эмэ хойуу маасса халыйарын курдук быһыыланан бытааннык хамсаа, үһүн.* ☉ Медленно нести себя, плыть, течь подобно густой, однородной массе. *Чардаат чаана, дьон тыына үрүҥ туман буолан устан мөлбөйөр.* А. Фёдоров [З. С. 313–314].

Образные слова в якутском языке в силу своей специфической, сложной и яркой семантики, воспроизводящей образы целой картины внешнего вида, движения, а также их морфологической обособленности, рассматриваются как самостоятельная лексико-грамматическая группа. В последнее время, особенно в среде молодого поколения, самая яркая, экспрессивно окрашенная образная лексика теряет былую активность и постепенно выходит из употребления. Поэтому включение их в словник БТСЯЯ правомерно и своевременно.

Составители «Большого толкового словаря якутского языка» много внимания уделили словам, обозначающим различные этнографические понятия. Эти слова, обозначающие во многих случаях уже исчезнувшие из современной жизни реалии и чисто якутские феномены, нуждались в энциклопедическом или приближённом к таковому толкованию. Например:

ТАБЫК *аат*. Былыргы саха охсон тыаһатар муусукалыыр инструмента. Улахана – түүтэ ыраастаммыт хас да инчэбэй сүөһү тириититтэн маска тиирэн оноһуллубут, былаайабынан охсон оонньонон. Кырата биир сүөһү тириититтэн төгүрүк дүнүр курдук оноһулар, ону тарбабынан охсон оонньонон. ☉ Древний якутский ритуальный ударный музыкальный инструмент. Большой инструмент делали из нескольких сырых, очищенных от шерсти шкур домашних животных путём натягивания их на специальные столбы; играли на нём с помощью колотушек (**былаай-ах**). Маленький инструмент изготавливали из одной шкуры в виде круглого бубна, на котором играли пальцами [3. Т. 10. С. 121].

УРАҤА *аат*. Былыргы сахалар сайынны, оттон көс олохтоох дьон көтүрэн көһөрө сылдьар үөһэ өттүнэн суптугур быһыылаах, дьардыамата ураҕас мастарынан оноһуллубут, тугунан эмэ (*хол., тиришинэн*) бүрүллүбүт дьыэлэрэ. ☉ Старинное стационарное летнее жилище якутов и переносное – кочевых народов в виде высокого конического шалаша из наклонно поставленных длинных жердей, плотно обтянутых чем-л. (*напр., пластинами бересты или шкурами*), ураса [3. Т. 12. С. 251–252].

Под светлым ромбом (◇) даются толкования словосочетаний, обозначающих все разновидности **ураҥа: буор ураҥа, далла ураҥа, моҕол ураҥа, сандама ураҥа, сарыы ураҥа, тордох ураҥа, туос ураҥа, хатырык ураҥа, ходьол ураҥа** [3. Т. 12. С. 251–252].

ЧОРООН *аат*. Кымыс иһэргэ аналлаах саха иһитэ: үкүгэр мастан быһан оноһулар, ортогунан култаҕар быһыылаах, араас кээмэйдээх,

биир эбэтэр үс атахтаах, араас оһуордаах буолар. ☉ Якутская национальная посуда: украшенный резными узорами деревянный кубок на одной или трёх ножках для питья кумыса, который может иметь различные размеры, чорон [3. Т. 14. С. 193–194].

Под этим толкованием также даны названия разновидностей **чоронов**, которые различаются по размерам и своему назначению: **дьорохой чороон**, **сиэллээх чороон**, **тойон чороон**, **чороон айах** [3. Т. 14. С. 193–194].

СЭРГЭ I аат. Былыр сахалар дьиэлэрин аанын утары илин диэки ту-
рар аттарын баайар баҕаналара (*билигин сэргэни дьоллоох-соргулаах, уйгу олобу түстүүр, ыалдьытымсах буолууну туоһулуур бэлиэ быһыытынан туруораллар*). Сэргэ аналынан үс көрүнгэ арахсар: ат баайар эбэтэр тэлгэнэ сэргэлэрэ, итэҕэл сэргэлэрэ уонна ыһыах сэргэлэрэ. ☉ В старину: устанавливаемый перед входом в дом, т.е. с восточной стороны, столб для привязывания лошадей, коновязь (*в настоящее время эти коновязи, предназначенные для приёма гостей, трансформировались в символ счастья и семейного благополучия, в символ якутского гостеприимства*). Выделяют три группы **сэргэ**: надворные коновязи для привязывания ко-
ня; культовые, использовавшиеся при проведении культовых религиоз-
ных обрядов; ритуальные **сэргэ**, устанавливаемые на традиционном
празднике ысыах [3. Т. 9. С. 588–589].

В рамках этой словарной статьи под светлым ромбом приводятся словосочетания, обозначающие все разновидности **сэргэ** с полным энциклопедическим толкованием и иллюстративным материалом: **ат сэргэ**, **кийиит сэргэтэ**, **көрбүөччүлээх сэргэ**, **кэтэх сэргэ**, **ортоку сэргэ**, **тойон сэргэ**, **төрүт сэргэтэ**, **түктүйэлээх сэргэ**, **тэлгэнэ сэргэлэрэ**. К примеру: **Көрбүөччүлээх сэргэ** *эргэр*. – сэргэ үрдүгэр онхойго киһи курдук быһыылаах, күүс оҕуруо харахтаах мас сатаны – ойуун «көрбүөччүтүн» уураллар. Кыһалҕалаах киһи бу көрбүөччүгэ кэлэн кыһалҕатын кэпсиир, үгэр, көрдөһөр. Ойуун бу көрбүөччү нөнгүө көрдөспүт киһини эмтиир. ☉ **Сэргэ** со специальным вмести-
лищем в верхней части для «ясновидящего» – сата, деревянного чело-
вечка с глазами из синих бусинок. Больные обращались к этому идолу
со своей бедой и страданием, умоляли помочь выздороветь, и шаман
через этих идиолов лечил любого из обратившихся к нему [3. Т. 9. С.
588–589].

Такая этнографическая лексика скрупулезно собрана авторами
словарных статей из различных, порой очень «узких» источников и с

подробными толкованиями дана как для якутских, так и для русскоязычных читателей.

Одной из отличительных особенностей «Большого толкового словаря якутского языка» является также то, что в его словарь включен довольно многочисленный разряд модальных слов, модальных частиц, модальных словосочетаний, в том числе союзного, междометного происхождения и подробно раскрыты их значения. Основой для данной работы послужили труды проф. Н.Е. Петрова [8–11].

Приводим примеры из Словаря: **ЭЧИ** *сыһыан* т.1. Санарааччы сөҕөр-махтайар, хайгыыр-сирэр, саллар-бэркиһиир эмоциональной сыһыанын күүһүрдэр. ☉ Выражает усиление восхищения и других положительных или отрицательных видов эмоционально-экспрессивного отношения говорящего. *Эчи кутур улаханын, добор!* Суорун Омоллоон.

2. Этиллэр санааны күүһүрдэн, бэлиэтээн биэриини көрдөрөр. ☉ Выражает усиление, выделение говорящим выразительности высказываемой мысли. *Эчи кихитин муннун тыаһа улаханын – икки сүллэр этин этэн эрэрин курдук.* Болот Боотур.

3. Санарааччы сөбүлээбэт сыһыанын сэмэлээн, хаарыйан этиини көрдөрөр. ☉ Выражает неодобрительное отношение говорящего к предмету речи с оттенком укора, замечания. *Бу уол оҕо буолан баран, тыллаах дьахтар курдук, эчи санардаба элбэбин.* С. Ефремов. // Сөбүлээбэт сыһыаны хомноон, түгэх түһэн биллэриини көрдөрөр. ☉ Выражает неодобрительное отношение говорящего к содержанию высказывания с оттенком обиды, недовольства. *Эчи, ол үөрэхтээх дьахтар биһигинник үөрэбэ суох холкуостаахтары киһи диэ дуо?* С. Ефремов. // Сөбүлээбэт сыһыаны сиилээн, үгэргээн, күлэн биэриини көрдөрөр. ☉ Выражает неодобрительное отношение говорящего к содержанию высказывания с оттенком осуждения, иронии. *Эчи суох, аны кэлэн хамначчыттыам дуо?* Н. Якутский.

4. Этиллэр санаа баар быһыыга-майгыга сөбүлэммэт, куһаҥан эбиилик буолбутун курдук сыаналааһыны көрдөрөр (*эбиитигэр, кыһалбатыгар диэннэ чугас*). ☉ Выражает то, что высказываемая мысль оценивается говорящим как нежелательная (*а к тому же*). *Аны аһаппаттар диэн тыл-өс барыаба, эчи, күн-түүн ахсын дьон-сэргэ сүрдэнэн иһэллэр.* П. Ойуунускай [3. Т. 15. С. 405–406].

ДЬЭ ЭРЭ *сыһыан* холб.1. Соруйууну, дыһайыыны көрдөрөр. ☉ Выражает побуждение (*ну-ка*). *Дьэ эрэ, кэпсээ.* Н. Габышев. //

Хайааһыны холбоһон онгорорго ынырыы дэгэттэнэр. ☉ Выражает призыв к коллективному действию (*давайте-ка*). *Дьэ эрэ, хата тириитин сүлбүтүнэн барыахха*. “ХС”. // Суоһурҕаныылаах сэрэтии дэгэттэнэр. ☉ Выражает предупреждение с угрозой (*ну смотри*). *Ноко! Дьэ эрэ, сэрэнэн-сэрбэнэн тур эрэ, мин киһи илиим дьоһуотун көр эрэ!* Ньургун Боотур.

2. Хайааһын кэмин аһаран баран, субу эрэ буолбутун бэлиэтири көрдөрөр (*дэнгэ тут-лар*). ☉ Выражает оценку действия как совершившегося только что или по истечении положенного времени (*наконец – редко употр.*). *Аня кийиит кыыс буоларын дьэ эрэ билинэн, толлоро, симиттэрэ улаатан истэ*. В. Иванов [3. Т. 3. С. 550].

Изучение модальных слов в собственно лингвистическом плане легко может быть интерпретировано и в плане нормативном, поэтому свободное лексикографическое «переложение» работ Н.Е. Петрова по модальным словам в корпус Словаря стало вполне возможным. Значения модальных слов, модальных частиц, как и семантика других служебных слов, вполне могут рассматриваться как самостоятельная единица в рамках отдельной словарной статьи.

Фольклор якутов имеет богатый, колоритный и своеобразный язык, который благотворно влиял на развитие художественной литературы, а значит на становление якутского литературного языка. Поэтому составители Словаря придали большое значение сбору подобного материала и как можно полнее старались показать его в Словаре, например: **АҕЫС** I <...> ♦ **Аҕыс уон (аҕыс) ааһар албастаах, тоҕус уон куотар кубулҕаттаах** – олус элбэх дэгиттэр албастаах, элбэх кириилээх-тахсыылаах, өлөн-охтон биэрбэт (*олонхоҕо абааһылары, ардыгар айыылары ойуулуур уларыыбат эпитет, поэт. формула*). ☉ Обладающий волшебной силой, оборотничеством, способный к коварным превращениям (*в олонхо – поэт. формула-эпитет, изображающий представителей Нижнего, иногда Среднего мира*). *Чупчуруйдаан ыраахтаабы Аҕыс ааһар албаһынан, Тоҕус куотар кубулҕатынан Туура тутан ылбыта “аптаах тааһы”*. Эллэй [3. Т. 1. С. 277]. **БАР** I <...> ♦ **Барбатах балык (мунду) миинин курдук бадыа-бүдүө дойду фольк.** – Аллараа дойдуну хоһуйар халбаннаабат эпитет. ☉ Постоянный эпитет, используемый при изображении сумрачного Нижнего мира. *Аллараа дойду орто дойдуттан ураты айылгылаах, кэлтээгэй ыйдаах, кэрис барыа күннээх, барбатах мунду миинин курдук бадыа – бүдүө дойду*. Саха фольк. [3. Т. 2. С. 188]. **ҮС**

<...> ♦ **Үс хаттыгастаах (үрдүк мэнэ) халлаан фольк.** – үс сабыылаах, үллэһиктээх халлаан (*сахалар итэҕэллэринэн халлаан тобууска тийэ сабыылаах дэнэрэ*). ☉ Трехъярусное небо (*по верованиям якутов, небо имеет до девяти ярусов*). Үс хаттыгастаах халлааны өтөрү өйдүөтэххэ, үрүң күнү үөскэппит, Аан дойдуну айбыт, үрүң аар тойон аҕаккайбыат! Өксөкүлээх Өлөксөй [З. Т. 12. С. 551]. Такие изобразительные средства и речевые формулы из фольклорных источников вносят яркие краски в палитру художественных средств языка. Они являются полноправными единицами лексикографического описания лексико-семантической системы языка, поэтому фиксации данной лексики в Словаре уделено особое внимание.

В БТСЯЯ обособленно отражены сложные слова и составные термины с толкованием их значений и с иллюстративными примерами, что для «тюркской лексикографии довольно редкое явление из-за существующих затруднений в разграничении сложных слов от фразеологизмов и свободных словосочетаний» [12. С. 80]. В отличие от фразеологизмов, которые включены под тёмным ромбом (♦), составные слова со значением термина или номенклатуры, составные глаголы (аналитические формы глаголов) в Словаре даются со знаком (◇). Например: **Туой баттах** – туой курдук араҕастыны дьүһүннээх баттахтаах, умсаах кус бииһин ууһа. ☉ Желтоголовка (*вид утки*). *Булка Жирков үйэтигэр бишрдэ тыһы туой баттах куһу күөрэтэн түһэрэн хайҕаммыттаах.* Н. Габышев [З. Т. 2. С. 270]. **Була сатаан (сатыы-сатыы)** – дыһыны-кырдыга суоҕу баар курдук онорон, өйтөн ылан. ☉ Путём выдумок, измышлений (*выдумывать то, чего на самом деле нет и не было*). Анна Андреевна – *була сатыы-сатыы хайгыыр.* Софр. Данилов [З. Т. 2. С. 491]. **Ситэ баттаа (кэп)** – кими-тугу эмэ экирэтэргин өр гыммакка ситэн ыл. ☉ Быстро настичь преследуемого. *Кэрэмэс [кылы] ситэ кэбэн ылан, сититтэн туора хабан ылла.* «ХС» [З. Т. 8. С. 458].

Кроме того, со светлым ромбом даются составные слова, восходящие генетически и семантически к заглавному слову. К примеру, возьмём слово **хаар** 'снег'. Его разновидности представлены в Словаре следующими устойчивыми словосочетаниями: **көбүөрүннүк хаар, көмнөх хаар, көмнүө хаар, көмүрүө хаар, көп хаар, куобах түүтэ хаар, күрдүк хаар, кыйыр хаар, кыраһа хаар, кырса хаар, кырыа хаар, кырымах хаар, кыс**

хаар, кыстык хаар, маннайгы хаар, ньуолах хаар, өксүөн хаар, санга хаар, симиин хаар, сингэ хаара, сис хаара, сойуо хаара, сомунaх хаар, сонор хаар, сыарҕа хаара, сыа хаар, сылбыйа хаара, тонот хаара, тобурах хаар, тонуу хаар, тон хаар, туллук хаара, хомурах хаар, чигди хаар [3. Т. 13. С. 123–128], где каждое устойчивое сочетание имеет подробное толкование на двух языках. Рассмотрим другой пример: **кэһии I аат.** 1. Кимиэхэ эмэ анаан аҕалылар эбэтэр ытытылар дьоһус бэлэх (*былыр үксүгэр ас буолара*). ☉ Привозимый или присылаемый кому-л. небольшой подарок, гостинец (*в старину обычно продукты, пища*) [3. Т. 5. С. 571–572]. В этой словарной статье под светлым ромбом дается с толкованиями 15 разновидностей **кэһии**, которые различаются и называются по-разному в зависимости от того, когда, кому, от кого, по какому случаю преподносится каждый гостинец: **ат кэһиитэ, биһирэм кэһии, иһит кэһиитэ, көрдүүр кэһии, күтүөт кэһиитэ, кыыс кэһиитэ, оҕо он-нугар көрөр кэһии, сыарҕа кэһиитэ, таңара кэһиитэ, төргүү кэһиитэ, түнүр (ходоҕой) кэһиитэ, улаҕа хаалар кэһии, уокка кэбиһэр кэһии, хоннорор кэһии, хоонньоһор кэһии.**

В составе словарных статей БТСЯЯ практически полностью представлена фразеология якутского языка (около 5 тыс. фразеологических единиц (ФЕ)). Кроме академической картотеки источником Словаря послужили фразеологические словари Н.С. Григорьева [13] и А.Г. Нелунова [14]. Составители «Большого толкового словаря якутского языка» стремились дать каждой ФЕ правильное и точное толкование на якутском и русском языках. ФЕ в словарной статье помещаются со знаком темного ромба (◆) вслед за заглавным словом, которое соответствует их первому компоненту или доминантному слову. Русская часть словарной статьи дается следующим образом:

1. Если значение и сфера употребления ФЕ в русском и якутском языках совпадают, то по-русски подбирается полный эквивалент, который дается с пометой *соотв.*: **Төбөтө ыалдьыбат** – туох эмэ туһунан долгуйан, санаан, толкуйдаан, кыһаллан көрбөт. ☉*соотв.* голова ни о чём не болит. [*Кинээс хамначчыттара аччыктыылларын туһунан*] төбөтө ыалдьыбат эбит. Н. Заболоцкай [3. Т. 10. С. 518]. **Хараҕын уотун хатаабыт** – туохха эмэ ымсыыра санаабыт. ☉*соотв.* положить глаз на что-л. *Манчаары хабыр, эдэр сааһыгар хараҕын уотун хатаабыт* баайдарын тэлгэхэлэригэр манан атынан ойутан киирэрэ. И. Гоголев [3. Т. 13. С. 447].

2. Значение ФЕ, не имеющей эквивалента в русском языке, раскрывается описательно: **Бүтэй этгээх эргэр**. – урукку өйдөбүлүнэн, абааһыны, иччини көрүгүһэ суох, чэгийэн, дьылэй этгээх-хааннаах. ☉ По древним поверьям якутов, человек физически и духовно крепкий, сильный, с «закрытым телом», т.е. неспособный видеть галлюцинации. *Мин сааспар абааһы диэни харахтыы илик киһибин. Бүтэй эттээхпин*, Н. Заболоцкай [3. Т. 2. С. 651].

3. В некоторых случаях, когда коннотативная часть значения ФЕ особенно трудно переводима, обычно даётся буквальный перевод, где отражается суть народных представлений о явлениях действительности, связанных с менталитетом народа: **Билэр күөлүм балыга сэнэн**. – киһиргиэбэ туох да суох, мин кинини бэркэ билэбин. ☉ Очень хорошо знать *кого-л.* со всеми его недостатками; знать всю подноготную *кого-л.* (букв. рыба из известного мне озера). *Тустууккунан да билэр күөлүм балыга этин*. «ХС» [3. Т. 2. С. 173]; **Анаар уоһунан** – атын өттүнэн; сороҕор, сорох ардыгар. ☉ С другой стороны; с одной стороны; иногда (букв. одной губой). *Оо, былыргы олоххо тэнгээтэххэ туспа да олох буолла. Бассабыыктары анаар уоспутунан хайгыбыт, анаарбытынан сирэбит*. А. Софронов [3. Т. 1. С. 487]. **Тылынан талкылыыр** – сэнээн үөбэр, мөбөр-этэр. ☉ Распекать, отчитывать (букв. мять языком). *Арай сыыһаны буллабына, бэйэтиттэн намыһах чыыннаах үлэһиттэри тылынан талкылыы түһэрин таптыыр*. М. Дождордуурап [3. Т. 10. С. 177].

Отражение в БТСЯЯ практически полного фразеологического фонда якутского языка, во-первых, является важным показателем качества Словаря, а во-вторых, даёт возможность ввести данную лексику в широкий научный оборот.

Одной из важнейших сторон «Большого толкового словаря якутского языка» (как и любого лексикографического труда) является подача иллюстративного материала. С его помощью составители БТСЯЯ не только доказывают наличие заглавного слова в якутском языке, но и подтверждают, уточняют, делают более прозрачным толкование значения слова и его стилистическую характеристику. В качестве иллюстративного материала отбираются лучшие образцы употребления слова: примеры из художественной, научной, общественно-политической литературы и фольклорных текстов. В отдельных случаях цитаты могут заменяться предложениями (распространёнными в народе выражениями),

короткими предложениями, авторами которых являются сами составители БТСЯЯ.

Для повышения информативной значимости Словаря те слова, происхождение которых достаточно прозрачно, даётся справка по их этимологии (приводится в конце словарной статьи). Например: **түнүр** – др. тюрк. **түнүр** 'родство отцов жены и мужа по отношению друг к другу...', сват [З. Т. 11. С. 260], **олбох** – тюрк. **олбук, олпок** 'тюфяк, матрац, сиденье', монг., бур. **олбог** 'тюфяк, подстилка для сиденья' [З. Т. 7. С. 251], **кырыбыайка** – русск. 'гребёнка' [З. Т. 5. С. 338–339], **быра** – эвенк. **бира** 'река' [З. Т. 2. С. 717].

В последнем 15-м томе Словаря содержится «Краткий грамматический очерк якутского языка», где представлены особенности фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики современного якутского языка.

Заключение

«Большой толковый словарь якутского языка» является результатом долгой кропотливой работы нескольких поколений якутских языковедов и представляет собой ценный продукт национальной культуры якутского народа. В Словаре сосредоточен почти весь национальный фонд якутского языка. В перспективе БТСЯЯ станет надёжной базой для научных исследований, а также для создания новых нормативных лингвистических словарей различного типа.

В первую очередь, Словарь может послужить незаменимым источником для сравнительно-исторических исследований лексико-семантической системы трёх больших языковых семей: тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Представить богатейшую лексику своего национального языка научному миру якутским лексикографам – авторам-составителям БТСЯЯ удалось через русский язык, и в области взаимодействия русского и якутского языков БТСЯЯ также открывает новые научные перспективы. Безусловно, «Большой толковый словарь якутского языка» можно отнести к числу самых значимых достижений гуманитарной науки Республики Саха за последние десятилетия.

Список сокращений

аат. – аат тыл – имя существительное; алт. – алтайский; буд. вр. – будущее время; букв. – буквально; бур. – бурятский; даб. – дабааһын – имя прилагательное; диал. – диалектное слово; др. тюрк. – древнетюркский; дьүһ. т. – дьүһүннүүр тыл – образное слово; дьүһ. туохт. – дьүһүннүүр туохтуур – образный глагол; кирг. – киргизский; кэпс. – кэпсэтии тыла; миф. – мифология; монг. – монгольский; муус. – муусука тизэрминэ – музыка; накл. – наклонение; напр. – например; о.д.а. – онтон да атыттар – и т.п.; п.-монг. – письменно-монгольский; поэт. – поэтическое слово; русск. – русский; соотв. – соответствует; сыһ. – сыһыат – наречие; сыһыан т. – сыһыан тыл – модальное слово; сыһыан туохт. – сыһыан туохтуур – модальный глагол; сыһыан холб. – сыһыан холбоһук – модальное словосочетание; сэнээн. – сэнээн этэр тыл – пренебрежительное; туохт. – туохтуур – глагол; тюрк. – тюркские языки; уйг. – уйгурский; употр. – употребляется; устар. – устаревшее; ф. – форма; ф.-тын – форматын – с формой; фольк. – фольклор; хол. – холобур – например; «ХС» – журнал «Хотугу сулус»; эвенк. – эвенкийский; эргэр. – эргэрбит тыл – устаревшее слово, выражение.

Литература

1. Бётлингк О.Н. О языке якутов. Новосибирск : Наука, 1989. 646 с.
2. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. СПб. ; Л., 1907–1930. Вып. I–XIII.
3. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : в 15 т. / под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск, 2004. Т. 1: (Буква А); 2005. Т. 2: (Буква Б); 2006. Т. 3: (Буквы Г–И); 2007. Т. 4: (Буква К: к – күөлэһиннээ); 2008. Т. 5: (Буква К: күөлэһис гын – кээчэрэ); 2009. Т. 6: (Буквы Л–Н); 2010. Т. 7: (Буквы Нь–П); 2011. Т. 8: (Буква С: с – сөллөбөр); 2012. Т. 9: (Буква С: сөллөй – сээн, буква Н); 2013. Т. 10: (Буква Т: т – төһүүлээ); 2014. Т. 11: (Буква Т: төтөллөө – тээтэннээ); 2015. Т. 12: (Буквы У, Ү); 2016. Т. 13: (Буква Х); 2017. Т. 14: (Буквы Ч, Ы); 2018. Т. 15: (Буква Э).
4. Антонов Н.К. Якутский язык // Языки мира. Тюркские языки. М. : Индрик, 1997. С. 513–524.
5. Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период). Якутск : Якут. книж. изд-во, 1964. 196 с.
6. Харитонов Л.Н. Типы глагольной основы в якутском языке. М. ; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 312 с.
7. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М. : Наука, 1982. 496 с.
8. Петров Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности. Новосибирск : Наука, 1982. 160 с.
9. Петров Н.Е. Модальные слова в якутском языке. Новосибирск : Наука, 1984. 207 с.
10. Петров Н.Е. Модальные сочетания в якутском языке. М. : Наука, 1988. 279 с.
11. Петров Н.Е. Синтаксические средства выражения модальности в якутском языке. Новосибирск : Наука, 1999. 288с.

12. Ягафарова Г.Н. Новейшая тюркская лексикография (о новом типе толковых словарей) // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2019. № 1 (26). С. 77–84.

13. Григорьев Н.С. Саха тылын сомоҕо домобун тылдьыта. Фразеологический словарь якутского языка. Якутскай, 1974. 126 с.

14. Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь / отв. ред. П.А. Слепцов. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1998–2002. Т. 1–2.

The Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language: A New Achievement of Yakut Lexicography

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 19, pp. 92–108. DOI: 10.17223/22274200/19/5

Vladimir D. Monastirev, Nadezhda N. Vasilieva, Iya V. Ammosova, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: dimamon92@mail.ru / vaserel@mail.ru / ammosova.iya@bk.ru

Keywords: Yakut language, vocabulary, lexicography, bilingual explanatory dictionary.

The present article describes the *Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language*. The Dictionary is the outcome of 46 years of work done by lexicographers at the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. The editor of the Dictionary is Pyotr A. Sleptsov, professor, Doctor of Philological Sciences, member of the Academy of Sciences of Sakha Republic. The Dictionary includes 15 volumes of about 800 sheets, 9,500 pages in total, containing some 80 thousand words and phraseological units. The Dictionary provides a full description of Yakut vocabulary in all its centuries-old richness. The lexical units are from various sources: phraseological units, compounds, archaisms, rarely used words or folk terminology, as well as common dialect words. The authors point out that the Dictionary employs almost all literature written in Yakut: published folklore texts of various genres; translations of classic Russian and world literature; works of all Yakut writers, from classic to modern. The Dictionary is based on the academic card index which presently includes over three million cards with citations showing the lexical and phraseological stock of the Yakut language in its fullness. It would not be possible to create such a huge lexicographic work without a high level of theory of the Yakut language and the present lexicographic tradition that has been bilingual since its foundation. The article shows the relevance of the great multi-volume lexicographic work, describing some characteristics of Yakut vocabulary as reflected in the Dictionary. Also, examples of lexicographic presentation of certain groups of vocabulary are provided. These include a bulk of figurative words and their verbal derivatives, a large number of modal words, particles, and word groups, compound words and terms, phraseological units. The authors of the Dictionary paid great attention to words denoting various ethnographic notions. These words denoting realities that in many cases disappeared from modern life as well as purely Yakut phenomena needed encyclopedic, or close to that, treatment. The Dictionary is targeted at the widest audience. However, its academic reference direction is also important

since it will become an essential source for comparative studies of the lexico-semantic system in three large language families: Turkic, Mongolic, and Tungusic languages, at the intersection of which Yakut developed.

References

1. Böhtlingk, O.N. (1989) *O yazyke yakutov* [On the language of the Yakuts]. Translated from German by V.I. Rassadin. Novosibirsk: Nauka.
2. Pekarskiy, E.K. (1907–1930) *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut Language]. Vols I–XIII. Petersburg; Petrograd; Leningrad: USSR AS.
3. Sleptsov, P.A. (ed.) (2004–2018) *Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language: In 15 Vols.* Novosibirsk: Nauka.
4. Antonov, N.K. (1997) Yakutskiy yazyk [Yakut]. In: Tenishev, E.R. (ed.) *Yazyki mira. Tyurkskie yazyki* [Languages of the World. Turkic Languages]. Moscow: Indrik. pp. 513–524.
5. Sleptsov, P.A. (1964) *Russkie leksicheskie zaimstvovaniya v yakutskom yazyke (dorevolutsionnyy period)* [Russian Lexical Borrowings in Yakut (Pre-Revolutionary Period)]. Yakutsk: Yakut. knizh. izd-vo.
6. Kharitonov, L.N. (1954) *Tipy glagol'noy osnovy v yakutskom yazyke* [Types of the Verb Stem in Yakut]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
7. Ubryatova, E.I. (ed.) (1982) *Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Modern Yakut Standard Language. Phonetics and Morphology]. Moscow: Nauka.
8. Petrov, N.E. (1982) *O sodержanii i ob'eme yazykovoy modal'nosti* [On the Content and Scope of Language Modality]. Novosibirsk: Nauka.
9. Petrov, N.E. (1984) *Modal'nye slova v yakutskom yazyke* [Modal Words in Yakut]. Novosibirsk: Nauka.
10. Petrov, N.E. (1988) *Modal'nye sochetaniya v yakutskom yazyke* [Modal Combinations in Yakut]. Moscow: Nauka.
11. Petrov, N.E. (1999) *Sintaksicheskie sredstva vyrazheniya modal'nosti v yakutskom yazyke* [Syntactic Means of Expressing Modality in Yakut]. Novosibirsk: Nauka.
12. Yagafarova, G.N. (2019) The Newest Turkic Lexicography (About the New Type of Explanatory Dictionaries). *Severo-vostochnyy gumanitarnyy vestnik – North-Eastern Journal of Humanities*. 1 (26). pp. 77–84. (In Russian). DOI: 10.25693/SVG.V.2019.01.26.010
13. Grigor'ev, N.S. (1974) *Yakut Phraseological Dictionary*. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izd-vo.
14. Nelunov, A.G. (1998–2002) *Yakutsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [Yakut-Russian Phraseological Dictionary]. Vols 1–2. Novosibirsk: SB RAS.

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: 10.17223/22274200/19/6

Детский мир от первого лица. Рецензия на книгу: Словарь детства: говоры Среднего Приобья (с лингвокультурологическим комментарием) / Н.А. Агапова, С.В. Волошина, Т.А. Демешкина, С.С. Земичева, М.А. Толстова, И.В. Тубалова, М.М. Угрюмова, под ред. М.М. Угрюмовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. 210 с.

Словарь является первым опытом представления лексических и фразеологических единиц, относящихся к «детской» сфере традиционной культуры. Цель словаря – описание детства конкретной локальной традиции, отраженной в языке ее носителей, а также особенностей кре-

стьянского мировидения. Источники словаря – записи живой устной речи, сделанные в ходе диалектологических экспедиций сотрудников и студентов филологического факультета Томского государственного университета. Для диалектологов, культурологов, этнографов, историков, краеведов и всех, кто интересуется народно-речевой культурой.

Детский мир начала и середины прошлого столетия в интерпретации диалектоносителя – это уникальная лингвокультурологическая реконструкция томских лексикографов. «Словарь детства: говоры Среднего Приобья», подготовленный Н.А. Агаповой, С.В. Волошиной, Т.А. Демешкиной, С.С. Земичевой, М.А. Толстой, И.В. Тубаловой, М.М. Угрюмовой [1], впервые представляет детство как одну из базовых концептосфер русской лингвокультуры на материале ее локального воплощения. Источниками такого материала стали известные томские диалектные словари: «Словарь русских старожилов-ческих говоров средней части бассейна р. Оби» (1964–1967) и его До-

полнение (1975), «Мотивационный диалектный словарь» (1982–1983), «Среднеобский словарь (Дополнение)» (1983–1986), «Полный словарь сибирского говора» (1992–1995), «Вершининский словарь» (1998–2002), «Словарь образных слов и выражений народного говора» (2001), «Полный словарь диалектной языковой личности» (2006–2012), регулярно пополняемый Томский диалектный корпус, созданный в 2017 г., этнографические работы, экспедиционные записи устной речи диалектоносителей [1. С. 5].

Феномен детства, репрезентации которого исследованы учеными на материале философского, фольклорного и литературного текста [2], в томском словарном проекте представлен с позиций житейского опыта и народной аксиологии образцами живой речи сибирских крестьян. В них – семейные истории и личные судьбы, бытовые проблемы и социально-политические события, свой двор и свой край как фон воспоминаний о детстве, простых и пронзительно откровенных. Избранные составителями способы передачи звучания и композиционной организации диалектной речи позволяют сохранить ее аутентичность в таких текстовых фрагментах. Собранные умелой рукой составителя в большой лексикографический пазл под названием «Детство», эти материалы обеспечивают абсолютную достоверность словарного текста и удивительную силу его воздействия на читателя.

Томский «Словарь детства» – не первый пример включения «голо-са» диалектоносителей в лингвокультурологическую реконструкцию «детского мира». В формате научных статей, на которые во Введении ссылаются авторы словаря, отдельные культурно-исторические реалии детства описаны с опорой на их интерпретации в речи носителей говоров – тамбовских, оренбургских, амурских и др. (работы И.В. Поповичевой, П.А. Якимова и М.М. Кириной, Н.Г. Архиповой и А.В. Закирова [1. С. 4]). Из работ последних лет добавим к этому списку масштабное исследование Т.Г. Комиссаровой, которая реконструирует субъектно-объектный фрагмент концептосферы «Детство» в языковой картине мира вологодского крестьянина [3], рассматривает отражение языковым сознанием диалектоносителя таких значимых жизненных ситуаций, как начало бытия (рождение, крещение, имянаречение) и его окончание (болезнь и смерть ребенка) [4].

Томские лексикографы представляют данную концептосферу, объективированную в диалектном слове и дискурсе, во всем многообразии и пересечении составляющих ее параметров. Важнейшие поня-

тийные блоки концептосферы как конструкта, отражающего здесь сугубо житейское миропонимание, воплощены в основных компонентах макроструктуры словаря – его тематических разделах. Начало жизненного пути ребенка и ритуально-обрядовое сопровождение этого этапа представляют материалы, объединенные под заголовками «Появление ребенка. Беременность. Роды. Родильный обряд», «Обряд крещения», физические данные и психологические характеристики личности ребенка отражают номинативные единицы и контекстуальные иллюстрации разделов «Номинации по полу», «Возраст», «Развитие, физические параметры», «Характер и поведение ребенка». Маленький человек во взаимодействии с его малым «социумом» – тема раздела «Семья. Семейный статус ребенка». Развитие темы – в материалах, отражающих взгляды диалектоносителя на проблемы воспитания (в семье и детском учреждении), уход за ребенком, особенности питания детей. А еще словарь представляет читателю «Вещный мир» детства, его «игровое поле» («Детские и молодежные игры. Игрушки. Формы досуга») и языковое пространство («Детский лексикон», «Жанры детского фольклора»).

Иллюстративные контексты в каждом из разделов словаря подобраны таким образом, что пересечение временных планов прошлого и настоящего в оценочных суждениях диалектоносителей позволяет увидеть современные реалии сквозь призму традиционных ценностных установок народного сознания.

Так, информантами безоговорочно признаются преимущества современного «материального обеспечения» детства – качество питания и одежды, разнообразие игрушек, благоустроенный быт: *Жили без присмотру с сестренкой, кака уж там еда была <...> А счас можно жить. В магазине чё хошь покупай, ешь* [1. С. 157]; *Али игрушки каки у детей были, а таперь каких у них нету игрушек. А тода палку враскорячку и едешь, никого, никаких игрушек не было* [1. С. 101]; *У их большуишы были полати. А таперь кажному ребёнку коечка. А таперь уголья детям* [1. С. 21]; *Ребятишки и те по улицам наряднёхоньки бегают, а у нас разве ж так было. Голые ходили, рубашонки токо по праздникам надевали* [1. С. 22].

В высшей степени положительно и не без доли зависти оценивается доступность образования, широкие возможности познания мира, открывающиеся перед ребенком в настоящее время (*Небольшой пацан или девчонка лучинку поставит. Топерь дети счастливые, всё*

повидают [1. С. 40]), однако современные педагогические методы не выдерживают сравнения с «идеальной», проверенной на себе «пени-тенциарно» организованной системой образования и семейного воспитания: *Кого я училась – год. Но тогда учили совсем не так – строго и хорошо. В угол на коленки ставили. Тогда было строго и учились хорошо. Вот поставит в угол, и стоишь, и не смеешь оглянуться. Вот и вы будете учить, не слушайте их, ставьте в угол* [1. С. 159]; *Теперь и дети други пошли, непослуханы, раньше не такие были, боялися. Отец у нас строгий был. Ложкой по лбу бил* [1. С. 142].

Помимо результатов сопоставительной аксиологической деятельности диалектоносителя по линии «тогда – сейчас» лексикографы предлагают читателю и полную картину конкретной предметно-понятийной области «тогдашнего» мира детства в соответствующем разделе словаря. Например, тематически маркированный диалектный дискурс, иллюстрирующий лексику, разрабатываемую в разделе «Питание», позволяет сделать выводы о традиционных кушаньях сибирских крестьян, режиме питания в семье, представлениях о здоровой пище и вкусовых предпочтениях детей. Так, забота о питании ребенка представлена здесь как основная обязанность родителей. В этом смысле показательна интерпретация народным языковым сознанием внутренней формы глагола *воспитывать* в соответствии с исходным значением корня *пит-*, о чем говорит фиксация глагола в значении ‘кормить’: *Чем воспитывать стану, напою? < ... > Чем же ты их воспитывать будешь? Картошкой?* [1. С. 164].

Помимо картошки «воспитывали» рыбой (если посчастливилось жить у реки), овощами из огорода, кашей, которая, конечно же, была вкуснее, желаннее, чем сейчас: *Каши как мама наварит на всю ораву нашу. Ох и каша была. Рассыпчатая. Из печки достанет. А щас в кастрюлях-то не то совсем. Друго дело в горшках* [1. С. 165]. Лесные и полевые растения (*гусинки, кандык, лопух, пучка, сорочья ягода* (эти фитонаименования разрабатываются в отдельных словарных статьях)) были «подножным кормом», который дети добывали самостоятельно, о чем и рассказывают иллюстративные контексты. Здесь же – рецепты любимых овощных блюд, в том числе оформленных подизайнерски креативно и получающих при употреблении шутливо-ироническое речевое сопровождение: *Репу садили. И особенно зимой печку затопят и сидим. Репу разрежет и из них вырезали коняшек, потом ухо съешь, ножку съешь, хвостик съешь, туловище съешь.*

И такая вкусная репа была [1. С. 171]; Брюкву парили. Напярят двухведровый чугуун, печь русску затопят, туды ставили. Брюквы напярят, и ели, и говорили: «Ах, какие наши груши вкусные» [1. С. 164]. Парёнка – пареная брюква, репа, свекла, кручёнка – пропущенная через мясорубку ягода, сладкая сырая морковь, корни репейника (нарежу, как конфеты, ах, хрупоток раздается [1. С. 166]), – вот незатейливые лакомства, о которых вспоминают информанты. А сейчас нету этого. Щас одни конфеты да [1. С. 166]. В этой связи особенно много рассуждений о здоровье зубов ребенка, рекомендации молодым родителям, которые, как правило, не прислушиваются к мнению стариков: Сейчас воспитывают: парнишки обои без зуб. А у наших дак не выходят конфеты. Начну говорить: «Ребята, вы почто конфеты так много наладили?» А они говорят: «Хотят, так ешь» [1. С. 165–166].

И, тем не менее, диалектоносители щедро делятся знаниями о здоровом питании и пользе трав, представляют собственный опыт траволечебной профилактики, как, например, в следующей словарной статье, где этнокультурологически ориентированное толкование вносит ясность в вопрос о пищевом использовании растения:

ЛОПУХ. Растение репейник, молодые листья которого употреблялись в пищу. – *Вот мы раньше, когда малыньки были, когда только лопух взойдет, мы листья срывали. Сейчас зубов нет, а вот внука заставляю, он ес[т]. Очень лечебное растение. (Перв. Куян.) [1. С. 167].*

Лексикографы не только дают «возможность высказаться» носителям говоров, но и помогают раскрыться лингвокультурологическому потенциалу используемой ими лексики в ходе ее лексикографической параметризации.

Заглавное слово статьи или устойчивое сочетание, которое иллюстрируют в большинстве своем аксиологически маркированные контексты, получает экспрессивно-оценочную квалификацию посредством традиционных лексикографических помет:

ПОДКИДЫШЕК. *Ласк.* Ребенок, подкинутый чужим людям. <...> [1. С. 76].

СОПЛЮХА. *Пренебр.* Малолетняя девочка. <...> [1. С. 43].

СУРАЗЬЕ МЯСО. *Бран.* Внебрачный ребенок. <...> [1. С. 82].

ГОРЬКИЙ СИРОТА. *Экспр.* Ребенок, лишившийся родителей. <...> [1. С. 67].

С целью подчеркнуть самые разные эмотивно-оценочные нюансы семантики слова в описательные толкования тоже включается аксио-

логический компонент, репрезентируемый лексически: *ласковое обращение, бранное слово, ниже нормы* и т.п., как в приводимых ниже примерах:

ДОЧА. Ласковое обращение к дочери или обращение старшего по возрасту к лицу женского пола. <...> [1. С. 28].

ВАРНАЧКА. 1. Бранное слово по отношению к девочке. <...> 2. Отличающаяся непоседливостью, шаловливостью девочка. <...> [1. С. 139].

ЗАСКРЁБОК. О новорожденном ребенке с физическими параметрами ниже нормы. <...> [1. С. 173].

Наряду с толкованиями «от составителей» – описательными, синонимическими, отсылочными, широко используются средства контекстуальной семантизации лексики, когда слово опять предоставляется диалектоносителю, хорошо знакомому с обозначаемой реалией. Так, лаконичная формулировка, размещенная в зоне дефиниции, получает распространение в самых разных направлениях, например: КАТУШКА. *Ледяная горка с которой катаются на санках (в том числе дети).* <...>. Иллюстративные контексты представляют читателю дополнительные сведения о размерах, способе обустройства, особенностях использования ледяной горки: *Катушка – это маленькие скатки для детей <...>; Катушка. На саночках катались, на дровнях <...>; Зимой ребятишки на катушке катаются. Сперва коровьим калом вымажишь, а потом водой. Летит – юзжит только <...>* [1. С. 103]. ШКЕРЫ. *Детские, подростковые брюки <...>. О фасоне, материале, предназначении для холодной погоды узнаем в иллюстративной зоне статьи: Шкеры – они из полусукна, из какого-нибудь теплого материала <...>; А вот как у грузчиков, широкие, вот называли шкеры <...>; Чтоб снег не забрался, вот сюда делали резинку, и на валенки, на пимы вот так надевали <...>* [1. С. 183].

При необходимости профессиональную этнокультурологическую параметризацию лексика народных говоров получает в толкованиях, которые можно квалифицировать как толкования-комментарии. Они раскрывают предметное содержание этнографизма (ПОЛАТИ. *Настил из досок для сна, устраиваемый в избе под потолком между печью и противоположной ей стеной* [1. С. 190]), эксплицируют культурный фон слова или фразеологизма, связанный с самыми разными сферами духовного мира диалектоносителя: ИСПУГ, СПУГ. *По суеверным представлениям, болезненное состояние, вызванное*

злым духом или сглазом, выражается у детей в постоянном плаче, бессоннице, страхах [1. С. 176].

Собственно комментарии как отдельная параметрическая зона, завершающая словарную статью, разработаны особенно тщательно. Концепция лекстографического комментирования представлена авторами во Введении к словарю. Наличие лингвокультурологического комментария, как отмечается здесь, обусловлено целями создания словаря. Он содержит сведения об исчезающих духовных и материальных элементах традиционной культуры. Необходимость такой информации признается большинством диалектологов. Содержательная и формальная сторона комментария всякий раз определяется конкретным языковым материалом [1. С. 10]. Это положение словарной концепции реализуется в высшей степени мастерски, а вся система комментирования может служить примером воплощения творческой, свободной от штампов лексикографической мысли. В словаре представлены самые разные по типу комментарии. Комплексные – включают лингвистическую и экстралингвистическую (этнографическую, историческую, культурологическую) информацию. Например, комментируя наименования повитух (*бабка, бабница, бабушка*), авторы указывают на то, что эти слова восходят к сфере семейных отношений (таким образом актуализируется связь ребенка с принимавшей его женщиной), отражают возраст женщины – она должна быть более взрослой, опытной, чем роженица. Раскрываются базовые методы и средства, применяемые повитухами при родовспоможении – они обладают определенными медицинскими знаниями, но опираются и на народные суеверия, используют заговоры, молитвы. Подчеркивается, что женщины, умеющие принимать роды, пользовались в традиционной культуре особым уважением [1. С. 47].

Дифференцированные комментарии раскрывают определенный пласт культурной семантики слова, например социокультурный – у историзмов, культурно-бытовой у этнографизмов:

*ОКТЯБРИТЬ. Производить октябрины (революционный обряд) <...> * В первые годы после революции появилась идея создания особой безрелигиозной коммунистической обрядности. «Красная обрядность» была попыткой советской власти заменить традиционные религиозные обряды новыми гражданскими. Основные сценарии «красных» обрядов были разработаны вскоре после окончания гражданской войны* [1. С. 63].

*КАЧАЛКА. Качающаяся кровать для ребенка. <...> * Детская кровать такого типа располагается на полу, имеет опору в виде ножек или ползьев. Изготовлена из дерева. Приводится в колебательное движение ногой матери или няньки [1. С. 187].*

В качестве этимологического комментария предлагаются собственные разработки авторов словаря (статьи *КУВА, РУБАШКА, БОРОНА* и др.), этимологические версии, представленные в словарях В.И. Даля, М. Фасмера, А.Г. Преображенского, П.Я. Черныха (*ОРДА, САРЫНЬ, ЧЕЛЯДЬ, ЛЁЛЯ, СИРОТА, ГАВРИК* и др.), и, что особенно ценно в лингвокультурологическом плане, в контекстуальных иллюстрациях мы находим интерпретации происхождения родного слова диалектоносителями. Народное языковое сознание безошибочно определяет мотивировку производного слова, его производящую базу: *Ну обычно как, раз последний, то поскрёбыши зовут или последыши. Последний – вот и последыши [1. С. 88]; Зыбает, зыбает, вот и зыбка [1. С. 152]; Вот если девка нагуляет, ну без отца, то нагульный [1. С. 73].* Такая лингвоинтерпретационная деятельность затрагивает и метафорические наименования: *СВИНКА* (детское заболевание) <...>. *И всё это шею затягивало, опухало, краснота шла, и вот почему, наверное, и название такое болезни, потому что когда представляете свинью, у нее шеи нет, и вот ободок точно как у свиньи [1. С. 180]. МОЛОКОСОС* (о ребенке, который ведет себя не в соответствии со своим возрастом) <...>. *Молокососом лет четырнадцати называют. Дескать, молоко, наверное, сосет, а в чужие дела вяжется [1. С. 40].*

Подбор иллюстративного материала позволяет сделать выводы и о других параметрах «лингвистической компетенции» диалектоносителей: они осознают стилистическую окраску слова, его эмотивно-оценочную функцию: *А которые дети запрещены, или как вы говорите незаконны – они суразята – токо это ругательско слово [1. С. 69]; Суразница – это позорно слово [1. С. 81].* Способность дифференцировать лексику по актуальности (устаревшая – современная) проявляется в следующих высказываниях: *Мы его [отца] тогда не папой звали, а «тятей». Это счас «папой» зовут [1. С. 82]; Если неженатый, называют холостяк и парень, сейчас юнош зовут, а мы раньше понятия не имели [1. С. 25].* В актах языковой рефлексии четко разграничивается общерусская («россейская») и региональная, диалектная лексика («как туточка говорят»): *Россейски «люльки» называли, а*

мы – «зыбки» [1. С. 188]; *Когда сглазят робёнка, или как туточка говорят – урок. Урочивали* [1. С. 181]. При этом диалектная лексика оценивается современными носителями говоров не только как устаревшая, но и как не соответствующая литературной норме, «некультурная»: *У нас так говорили, например, в прошлом году – лонись, на днях – намнясь. А счас уж культурно стали говорить, так не говорят* [1. С. 38].

Что имеем – не храним? Нет, к счастью, это не тот случай. Убедительное подтверждение этому – «Словарь детства», изданный в Томске, образец бережного сохранения по-настоящему культурной, народно-культурной речи, с ее системой образов и оценок, особым звучанием и непрдуманными сюжетами. Избранная составителями форма репрезентации диалектного слова, фразеологизма, произведений детского фольклора (в словарь включены также дразнилки, потешки, считалки и т.п.) представляется оптимальной для решения поставленной задачи, которой является «описание детства конкретной локальной традиции, отраженной в языке ее носителей, а также особенностей крестьянского мировидения» [1. С. 2]. Единственное, чего иногда не хватает читателю, – это алфавитный указатель, который в тематически организованном словаре помогает быстро найти нужную словарную статью, проверить наличие той или иной лексической или фразеологической единицы в словнике.

Или это специальный ход составителей? Листая словарь в поисках нужного слова, невольно заново прочитываешь запомнившиеся фрагменты, замечаешь то, что при первом прочтении ускользнуло от твоего внимания, и еще раз задумываешься об огромной ценности словаря как культурно-исторического, лингвоаксиологического, регионоведческого источника.

Нельзя не сказать и о педагогическом потенциале «Словаря детства». Увидеть весь период жизни человека от рождения до вступления во взрослую жизнь сквозь призму жизненного и языкового опыта носителя говоров – полезно учителю, воспитателю, студенту, который готовится стать педагогом. Можно рекомендовать словарь и для семейного чтения, традиции которого у нас почти утрачены. Возможно, в этом случае чужие голоса из прошлого разбудят интерес и к истории своей семьи и своей малой родины, заставят задуматься о настоящем и будущем наших детей, о том, как оно будет оцениваться, когда для кого-то станет прошлым.

Литература

1. *Словарь детства*: говоры Среднего Приобья (с лингвокультурологическим комментарием) / Н.А. Агапова, С.В. Волошина, Т.А. Демешкина и др. ; под ред. М.М. Угрюмовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. 210 с.
2. *Нефедова Л.К.* Феномен детства в основных формах его репрезентации (философия, миф, фольклор, литература) : дис. ... д-ра филос. наук. Омск, 2005. 337 с.
3. *Комиссарова Т.Г.* Субъектно-объектный мир детства в языковой картине мира вологодского крестьянина // Севернорусские говоры. 2018. Вып. 17. С. 129–140.
4. *Комиссарова Т.Г.* «Мир детства» в языковом сознании вологодского крестьянина : ситуации рождения, крещения, болезни и смерти ребенка // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2019. № 1. С. 84–92.

Т.Г. Никитина

Children's World in the First Person. Book Review: Agapova, N.A. et al. (2018) *Slovar' Detstva: Govory Srednego Priob'ya (S Lingvokul'turologicheskim Kommentariem)* [Dictionary of Childhood: Dialects of the Middle Ob Region (With a Linguoculturological Commentary)]

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 19, pp. 109–119. DOI: 10.17223/22274200/19/6

Tatiana G. Nikitina, Pskov State University (Pskov, Russian Federation). E-mail: cambala2007@yandex.ru

The dictionary is the first experience in presenting lexical and phraseological units related to the “children’s” sphere of traditional culture. The purpose of the dictionary is to describe the childhood of a specific local tradition reflected in the language of its speakers and the characteristics of the peasant worldview. The sources of the dictionary are recordings of live oral speech made during dialectological expeditions of the staff and students of the Faculty of Philology, Tomsk State University. The dictionary is intended for dialectologists, culturologists, ethnographers, historians, ethnographers, and those interested in folk speech culture.

References

1. Agapova, N.A. et al. (2018) *Slovar' detstva: govory Srednego Priob'ya (s lingvokul'turologicheskim kommentariem)* [Dictionary of Childhood: Dialects of the Middle Ob Region (With a Linguoculturological Commentary)]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Nefedova, L.K. (2005) *Fenomen detstva v osnovnykh formakh ego reprezentatsii (filosofiya, mif, fol'klor, literatura)* [The phenomenon of childhood in the main forms of its presentation (philosophy, myth, folklore, literature)]. Philosophy Dr. Diss. Omsk.

3. Komissarova, T.G. (2018) Subjective-Objective “World of Childhood” in the Language World Picture of the Vologda Peasant. *Severnorusskie govory – Northern Russian Dialects*. 17. pp. 129–140. (In Russian).

4. Komissarova, T.G. (2019) “World of Childhood” in the Linguistic Consciousness of Vologda Peasants: Birth, Christening, Sickness and Death of Child. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki – Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology*. 1. pp. 84–92. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКСАРИНА Наталья Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Тюменского государственного университета.

E-mail: n.a.aksarina@utmn.ru

АММОСОВА Ия Васильевна – мл. науч. сотр. отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (г. Якутск).

E-mail: ammosova.iya@bk.ru

БАСОВА Лариса Валерьевна – канд. филол. наук, зав. кафедрой русского языка Тюменского государственного университета.

E-mail: l.v.basova@utmn.ru

ВАСИЛЬЕВА Надежда Николаевна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (г. Якутск).

E-mail: vaserel@mail.ru

ГЕНЕРАЛОВА Елена Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: elena-generalova@yandex.ru

ЖУЙКОВА Маргарита Васильевна – д-р филол. наук, профессор кафедры украинского языка Волынского национального университета им. Леси Украинки (г. Луцк, Украина).

E-mail: mzhujkova@ukr.net

ЙОДЛОВСКАЯ Алина Игоревна – аспирант кафедры украинского языка Волынского национального университета им. Леси Украинки (г. Луцк, Украина).

E-mail: Alino4ka02.03@ukr.net

ЛИТУС Елена Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной филологии филиала Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани.

E-mail: litus3@yandex.ru

МОНАСТЫРЁВ Владимир Дмитриевич – канд. филол. наук, вед. науч. сотр. отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (г. Якутск).

E-mail: dimamon92@mail.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит два раза в год.

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: [**http://journals.tsu.ru/lex**](http://journals.tsu.ru/lex)

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: [**http://journals.tsu.ru/lex**](http://journals.tsu.ru/lex)

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: [**katunin@mail.tsu.ru**](mailto:katunin@mail.tsu.ru)

Научный журнал

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2021. № 19

Редактор Ю.П. Готфрид
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Я. Якобсон, Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 04.03.2021 г. Формат 80×84 ¹/₁₆.
Печ. л. 7,6; усл. печ. л. 7. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 4607.

Дата выхода в свет 19.03.2021 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru